

КРАСНАЯ ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ОДИННАДЦАТЫЙ

*Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.*

Владимир ЧУГУНОВ

Свет Победы

- *Уроки города*
- *Кедры нашей памяти*
- *Из фондов музея*

ББК 26.981
К79

Учредитель: муниципальное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»
(650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17, 64-24-12)

В издании альманаха «Красная Горка» также участвуют:

Администрация города Кемерово;

Кемеровский государственный университет;

Фонд архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете
Королевства Нидерландов;

Департамент культуры и национальной политики Администрации
Кемеровской области

Главный редактор
Г. Е. ЮРОВ

Ответственный секретарь
Н. А. ШЕЛЕПОВА

Редколлегия:
А.В. ЗЫКОВ, Ю.С. ЗЮЗЬКОВ, В.П. КРАВЧУК, Е. А. КРИВОШЕЕВА,
А.М. КУЛЕМЗИН, А.А. ЛОПАТИН, А.В. ТАРАКАНОВ, И.Ю. УСКОВ

Член редколлегии в Королевстве Нидерландов
ЯН МОЛЕМА

Член редколлегии в Великобритании
САЙМОН ФРЕНСИС

К79 **Красная Горка** / гл. ред. Г. Е. Юров. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2010. –
183 с.
ISBN 5-202-00343

ББК 26.981

© Юров Г. Е., сост., 2010
© Музей «Красная Горка», 2010
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2010

65-й годовщине **ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

посвящается этот выпуск

ПРАЗДНИК, НАС ОБЪЕДИНЯЮЩИЙ

К нам обращается председатель городского Совета ветеранов, координатор Совета старейшин при губернаторе, почетный гражданин Кемеровской области Г. В. КОРНИЦКИЙ

Дорогие земляки!

Этот номер альманаха необычный. Он посвящен 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Сколько горя испытали мы в те годы! Я солидарен со словами поэта Геннадия Юрова из его стихов о городе:

*Когда над землёю взметнулся
Войны разрушительный гул,
Мой город в дыму захлебнулся,
Чтоб мир облегченно вздохнул.*

Оборонный комплекс города Кемерова работал героически. У аппаратов и станков стояли в основном женщины и подростки. Их воспоминания опубликованы в этом, как всегда интересном, альманахе.

К сожалению, на заводах и шахтах города иногда случались аварии, гибли люди. Как мне говорили старожилы, взрывная волна выбивала стекла в окнах поселка «Стандарт» Рудничного района. За годы войны на угольных предприятиях Кемеровского рудника не поднялись на-гора живыми почти 200 горняков. Но на фронт регулярно уходили эшелоны военной продукции, производился кокс для металлургов Урала, напряженно, круглые сутки трудились строители и монтажники ОСМЧ-ЗО, пускались новые мощности, в том числе и за счет оборудования, эвакуированного из западной части страны.

Из восьми пороховых заводов в СССР остались неоккупированными лишь три, среди них предприятие 392 (завод «Прогресс») в Кировском районе. Новые заводы: КЭМЗ, «Карболит», «Подковный» – росли буквально на голом месте, под сибирским небом. Приспособлены были под цеха центральный универмаг и Дворец труда. Здесь выпускали электродвигатели для танков. Коллективы коксохимиков и азотчиков были награждены за трудовой подвиг в годы войны ордена-

ми Ленина, не раз завоевывали знамя Государственного Комитета Обороны.

Тяжелая миссия выпала на долю тружеников этих предприятий.

Писательница, бывший комсорг азотно-тукового завода Ирина Ирошникова в повести «Где-то в Сибири» талантливо изобразила труд молодых азотчиков в годы войны. Жаль, что мы забываем о таких произведениях.

Война закончилась победоносно, но с ее полей не вернулись более 11 тысяч кемеровчан...

Казалось, теперь вздохнет народ! Но надо помогать восстанавливать шахты Донбасса, многострадальную Белоруссию, разрушенные фашистами города и села, колхозы и предприятия. И снова кемеровчане протянули руку помощи братским народам, откладывая «на потом» снос бараков, строительство школ и больниц, жилых домов.

Лишь в послевоенные годы началась в Кемерове бурная застройка центральной части города.

Я приехал учиться в Кемерово в только что открывшийся горный институт. Это было в 1950 году, через 5 лет после Победы!

По Советскому проспекту почти по лужам ходил трамвай, вдоль которого лепились одно-двухэтажные

деревянные домишки. Тротуары были дощатыми. В Рудничном районе, где в помещении горного техникума временно поселился наш институт, стояли двухэтажные бараки поселка «Стандарт» и строения «нахаловки». Дороги гравийные. Улицы Горловское шоссе (теперь проспект Шахтеров), Нахимова, Суворова были облеплены заборчиками, маячили наружные туалеты... Шахты «Центральная», «Северная», «Пионер», «Бутовская» разбросаны по окраинам. Строился мост через Томь. Словом, картина грустная. И только сосновый бор вдоль Томи поражал своей красотой.

Однако никто не грустил, люди ходили на танцы в горсад, посещали кинотеатр «Москва», музкомедию, драмтеатр, цирк.

В пятидесятые годы открываются педагогический и медицинский институты, в шестидесятые – КемТИПП и институт культуры, они постепенно обзаводятся новыми учебными корпусами и общежитиями. Город становится студенческим.

Растут проспекты города, он уже шагнул в заискитимскую часть, исчезли землянки Щетинкина лога и Больничного лога. Появились красивейшая набережная, лирическая улица Весенняя. Их так любят кемеровчане!

Не случайно в альманахе много людских судеб. Мне близки ветераны. С молодых лет выросли мы вместе с городом. Надо сказать о них побольше, их так много, хороших, трудолюбивых и честных моих земляков-кемеровчан!

День авиации. Август. На старом аэродроме праздник. Летчики и парашютисты показывают свое мастерство. Рядом со мной стоит Владимир Мартемьянов – чемпион мира по высшему пилотажу. Он был одним из активных депутатов городского Совета, интересным собеседником для школьников, студентов, талантливым журналистом. Когда его хоронили, кажется, весь город пришел проводить великого спортсмена.

Был членом делегации в венгерский город-побратим Шалготарьян Алексей Бабенко – шахтер с «Ягуновской», Герой Социалистического Труда. Я наблюдал, как он объяснял иностранцам позицию своего отечества в международных отношениях. Этот урок рабочего человека мне помнится до сих пор.

Николай Васильевич Никифоров и Борис Иванович Александров – два друга, председатели райисполкомов Рудничного и Кировского. Денег в бюджете было мало,

но предприятия на их «вотчинах» постоянно устраивали жизнь трудящихся. Беспредельно преданные делу, рачительные хозяева, они пользовались большим уважением у людей. Не скрываю, что сам учился у них.

А каким энергичным был мэр города Петр Михайлович Белоус! Каким предприимчивым был председатель райисполкома Владимир Артемьевич Капитонов – комсорг КХЗ в годы войны!

Интеллигенция города формировалась в военные и послевоенные годы. Александр Константинович Бобров – любимец кемеровской публики, первый в Кузбассе народный артист РСФСР; заслуженный врач России, первый почетный гражданин города Михаил Алексеевич Подгорбунский; директора школ Степан Андреевич Катаонов, Гавриил Исаакович Креков, Галик Павлович Меновщиков, Алексей Владимирович Бобков и многие их коллеги отличались высоким профессионализмом и педагогическим талантом.

Гордость высшей школы города – Владимир Григорьевич Кожевин, Николай Николаевич Чистяков, Александр Дмитриевич Ткачев, Николай Павлович Шуранов и сотни их последователей и учеников.

Директорский корпус во все времена славился деловитостью, ответственностью, внимательностью к рабочим и служащим.

Николай Николаевич Юдин (КЭМЗ), Виталий Григорьевич Коптелов («Азот»), Николай Александрович Малинин (трест «Кемеровохимстрой»), Аваскаль Карлос Барредо (Кедровский разрез), Борис Федорович Будников («Прогресс»), Петр Федотович Шаралов (шахта «Северная»), Александр Ильич Перфильев (автоколонна № 1237) вписали яркие страницы в индустриальную летопись города.

Более десяти лет я являюсь членом коллегии городской администрации, пережившей нелегкие времена в девяностые годы.

Сейчас Кемерово – один из лучших, красивейших городов Сибири. И в этом большая заслуга кемеровчан и команды Владимира Васильевича Михайлова – главы нашего города.

С юбилеем Победы, земляки-кемеровчане!

Г. В. КОРНИЦКИЙ

ГЛАВНАЯ ЗАБОТА

О работе администрации города Кемерово по подготовке к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне

В Кемерове проживает 10 870 ветеранов, в том числе 1 119 участников войны, 9 273 труженика тыла. Особую категорию составляют вдовы фронтовиков – 2 490 человек. Забота об этих людях всегда была одним из самых важных направлений в работе администрации города. И в год празднования юбилея Великой Победы мы уделяем им максимум внимания и заботы.

Для того чтобы еще раз внимательно изучить, в чем нуждаются люди этого поколения, и помочь в решении их проблем, в декабре 2009 года в Кемерове было создано 148 мобильных групп. В их состав вошли депутаты городского и областного Советов народных депутатов, представители Совета ветеранов, сотрудники администрации города. «Группы заботы» посетили каждого ветерана на дому, побеседовали о жилищно-бытовых условиях, состоянии здоровья. Собрано около двух тысяч просьб и обращений от фронтовиков. Все пожелания ветеранов переданы в соответствующие

управления администрации города для принятия конкретных мер по каждому случаю.

В 2009 году и в первом квартале 2010 года удалось отремонтировать 184 квартиры, где проживают фронтовики. На эти цели из городского бюджета было направлено 2,4 миллиона рублей. В квартирах 118 ветеранов войны были заменены оконные блоки. Кроме 4 миллионов рублей местного бюджета, 729 тысяч рублей выделили предприятия и организации города. До конца этого года новые окна будут

установлены в квартирах 233 участников Великой Отечественной войны. По просьбе ветеранов заменены отопительные приборы и санитарно-техническое оборудование в 95 квартирах, выполнены 39 просьб фронтовиков по установке приборов учета, электросчетчиков, электрических и газовых плит, приобретению бытовой техники. Семьи ветеранов получили помощь при оформлении 46 земельных участков. Новоселами стали 56 участников войны. Просьбы и обращения планируется удовлетворить до конца 2010 года.

Нужно сказать, что в Кемерове существует давняя традиция социального партнерства, когда власти, предприятия и сами жители объединяются для решения важных задач. Празднование 65-летия Победы в Великой Отечественной войне не стало исключением – в областном центре был создан Фонд Победы, чтобы сделать жизнь ветеранов более благополучной. На счет Фонда перечислено более 9 миллионов рублей. К сбору средств

для оказания материальной помощи тем, кто отстоял Отечество, подключились более 900 коллективов: муниципальные учреждения, предприятия и общественные организации. Активными участниками Фонда стали школьники, студенты, ветераны, активисты. Тридцать шесть миллионов рублей внесли предприятия, учреждения для вручения денежного вознаграждения участникам войны и труженикам тыла. Всего к юбилею Победы было собрано около 47 миллионов рублей.

Самого бережного отношения требует здоровье наших ветеранов. Ежегодно медицинские учреждения проводят диспансеризацию всех участников войны. В 2009–2010 годах более трех тысяч из них получили стационарное лечение в муниципальном центре «Милосердие», гериатрическом отделении городской больницы № 2, городском госпитале ветеранов, центре медико-социальной помощи городской больницы № 11. Две тысячи честыреста немобильных пациентов прошли курс оздоровления на дому, для 300 ветеранов были организованы целевые заезды в комплексные центры социального обслуживания населения. На 4,4 миллиона рублей бюджетных средств были закуплены лекарства для участников и инвалидов Великой Отечественной войны. В свою очередь акционерное общество «Аптеки Кузбасса» вручило фронтовикам 1 100 аптек с набором препаратов первой необходимости.

Еще одно немаловажное направление работы – сохранение памяти о воинском и трудовом подвиге кемеровчан и патриотическое воспитание школьников. И здесь главные помощники – школьные музеи. На сегодняшний день их 97, в фондах насчитывается 65 тысяч экспонатов. Ежегодно музеи посещают более 130 тысяч человек. На базе музеев проводятся уроки города и уроки мужества, встречи с ветеранами и тружениками тыла, торжественные линейки и сборы, конференции, праздники, конкурсы, патриотические акции. Самыми масштабными стали: городская Неделя Памяти «Навек остались молодыми», посвященная 90-летию Героя России Веры Волошиной и Героя

Советского Союза Юрия Двужильного, марафон «100 дней до Победы», уроки – «Города-герои», «Вехи Великой Победы», смотр-конкурс школьных музеев «Страницы Победы в нашей истории», слет активистов школьных музеев «Помним, гордимся, благодарим!», историко-краеведческая игра «Колесо истории». В школьных музеях в год празднования Великой Победы прошло более 1,5 тысячи мероприятий.

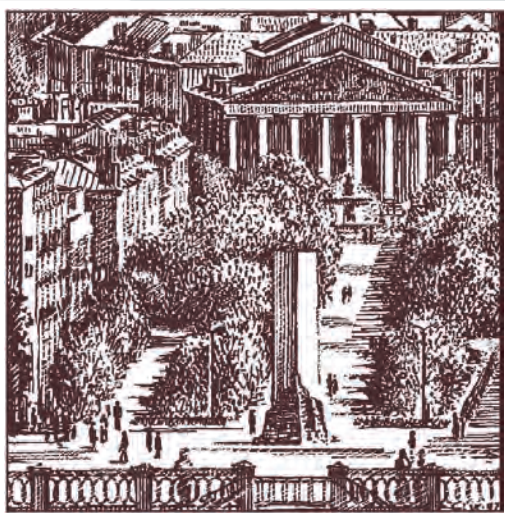
Присвоены имена выдающихся жителей города образовательным учреждениям. С этого года средняя общеобразовательная школа № 40 носит имя С. А. Катасонова, директора школы, фронтовика. Центру образования «Смена» присвоено имя Г. Г. Новикова, участника Великой Отечественной войны, бывшего директора школы № 47.

В память о трудовом подвиге кемеровчан в годы Великой Отечественной войны установлены мемориальные доски на зданиях Кемеровского университета, областного колледжа культуры, где в годы войны находились цеха оборонных заводов. Всего в городе 63 мемориальные доски, посвященные Великой Отечественной войне. Сорока пяти промышленным предприятиям, школам и медицинским учреждениям, работавшим в годы войны, вручены памятные знаки «Героям Великой Победы – труженикам тыла от благодарных кемеровчан».

В Кемерове к 9 мая проведено более 500 спортивных и праздничных мероприятий. А сам День Победы запомнится кемеровчанам и гостям столицы Кузбасса грандиозным многотысячным праздничным шествием, торжественными митингами во всех районах города. Пятнадцать творческих и концертных площадок – места чествования ветеранов.

Однако, ни подготовка к празднику, ни сам юбилей Победы не заменят той ежедневной кропотливой работы, которую кемеровчане проводят на благо ветеранов. И эта забота не только на 2010 год, но и на все последующее время.

И. Ф. ФЕДОРОВА,
заместитель главы города Кемерова
по социальным вопросам

Уроки ГОРОДА

Кемерово: все для фронта!

Война стала временем тяжелых испытаний для восточных районов страны. Эвакуация населения с оккупированных территорий, перебазирование заводов и фабрик, развертывание работы оборонных предприятий – проблемы, с которыми столкнулись многие города Урала и Сибири. В тыловом Кузбассе большинство городов совершенно не подходило для роли новых промышленных центров, способных в короткие сроки принять и разместить тысячи семей, обустроить их быт. О неимоверных трудностях, с которыми столкнулся город Кемерово, беспристрастно свидетельствуют архивные документы. Известно, что будущий областной центр в начале войны испытал сложности с размещением огромного потока эвакуированных людей и новых промышленных предприятий. На горожанах лежала ответственность по бесперебойному обеспечению Красной Армии всем необходимым. В тыловом Кемерове развернулись эвакуационные госпитали, в которых на излечении находились сотни раненых солдат.

Центром управления Кемеровом стал городской комитет партии. Вплоть до весны 1943 года,

когда первым секретарем горкома стал руководитель новообразованной областной парторганизации С. Б. Задонченко, «хозяином города» являлся П. К. Сифуров. С апреля 1939 года он находился в должности секретаря горкома. Труд у начальства в военное время вообще не имел никаких временных пределов. Протоколы бюро горкома бесстрастно свидетельствуют о начале заседаний в 22 часа, а то и в 1 час ночи.

Партийная власть не только решала всевозможные хозяйственные вопросы, но и поддерживала должный моральный дух кемеровчан. Именно по ее инициативе в первые месяцы войны организовывались всевозможные акции, устраивался быт горожан. В городе стали проводиться регулярные сборы вещей для воинов Красной Армии. Например, на заседании бюро Кемеровского горкома ВКП(б) от 22 сентября 1941 года, которое началось в полночь, отмечалось, «что сбор теплых вещей для Красной Армии проходит совершенно неудовлетворительно. Некоторые коммунисты оказались в хвосте, не сдали ни одной теплой вещи для РККА». Было предложено собрать активы домо-

хозяек по вопросу сбора теплых вещей. При всех домоуправлениях сбор теплых вещей был организован уже с 23 сентября 1941 года.

Но нельзя было пускать такую кампанию на самотек. 2 октября 1941 года бюро горкома вновь вернулось к рассмотрению вопроса о сборе теплых вещей. Задание за 10 дней было выполнено только на 10–15 процентов. Доходило до курьезов. Как отмечается в партийном протоколе, «по всем районам имеет место сбор вещей, не входящих в номенклатуру, установленную Центральной комиссией (юбки, дамские боты и др.)». На заседании было решено «мобилизовать весь партийный, комсомольский и советский актив на проведение работы по сбору вещей непосредственно на квартирах, в семьях рабочих и служащих. Сбор вещей планировалось закончить к 10 октября 1941 года. Вещи направлялись на районные склады, а оттуда – на склады наркомата обороны.

Кампании по различным сборам имели важное мобилизационное и политическое значение. Например, в кратчайшие сроки требовалось собрать бутылки для последующего производства зажигательных смесей. В десять дней комсомольцы, школьники, уличные комитеты и домоуправления обязывались к сбору 26 тысяч (!) бутылок. Судя по разнарядке, самым насыщенным по наличию использованных бутылок был Центральный район – здесь предполагалось собрать 12 тысяч штук, правобережные районы получили план в значительно меньших объемах – по 7 тысяч штук.

Конечно, подобные разнарядки были взяты «с потолка», не учитывали реальных возможностей населения и ответственных за проведение «сборных кампаний». Уже 27 ноября 1941 года городские руководители отметили слабую работу по сбору теплых вещей для Красной Армии и по сбору бутылок для оборонных целей. И вновь была поставлена строгая задача: каждому коммунисту и комсомольцу сдать столько теплых вещей, сколько надо для обмундирования отдельно взятого бойца.

В условиях подготовки к приему эвакуированных надлежало провести массовую уборочную кампанию. Для помощи селу требовалось мобилизовать горожан. Но в сентябре 1941 года эту работу райкомы и райисполкомы, промышленные предприятия организовали плохо. Не использовались домоуправления и уличные комитеты, никто не вел разъяснительную работу. Председатели райисполкомов города пообещали, что горожане будут посланы на уборку урожая не позднее 4 октября 1941 года. В первую военную зиму город должен был получить исчерпывающие запасы продовольствия. Кемеровчане получали зерно из близлежащих сельскохозяйственных районов. Для вывозки из Крапивина на пункты Заготзерно мобилизовывался водный транспорт промышленных предприятий – катера и баржи.

Однако предприятия общественного питания оказались неподготовленными к размещению огромного количества людей. Новосибирский обком партии уже 8 октября 1941 года принял постановление «О состоянии общественного питания в городах Кузбасса». 2 января 1942 года бюро Кемеровского горкома ВКП(б) рассматривало вопрос «О состоянии общественного питания в городе»: «В столовых имеют место антисанитария, грязь, неудовлетворительное изготовление пищи, растраты и хищения, грубое обращение с посетителями и т. д.»¹. Установленный пленумом горкома ВКП(б) план заготовок овощей и картофеля выполнен только на 48,5 процента, план улова рыбы – на 34,6, план заготовок дикорастущих ягод и грибов – на 68,4, сушка картофеля – всего на 16 процентов.

Проблемы в городе нарастали как снежный ком. От оперативности принимаемых решений и их немедленного исполнения зависела эффективность боеспособности нашей армии. С учетом принятого Государственным Комитетом Обороны СССР постановления о всеобщем военном обучении граждан СССР от 16 до 50 лет, бюро Кемеровского горкома обязало местные предприятия изготовить для учебных целей макеты оружия и шанцевый инструмент. В течение 10 дней в Цен-

тральном, Кировском и Рудничном районах города надлежало распространить муляжи винтовок, гранат, пулеметов и саперные лопатки. Подобную продукцию выполняли на заказ и для других городов и регионов.

Особые трудности в городе появились во второй половине октября 1941 года, когда стали прибывать эшелоны с эвакуированными. Одна из самых первичных и необходимых мер, которая представлялась быстровыполнимой, связывалась с «уплотнением» квартирантов в имеющихся жилых домах. Однако эта мера могла решить проблему в самые первые дни приема людей.

Требовалось продолжать жилищное строительство, для которого не хватало ни сил, ни средств. Строительные организации городских промышленных предприятий обязывались подготовить имеющуюся инфраструктуру под нужды прибывающих специалистов и членов их семей. Так, например, комбинату № 392 под жилье предусматривалось перепрофилировать здание заводоуправления в 1 500 кв. метров, техникума – в 1 500 кв. метров, а также за два месяца соорудить 20 бараков площадью в 17 300 кв. метров².

Было решено задействовать всевозможные варианты строительства временного жилья. При этом рождались идеи передачи помещений по цепочке. Механический завод Наркомата боеприпасов получал под жилье здание бывшего детприемника. Заключение Сибирского исправительно-трудового лагеря, располагавшиеся в бараках, подлежали выселению из них в землянки. Последних предусматривалось построить в объеме 4500 кв. метров за 12 дней. Освобождавшиеся бараки такой же площади передавались заводу № 319 к 1 ноября 1941 года.

Однако землянки рассматривались как временное жилье не только для спецконтингента. Бюро горкома обязало управляющего трестом № 30 вернуть строительство в 10 тысяч кв. метров для размещения рабочих колонн и эвакуированного населения. Были приспособлены чердаки в домах комбината № 392 площадью 2 030 кв. метров.

Другие предприятия изыскивали возможность утепления летних пионерских лагерей, приспособляли под жилье подвалы капитальных строений. У города не было возможности обустраивать и перепрофилировать приспособленные помещения. Для скорого решения вопросов директора кемеровских предприятий должны были немедленно дать заявку на материалы для выполнения работ в отраслевые наркоматы. Лес, стекло, гвозди просили у Новосибирского обкома ВКП(б) для строительства домов и землянок в городе.

Но и подготовка жилищного фонда представлялась лишь малой частью забот, которые ложились на руководство города в связи с процессом эвакуации. Ведь Кемерово стал размещать эвакуированные заводы со скорейшим восстановлением их производственных мощностей. Прибывший в Кемерово завод № 630 Наркомата химической промышленности СССР первоначально разбросали по городу с учетом взаимосвязи технологических операций. Однако горком понимал, что полноценная работа завода могла быть достигнута лишь тогда, когда будут построены основные производственные цеха. Поэтому незамедлительно последовало обращение в Новосибирский обком ВКП(б) – «через ЦК ВКП(б) обязать наркома по строительству СССР С. З. Гинзбурга включить в план строительство и монтаж завода № 630³».

Заводы в Кемерово прибывали один за другим. Даже с учетом запланированного строительства землянок и бараков не было никакой возможности обеспечить прибывающих специалистов и членов их семей жильем по минимальным санитарным нормам. Например, для размещения прибывающих тысячи семей завода № 510 в трехдневный срок (!) следовало выделить жилплощадь для 500 семей. Вторая половина прибывающих размещалась в землянках и на квартирах, которые и так уже были «уплотнены».

Наплыв эвакуированных в городе осложнял систему учета граждан, работу по социальному обеспечению. Требовалось находить нестандартные решения для эффективных действий. Перереги-

страция военнообязанных запаса проводилась без отрыва от производства, для чего в каждом районе открывались специальные пункты. Там же проводилась и политико-массовая работа. Для своевременного информирования о ситуации на фронте отдел пропаганды и агитации горкома партии и редакция городской газеты «Кузбасс» предложили готовить отдельные оттиски сводок Советского информбюро, которые стали распространяться вместе с местными газетами в организациях и учреждениях города.

За счет эвакуированных росла численность кемеровских коммунистов. Городская партийная организация на 1 июля 1942 года насчитывала в своих рядах 3 264 коммуниста (в их числе женщин – 672), 971 кандидата в члены ВКП(б) (женщин – 261). Центральный и Рудничный райкомы ВКП(б) проявляли медлительность во взятии на постоянный партийный учет коммунистов, эвакуированных из прифронтовых районов, учетные карточки на которых райкомами были получены.

Очень серьезной проблемой стало развертывание эвакуационных госпиталей и их деятельность в 1941–1943 годах. 29 сентября 1941 года обсуждался вопрос о приспособлении зданий для госпиталей. К 1 октября 1941 года одному из эвакуационных госпиталей должно было быть передано здание педучилища. В ударном порядке запланировали переселение жильцов из дома № 1 коксохимического завода: бюро, заседавшее с 23 часов до 2 часов ночи, постановило: не позднее 30 сентября провести переселение.

Несмотря на необходимость развертывания деятельности госпиталей уже осенью 1941 года, местные хозяйственные работники не проявили расторопности. Медленно шла передача под госпиталь дома горисполкома, дома № 1 коксохимического завода и ряда других. Вердикт бюро горкома строг и неутешителен: за неудовлетворительный ход работ по развертыванию сети госпиталей начальника облстройконтроля с работы сняли и из кандидатов в члены ВКП(б) исключили.

Имелись и другие факты пренебрежения ин-

тересами госпитального хозяйства. Показателен случай, произошедший в Кемерове 13 июня 1942 года. В газете «Аргументы и факты в Кузбассе» от 3 февраля 2010 года доктор исторических наук, профессор Ю. П. Горелов об этом рассказывает так: «...однажды прибыла большая группа раненых на Кемеровский железнодорожный вокзал. А шефские предприятия автотранспорт не предоставили вовремя. Начальник госпиталя не стал сидеть сложа руки и ждать машины. Он с помощью своих подчиненных остановил все трамваи в городе и приказал грузить туда раненых, чтобы везти их в госпиталь. Конечно, власти подняли шум, ведь дело секретное: нельзя деморализовать население. Но и начальника эшелона можно понять: он отвечал за жизнь бойцов, несколько недель страдавших от ран в поезде, каждому помощь нужна была срочно. К счастью, тогда верх взял здравый смысл и выговор с человека сняли»⁴.

Газетная публикация во многом меняет суть документа, зафиксировавшего это событие. Бюро Кемеровского горкома ВКП(б) от 15 июня 1942 года, заседавшее с 22 часов до 1 часа 30 минут ночи, рассмотрело вопрос «О подготовке и проведении разгрузок военно-санитарных поездов». Из документа следует, что предприятия транспорт на вокзал все же предоставили, но не в том количестве, которое было необходимо. Начальник сортировочного эвакуационного госпиталя И. Г. Корочкин «встал на неправильный путь отгрузки раненых больных трамваем, тем самым допустил демонстрацию раненых по городу»⁵. То есть для перевозки солдат был использован лишь один трамвай и автомашины нескольких заводов. Бюро потребовало от директоров заводов предоставлять для разгрузки раненых автомашины по получению телефонограммы сортировочного эвакуационного госпиталя. Начальнику госпиталя Корочкину выговора не объявили, а лишь запретили «производить перевозку раненых больных трамваем». Бюро и секретарь горкома ВКП(б) П. К. Сифуров хорошо понимали, что наложение взыскания на начальника госпиталя не пойдет на пользу. Он продемонстрировал наход-

чивость и смекалку, за что нужно было не наказывать, а поощрять.

Руководство тылового города беспокоил план угледобычи. Нарком угольной промышленности СССР В. В. Вахрушев направил телеграмму «О повышении плана добычи угля по шахтам треста «Кемеровоуголь». Повышение плана на июль 1942 года в кратчайшие сроки было доведено до каждого участка, забоя и бригады, мобилизовав весь коллектив на безусловное выполнение установленного плана. Заведующие шахтами и их главные инженеры обязывались в двухдневный срок разработать суточные графики цикличности забоев и лав с расчетом обеспечения выполнения плана, установленного наркомом для каждой шахты.

В это время углепромышленное производство страдало от многочисленных аварий и технических неполадок. Они были объяснимы, однако партийные органы и их руководители ставили начальников шахт в жесткие условия: требовалось обеспечить безаварийную работу. Как и полагалось в то время, причины многих аварий связывались с политической неблагонадежностью некоторых инженерно-технических работников (читай – вредителей). В октябре 1941 года в Кемерове принимается решение: в трехдневный срок проверить состав работающих на шахтах «Центральная» и «Северная», а также их управленческий аппарат. Лиц, не внушающих доверия, было предложено удалить с шахт. Озабоченные производственным травматизмом и аварийностью функционеры Кемеровского горкома ВКП(б) приняли и такое решение: «Партийным организациям шахт глубже влезать в производственную работу шахт и вести систематически работу среди шахтеров, направленную на революционную бдительность и перевыполнение планов угледобычи». Парторгам было предложено лично заниматься расследованием причин аварий, каждый случай следовало рассматривать на заседании партбюро.

Обозначенные проблемы требовали быстрого реагирования руководства. В немалой степени городские начальники были озабочены коммуналь-

но-бытовыми проблемами горожан. В городе неоднократно возникали вспышки брюшного и сыпного тифа. Для предотвращения эпидемий был пересмотрен график работы городских бань: с конца 1942 года они стали работать в круглосуточном режиме. Под моечные отделения приспособили все вспомогательные помещения имевшихся бань. В городском ведении их было не так много. Выручали бани предприятий. Так, например, баню Кемеровской ГРЭС превратили в санпропускник. Руководителей предприятий, директоров школ и училищ обязали организовать санобработку и дезинфекцию белья и одежды проживавших в общежитиях учащихся, а также воспитанников детских домов. Составили твердый график по обязательной санобработке и дезинфекции не реже раза в декаду по льготному тарифу со скидкой 50 процентов. Отдел торговли обязывался организовать продажу мыла в банях.

1 февраля 1942 года в Кемерове запланировали общегородской воскресник по очистке города от нечистот, мобилизовав на него весь возможный транспорт. Директора коксохимзавода Максимова обязали организовать подачу воды на Новую колонию, запретили перекрывать питьевую воду и вместо нее подавать техническую – источник инфекций.

Директорам предприятий следовало по первому требованию горздравотдела предоставлять автотранспорт для перевозки больных сыпным и брюшным тифом в лечебные учреждения, а также для выезда медработников по проведению противозидемических мер в очагах сыпного и брюшного тифа. Даже директора зрелищных предприятий еженедельно обязывались проводить дезинсекцию помещений: имелись случаи заражения вшами во время киносеансов и цирковых представлений.

Устанавливался твердый график помывки бойцов строительных батальонов – не реже раза в декаду. Эта категория находилась в тяжелых жилищно-бытовых условиях, поэтому фиксировались факты антисоветских выступлений, отказ и невыход на работу, дезертирство, воровство, открытое невыполнение приказов командования батальонов.

Описывая многочисленные трудности, хотелось бы вспомнить о тыловых праздниках. Повседневность скрашивалась киносеансами, театральными постановками, работой библиотек. Официальные праздничные дни использовались как повод для подъема высокого морального духа кемеровчан. 23 февраля 1942 года отмечалась XXIV годовщина со дня создания Красной Армии. В этот день рабочие и служащие знакомились с «героическими подвигами воинов Красной Армии и трудовой доблестью Советского тыла». Все организации и предприятия города готовили для воинов Красной Армии и находящихся на излечении в госпиталях подарки и письма. В этот день были устроены в рамках всеобщих массовых соревнований по лыжному спорту, гранатометанию. Тактические учения проводились с выходом в поле.

Широко использовалась практика морального стимулирования труда. Она находила отражение во вручении переходящих Красных знамен горкома и горисполкома промышленным предприятиям, давшим наилучшие показатели. В тыловом городе проводились не только трудовые соревнования по росту производительности труда, но и конкурсы профессионального мастерства.

Очень большое внимание уделили конкурсу «Лучшее приготовление первого блюда». Он проводился в системе общественного питания отделов рабочего снабжения и торгов. Бюро Кемеровского горкома партии одобрило инициативу. Для лучших заведующих производством и поваров устанавливались три премии за приготовление щей, борща, рассольников и супов⁶. Премии устанавливались, соответственно, в размерах 3, 2 и 1 тысяча рублей. В основу критериев оценки жюри конкурса были положены «лучшие показатели вкусного приготовления первого блюда». Такие события привлекали внимание горожан, стимулировали качество труда рабочих и служащих.

Зимой 1943 года Кемерово стал областным центром. В городе обосновалось руководство обкома и облисполкома, других управленческих структур. Появились новые жилищные и быто-

● **«Память шахтерам Кузбасса».**
Автор Эрнст Неизвестный

вые трудности. Но все же главные испытания для города были позади. Кемерово в условиях военно-мобилизационной экономики 1941–1942 годов сумел выстоять и поддержать своих жителей.

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-15, оп. 8, д. 25, л. 5.

² ГАКО. Ф. П-15, оп. 8, д. 5, л. 96.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Горелов Ю. П. Во время войны госпиталь был секретным объектом // АиФ в Кузбассе. 2010. Вып. 05(689). 3 февр.

⁵ ГАКО. Ф. П-15, оп. 8, д. 26, л. 137.

⁶ Там же. Д. 28, л. 94.

А. Б. КОНОВАЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры политических наук
Кемеровского государственного университета,
действительный член Академии
военно-исторических наук

ВЕРНЫЕ ВОИНЫ ТЫЛА

О деятельности Кемеровского горкома ВКП(б) и исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны

*Тыл – это половина Победы.
И даже больше.*

Г. К. ЖУКОВ

С первого дня войны, как только донеслась весть о смертельной опасности, нависшей над страной, в Кемерове проходят экстренные закрытые заседания бюро городского комитета ВКП(б), собрания первичных партийных организаций шахт, заводов, строек, учреждений с единственным вопросом на повестке дня – о работе партийных организаций в условиях военного времени.

Первые военные заседания проводились практически ежедневно и, как правило, в вечернее и ночное время: начинались в 18 либо в 19 часов и заканчивались глубоко за полночь. Большинство документов шли с грифом «секретно» или «совершенно секретно». На заседаниях в первую очередь решались вопросы, связанные с мобилизацией в Красную Армию населения и партийно-комсомольского актива, организацией занятий по всеобщему военному обучению, перестройкой работы всех предприятий, хозяйственных и советских организаций на военный лад, приспособлением зданий под госпитали. Были созданы комиссии по сбору теплой одежды для армии и расширению жилплощади города для прибывающего эвакуированного населения, образован городской комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров РККА. Работа велась под девизом: *«На производстве, в быту мы должны чувствовать себя как на войне. Ни часу отдыха, ни шагу без цели»*.

Кемеровский ГК ВКП(б) рассматривал и решал буквально все городские вопросы: назначал на должности руководящий состав города, сурово и беспристрастно разбирали личные дела партсостава и кандидатов в члены ВКП(б), руководил всеми организациями и предприятиями города, осуществлял политическую и организаторскую работу в массах, организовывал идеологическую работу по повышению коммунистической сознательно-

сти масс, держал все на контроле, строго наказывал и был очень скуп на похвалу. Исполком городского Совета депутатов трудящихся выполнял поставленные партийные задачи.

Изучая документы горкома партии и горисполкома, замечаешь, что хвалебных слов практически нет, лишь вскользь отмечаются положительные моменты. И сразу идет жесткая критика недостаточного разрешения как хозяйственных, так и бытовых проблем, даются указания на устранение недостатков в работе. И постоянно выдвигается требование: то, что сделано, – этого недостаточно, надо сделать еще лучше и еще больше, например: «Завод, где директором тов. Матвеев, выполнил план на 163 процента и дал сверхпланово продукции на сумму 700 тыс. руб. Однако... задание полностью не выполнено...». А выполнить поставленные задачи было очень и очень трудно. Срыв графиков выпуска продукции рассматривался как саботаж, контроль и наказание были жесткими. Считалось, что «критика и самокритика недостатков в работе – основное условие улучшения работы, без этого нельзя справиться с поставленными задачами». Скорее всего, этот метод использовался для мобилизации всех сил рабочих, инженеров и служащих на достойное выполнение государственных планов.

В скупых, сухих фразах официальных документов отражена напряженная героическая борьба за Победу, которую вели трудящиеся города в тылу под руководством партии.

С первых дней войны горком партии делал все, чтобы придать массово-политической работе такой размах и глубину, которые смогли бы преумножить творческую энергию трудящихся, а главное – довести до их сознания, что победа не придет сама, что для этого требуется напряжение всех сил.

Уже в первый день мобилизации Новосибирский обком ВКП(б) дал указание городским и районным комитетам партии подобрать политсостав для службы в рядах Красной Армии. 23 июня бюро Кемеровского гор-

кома партии вынесло решение о посылке на политработу в действующую армию Центральным райкомом – восемь, Кировским и Рудничным райкомами партии – по пять человек. К марту 1944 года партийной организацией города были направлены на фронт свыше 5,5 тысячи комсомольцев, 2 140 коммунистов, что составило 77,5 процента довоенного состава партийной организации.

Уходили на фронт опытные рабочие и специалисты. Наряду с решением сложнейших задач по мобилизации масс на выполнение производственных планов в условиях тяжелого военного времени парторганизация должна была оперативно решать вопросы по подбору и воспитанию новых кадров, по организации производственного обучения десятков тысяч людей, впервые пришедших на предприятия угольной, металлургической, химической промышленности. Горком разработал «План мероприятий по замене номенклатурных работников, уходящих в армию, и по обеспечению рабочей силой предприятий истроек города», согласно которому на работу принимали работоспособных членов семей работников, уходящих в армию, и женщин-домохозяек. Квалифицированных кадров не хватало, поэтому были организованы курсы по повышению квалификации рабочих, созданы стахановские школы. Широко практиковались краткосрочные курсы без отрыва от производства.

Основным направлением в работе горкома партии являлось руководство деятельностью оборонных промышленных предприятий. И недаром, ведь к концу 1941 года в стране из тридцати с лишним коксохимических предприятий осталось лишь пять заводов и цехов на востоке страны, на коллективы которых легла тяжелая и ответственная задача производства кокса в таком количестве, которое могло бы удовлетворить возрастающую потребность металлургической и оборонной промышленности. В этом числе был и Кемеровский коксохимический завод, который за время войны увеличил производство своей продукции в 1,5 раза, освоил выпуск ряда новых продуктов химического производства, за что и был награжден орденом Ленина.

2 ноября 1941 года коллектив коксохимзавода обратился ко всем трудящимся Кузбасса с призывом отработать 7–8 ноября – дни XXIV годовщины Октябрьской Социалистической революции – в фонд обороны. Данный почин поддержали все трудящиеся бассейна.

Кемерово в короткий срок стал крупнейшим центром химической промышленности страны, базирующимся на использовании переработки продуктов угля – коксового газа, бензола, нафталина, фенолокреозольной фрак-

ции с широким ассортиментом химической продукции.

В годы войны наш город являлся одним из мощных арсеналов Красной Армии, снабжавшим фронт могучей боевой техникой и боеприпасами, а страну – углем и металлом. В 1942 году в структуре горкома был создан строительный отдел. Но и военный, и промышленный отделы занимались решением вопросов о переводе режима работы предприятий города на военный лад, размещении эвакуированных предприятий, выпуске военной продукции.

Трудились кемеровчане самоотверженно. Чтобы обеспечить армию всем необходимым, прилагались нечеловеческие усилия. Обстановка мало отличалась от фронтовой.

Одним из крупнейших предприятий химической промышленности являлся азотно-туковый завод. Он давал до 40 процентов азотной продукции Союза. В конце мая 1942 года азотно-туковый завод выступил инициатором Всесоюзного социалистического соревнования предприятий химической промышленности. Только за один 1943 год коллектив завода восемь раз завоевывал переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. 8 мая 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Кемеровский азотно-туковый завод имени XVIII съезда ВКП(б) за образцовое выполнение заданий правительства по увеличению производства оборонной продукции был награжден орденом Ленина.

Работники завода не только вносили значительный вклад в дело улучшения технологии, смело применяли новые, более производительные методы труда, но и постоянно боролись за экономию сырья и электроэнергии. В 1944 году завод сэкономил 5,8 миллиона кубических метров коксового газа, свыше 3 тысяч тонн извести, 5 тысяч тонн мазута, около 37 тысяч тонн пара, а также большое количество электроэнергии и вспомогательных материалов.

В сентябре 1941 года рационализаторы завода обратились к рабочим, служащим и инженерно-техническим работникам предприятий города. Парторганизация поставила задачу перед хозяйственными руководителями о развитии рационализации и изобретательства на предприятиях города, указав на важное *«политическое значение патриотического движения рационализаторов, направленного на укрепление обороны нашей Родины, на быстрейший разгром фашизма»*.

Целями и задачами рационализации и изобретательства являлись: увеличение мощности существующего оборудования; создание новых продуктов, нужных

военной промышленности; ускорение строительства новых объектов путем более рациональных методов строительства при комбинировании строительных и монтажных работ; изыскание новых видов сырья и заменителей цветных металлов; усовершенствование технологических процессов производства.

20 октября 1941 года в городе состоялось совещание двухсотников-стахановцев военного времени по обмену опытом.

В Кемерове, где имелись хорошая сырьевая база и энергетические ресурсы, с осени 1941 года начало поступать оборудование заводов, эвакуируемых из западных областей Советского Союза. Перед партийными и советскими органами встала задача размещения, монтажа и быстрого пуска этих предприятий. В городе были размещены Орехово-Зуевский завод пластических масс («Карболит»), Харьковский электромеханический завод («Кузбассэлектромотор»), анилинокрасочный завод и другие предприятия.

Наряду с размещением и пуском эвакуированных предприятий огромный размах приобрело и новое строительство. На коксохимическом заводе была пущена в эксплуатацию 7-я коксовая батарея, начались прокладка линий электропередачи Кемерово – Прокопьевск, строительство второй цепи передачи Кемерово – Новокузнецк. За годы войны построен Кемеровский завод салициловых препаратов. Кемерово стал крупным промышленным городом, выросшим в 2–3 раза за счет расширения своих и эвакуированных заводов и институтов.

Перед парторганизацией и исполкомом города встали огромные задачи по подготовке к строительству производственных зданий, расселению прибывающих рабочих, снабжению населения продовольствием, одеждой, обувью, по его трудоустройству.

Для размещения эвакуированного населения достраивали и отдавали под жилье производственные здания, приспособляли чердаки и подвалы; освобождали жилплощадь, занятую учреждениями; выселяли из города организации, не имеющие прямого отношения к городу, без ущерба для их работы; строили бараки, брусчатые дома и землянки; уплотняли жилплощадь по частному сектору и выселяли граждан, не связанных с производством.

Сколько же пришлось пережить кемеровчанам, на плечи которых обрушились все тяготы военного времени! Они сумели не только выстоять и победить в войне, но и выжить. Самим надевать нечего, дети не ходят в

школу из-за отсутствия обуви и верхней одежды, но старались обеспечить теплыми вещами бойцов фронта, прибывших эвакуированных рабочих. Сами недоедали, а помочь голодающим – святое дело.

Огромное значение для улучшения продовольственного снабжения рабочих города имели решения горкома ВКП(б) о создании подсобных хозяйств предприятий, коллективных и индивидуальных огородов. Много внимания уделял данному вопросу горисполком. Для этой цели максимально были использованы все городские территории, вплоть до занятия под посевы площадей и улиц города, а также свободных земель колхозов и совхозов в смежных с городом районах. Созданные подсобные хозяйства промышленных предприятий являлись основными поставщиками картофеля и овощей.

Тяжелое бремя возложила война на крестьянство. Огромный отлив рабочей силы, затруднения в снабжении деревни сельскохозяйственными машинами, запчастями, средствами транспорта и горючим здесь сказывались с особой остротой. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ пала на плечи женщин, стариков и подростков. Уже с сентября 1941 года горком партии посылает коммунистов на работу председателями колхозов и на другие хозяйственные работы. А в декабре ставит вопрос «о подготовке трактористов, комбайнеров, штурвальных из числа учащихся средних школ». Для этого при всех средних школах создаются кружки, руководителями которых становятся преподаватели физики.

Одновременно требовалось решить вопрос и по обеспечению Красной Армии исправленными машинами, лучшими повозками, лошадьми. 3 ноября 1941 года бюро горкома партии приняло решение об оказании помощи формирующимся в городе подразделениям в недостающем снаряжении, *«считая проведение этой работы делом чести для парторганизации города»*. Обязанности по осуществлению данного мероприятия были возложены на райкомы партии, заведующих военными отделами. К 9 часам утра 5 ноября ряд организаций уже должны были предоставить исправный механический транспорт. И задание было выполнено! Конечно, это показатель оперативной организаторской деятельности партийных, советских, военных органов города.

Военным отделом горкома ВКП(б) с целью усиления военной работы среди населения и подготовки боевого резерва Красной Армии в августе 1941 года были созданы войсковые учебные подразделения: два стрелковых

полка, артдивизион, мотоэскадрон, разведывательный и медико-санитарный батальоны, батальон связи. В подразделениях всеобща было подготовлено без отрыва от производства свыше 7 тысяч человек по разным военным специальностям.

Одной из форм массовой работы с трудящимися с первых дней войны стали митинги и беседы как наиболее мобильное и действующее средство, способствующее организации на новый подъем производственной работы, укреплению трудовой дисциплины, повышению революционной бдительности: *«Там, где не работаем мы, – работает враг. Провокационные слухи и сплетни распускаются врагом, чтобы дезорганизовать наши тылы»*. Партийные организации расширили и укрепили сеть агитколлективов, улучшили состав агитаторов, которые несли живое слово в широкие массы трудящихся. Из сообщения отдела пропаганды Кемеровского горкома ВКП(б) от 1 августа 1941 года видно, что в городе работало 100 агитколлективов, объединивших около 3 тысяч агитаторов, почти все руководящие партийные работники выступали перед трудящимися с докладами и лекциями. Только в течение первого месяца войны было «прочитано 130 докладов и 22 лекции, которые посетило 14 691 человек».

Большую роль наряду с устной политической агитацией, проводимой парторганизацией, сыграла печать. Это стенные газеты, боевые листки, «молнии», «Окна сатиры», которые успешно исполняли роль коллективных пропагандистов, агитаторов и организаторов. «В целях более оперативного и широкого освещения военных действий и производственной жизни предприятий обязать редактора газеты «Кузбасс» тов. Кудрявцева выпускать газету «Кузбасс» 6 дней в неделю (4 номера двух полос и 2 номера четырех полос)».

В это трудное для всех время никто не отменял работу театров, клубов, парков культуры. Именно там перед началом спектаклей, фильмов читались лекции, проводились беседы. Улицы, площади города были оформлены плакатами и лозунгами, посвященными всеобщему обучению, хотя и здесь были значительные трудности, так как ощущался большой недостаток в опытных партийных работниках и пропагандистах: «1000 коммунистов, среди которых 258 руководящих работников, ушли на фронт, 207 – направлены на работу в политотделы совхозов и МТС; из 31 члена пленума горкома осталось только 14».

С августа 1941 года был поставлен вопрос о развешивании в городе лыжного производства. Каждому

предприятию выдали график по изготовлению лыж. 2 октября 1941 года Военный Совет Сибирского военного округа дал указание отобрать из числа наиболее подготовленных в военном отношении физически крепких лыжников с обеспечением солидной партийно-комсомольской прослойки.

В ноябре 1942 года на заседании бюро горкома партии заслушивается вопрос «О подготовке в зимний период 1942–1943 гг. 10000 лыжников». В связи с этим принимается решение «обязать горком ВЛКСМ и ГК физкультуры и спорта, председателей профсоюзных организаций предприятий и учреждений, директоров учебных заведений подготовить по 20-часовой программе военно-лыжной подготовки лыжников, преимущественно из молодежи, рождения 1925–1926 г. Задания по районам установить в следующем размере: Центральный район – 7000 человек, Кировский – 4000, Рудничный – 3000».

Партийным активом города в это трудное для всей страны время рассматривались и такие вопросы, как:

- * введение в городе с 1 сентября продовольственных карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия;

- * противопожарная охрана города (необходимо было керосиновое освещение менять на электрическое);

- * уменьшение тиража газеты «За уголь» (Рудничный район) и временное прекращение издания многотиражных газет в связи с экономией фонда бумаги: «Социалистическая стройка» (Кировский район), «За азот» (завод имени XVIII съезда ВКП(б)), «Коксохимик» (коксохимический завод);

- * беспощадная борьба с дезертирами, паникерами, дезорганизаторами тыла, с преступной болтливостью работников заводов;

- * сохранение партийных тайн («Сиди у телефона и слушай – будешь знать, что где делается»);

- * бдительность каждого коммуниста, комсомольца, беспартийного большевика, советского гражданина: *«Мы должны превратить наш город, каждый дом, предприятие в крепость обороны. Мы должны помнить, что враг коварен, хитер, жесток и неуловим и в своих подрывных целях, пойдет на любую пакость, чтобы подорвать тыл. Мы не должны забывать об особенностях нашей области: у нас осело много кулачества, преступного элемента. С приездом эвакуированного населения могут в их среду пробраться наши заклятые враги»*;

- * повышение трудовой дисциплины: борьба с прогулами, жуликами;

* борьба со спекуляцией, усиление охраны порядка в городе;

* выселение из пределов города лиц западных национальностей (немцы, болгары, поляки и т.д.), «так как их работа в городе на оборонных предприятиях несовместима с государственной безопасностью»;

* причины самоубийства члена ВКП(б) Перепелкина – директора 6-го ремесленного училища.

Кемеровский горисполком должен был «возглавить патриотический подъем населения на выполнение задач, поставленных военной обстановкой... для чего:

а) установить постоянный контроль за работой каждого предприятия в отдельности и по каждому заказу для Красной Армии;

б) обеспечить выполнение в установленные сроки промышленностью и промкооперацией специальных заданий по лыжам, валенкам, подковам;

в) обеспечить размещение строительства и пуск новых прибывших в порядке эвакуации предприятий в максимально сжатые сроки;

г) широко организовать работу по изысканию местных ресурсов топлива, стройматериалов, сырья для фабрик, заводов и артелей, поддерживать инициативу научных работников, инженеров и рабочих по развертыванию производства новых изделий для нужд РККА и фронта».

Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Люди работали на износ, не хватало самого необходимого: тепла, воды, столов, стульев, хозяйственной чугунной и жестяной посуды, оконных и дверных приборов, замков, кроватей. Нужно было заботиться о содержании жилья, строить новое, учесть весь жилфонд для его правильного распределения, завозить уголь, обеспечивать топливом и население, и производство, предоставлять работающим мамам места в яслях и садах для детей, обеспечивать обслуживание инвалидов войны и их трудоустройство, наводить порядок на коммунальных предприятиях: бани, водопровод, электросеть, трамвай, обеспечить выполнение планов по ширпотребу. И вот всеми этими бытовыми вопросами занимался горисполком.

В связи с возросшей ролью подсобных хозяйств в военный период в Кемеровском городском Совете была создана сельскохозяйственная постоянная комиссия.

С января 1942 года основной задачей, которую надо было оперативно решить городской партийной организации, являлся пуск эвакуированных заводов. Параллельно рассматривались сопутствующие задачи:

– нехватка спецодежды и жилья для эвакуированных рабочих;

– общественное питание, увеличение выпуска кухонной посуды, так как кроме столовых рабочим, занятым на производстве с утра до позднего вечера, питаться было негде;

– распространение газет: «...газета не должна залеживаться у кого-нибудь в кабинете, ее должны читать группы людей, а затем использовать и на участке среди населения»;

– подготовка комсомольско-молодежных подразделений снайперов и автоматчиков;

– формирование дивизии имени товарища Сталина и отбор добровольцев в первую Сталинскую добровольческую дивизию сибиряков. Для районов города была утверждена следующая «разрядка по отбору добровольцев в Сталинскую дивизию сибиряков: Центральный район – 120; Кировский – 60; Рудничный – 40 человек»;

– повышение «авангардной роли комсомольцев на производстве», «производственного энтузиазма молодежи, привлечение лучшей, передовой молодежи в ряды ВЛКСМ».

«Каждый рабочий, ставший у станка, должен спросить себя: «Что я должен сделать сегодня для фронта?», а вечером сказать: «Вот что я сделал сегодня для фронта».

В такой сложной обстановке трудящиеся города постоянно проявляли заботу о бойцах Красной Армии. Примером беззаветной преданности Родине был сбор теплой одежды, обуви, продуктов и личных сбережений. Отдавали последнее!

Горком партии осуществлял контроль за предприятиями и учреждениями города по сбору отчислений трудящихся в фонд обороны страны.

Из материалов военного отдела горкома ВКП(б): «За период Великой Отечественной войны Советского народа против немецких захватчиков трудящимися и организациями города внесено в фонд обороны страны:

1. Деньгами.....	3 437 834 р.
2. Драгоценностями (золото, серебро и т.д.) на сумму.....	630 р.
3. Вещей на сумму.....	1 730 р.
4. Сдано облигаций на сумму.....	1 898 т. р.
Итого по городу создан фонд обороны страны на общую сумму.....	5 338 194 р.

Собрано и отправлено новогодних подарков для бойцов действующей Красной Армии и находящихся на излечении в госпиталях в гор. Кемерово по состоянию на 23 января 1942 года:

	Подарков	На сумму
Центральный район	4287	69 310
Кировский район	1454	25 965
Рудничный район	982	14 588
Итого послано подарков и посылок	6313	110 863 р.»

Трудящиеся города были охвачены стремлением усилить боевое оснащение Красной Армии. Только коллектив коксохимического завода собрал 1200 тысяч рублей на постройку авиаэскадрильи «Кемеровский коксохимик», рабочие и служащие азотно-тукового завода внесли в январе 1943 года 400 тысяч рублей на строительство звена самолетов имени Менделеева. Комсомольцы города также не остались в стороне – были собраны средства на постройку боевой авиаэскадрильи «Новосибирский комсомолец». За годы войны на вооружение Красной Армии кемеровчанами было внесено из своих собственных сбережений наличными деньгами 45 910 тысяч рублей и облигациями – 10 709 тысяч рублей.

Помимо свершения трудовых подвигов на производстве трудящимся города ежедневно приходилось решать бытовые проблемы, и именно горисполком оказывал непосредственную помощь в таких будничных вопросах, как:

- улучшение материально-бытового обслуживания: строительство прачечных, расширение диетического питания, регулирование торговли хлебом, водоснабжение, госпитализация больных, обеспечение хлорирования воды, расширение сети столовых и ларьков, строительство землянок, питание детей в школах;

- благоустройство города: «...зелень портится, ломается, нужно мобилизовать общественность на охрану зелени и, в первую очередь, привлечь молодежь и учащихся, закрепить зеленые участки за организациями...»;

- подготовка школ к учебному году: «...учителя и учащиеся произвели затирку и побелку стен, покраску парт, ремонт учебно-наглядных пособий... Недостаточную помощь оказывают шефы»;

- строительство театра в городском саду: «Город растет, а зрелищные предприятия сокращаются»;

- работа с детьми в военное время: «...воспитывать не белоручек, будущих строителей нашей социалистической родины, предоставлять детям трудовую инициативу, приучать к труду и в школе и на дому»;

- расширение сети культурно-бытовых предприятий и др.

В январе 1943 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 года было принято решение об образовании Кемеровской области с центром в городе Кемерове: «Кемерово является новым областным центром с довольно развитой промышленностью, с населением более 200 тыс. человек и имеет перспективы к дальнейшему расширению». В связи с этим работа городской парторганизации и исполкома значительно усложнилась и увеличилась в объеме.

На XVII пленуме Кемеровского горкома ВКП(б) от 2 апреля 1943 года первым секретарем горкома избран С. Б. Задонченко, который одновременно замещал должность первого секретаря обкома ВКП(б). П. К. Сифуров теперь замещает должность второго секретаря горкома, фактически осуществляя руководство деятельностью городского комитета партии. В этот период существовала именно такая практика в партийном руководстве.

1943 год явился переломным годом в ходе войны в пользу нашей страны, он был переломным годом и в работе советского тыла. Победы Красной Армии вызвали небывалый подъем среди рабочих, инженеров, техников и советской интеллигенции. С особой силой в 1943 году развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование. Промышленность города в этом году выполнила государственный план и дала прирост готовой продукции по сравнению с 1942 годом на 37,4 процента.

Трудящиеся города в новогоднем рапорте тов. Сталину писали: «На пороге нового года перед лицом всего советского народа, перед лицом любимой Родины, перед лицом нашей Красной Армии, мы, верные воины тыла, присягаем Вам, любимому вождю и учителю. Мы клянемся еще выше поднять напряжение наших сил, а если понадобится, отдать нашу жизнь, чтобы выполнить свой долг перед Родиной».

На XIX пленуме Кемеровского горкома партии, состоявшемся 27 октября 1943 года, рассматривается все больше вопросов, имеющих мирную окраску:

- * уделить внимание качеству выпекаемого хлеба;

- * закончить ремонт и приведение в порядок магазинов;

- * расширить местную и кооперативную промышленность района «с расчетом значительного увеличения выпуска товаров ширпотреба»;

- * разработать с руководителями предприятий план жилищного и культурно-бытового строительства на 1944 год;

- * упорядочить обслуживание пригородными поез-

дами рабочих предприятий Кировского района, живущих на левом берегу реки.

На заседаниях бюро горкома делается акцент на такие вопросы, как:

а) шефство над городским театром предприятий города «в целях оказания практической помощи городскому драматическому театру и укрепления связи коллектива театра с коллективами рабочих и ИТР»;

б) выполнение закона о всеобщем семилетнем обучении и правилах поведения учащихся школ: «...по городу не обучаются 95 человек детей, из которых 88 человек не посещают школу из-за отсутствия одежды. В школах города не хватает 37 учителей. Всех учителей, работающих на заводах и в учреждениях, освободить от работы и командировать в распоряжение ГОРОНО. Обеспечить одеждой ostrонуждающихся детей фронтовиков и рабочих предприятий... с тем, чтобы дети посещали школы. Обсудить вопрос о роли классного руководителя в воспитании учащихся»;

в) благоустройство города: «...город у нас имеет очень много вредных показателей для здоровья. По туберкулезу город является одним из самых неблагоприятных в Советском Союзе. Некоторые говорят, это потому, что у нас вредное производство. Нет, товарищи, это объясняется антисанитарными условиями. Нам нужно сейчас насаждать сады, оздоравливать город, чтобы сохранить жизнь человеческую, которая является для нас самым ценным»;

г) жилищное строительство: «...все время гнали промышленное строительство, цеха и агрегаты, сдали в эксплуатацию (так в тексте) много объектов, но мало внимания обращали на жилье»;

д) дорожное строительство, работа по асфальтированию дорог, ремонт тротуаров: «...наступит осень, а галоши ведь мало, как же народ ходить будет, если мы не позаботимся заранее о мостовой»;

е) увеличение изготовления и выпуска продукции для нужд населения города: «...вы не увидите на базаре кадки, ведра, у нас очень остро с починкой обуви».

Не остается без внимания вопрос о равенстве наций. На бюро ГК ВКП(б) от 25 декабря 1943 года он звучал так: «О массово-политической работе и бытовом обслуживании рабочих нерусских национальностей». Бюро горкома обращало внимание на недостатки в работе: «...выделенные агитаторы посещают общежития редко и не проводят систематических чтоток газет, бесед, докладов. Лозунги на национальном языке отсутствуют, чайханы не организованы.

Опыт лучших рабочих казахов, узбеков, таджиков, татар не популяризируется через печать, «Молнии», плакаты. Не все рабочие нерусских национальностей обеспечены теплой обувью и одеждой». И соответственно было принято решение: ликвидировать отмеченные недостатки до 1 января 1944 года.

В структуре исполкома Кемеровского горсовета был образован отдел главного архитектора города, так как стало много внимания уделяться жилищному, коммунальному и культурно-бытовому строительству. Исполком:

а) утверждает план мероприятий по организации ремонта, стирки и химчистки теплых вещей, находившихся «на снабжении Красной Армии зимой 1942–1943 гг., с широким привлечением населения города»;

б) разрабатывает план летней детской оздоровительной кампании на 1943 год, которая должна охватить «следующий контингент детей:

– всех детей фронтовиков школьного и старшего дошкольного возраста (6–8 лет);

– детей, перенесших тяжелые болезни и с ослабленным здоровьем;

– детей передовых рабочих ведущих предприятий»;

в) занимается улучшением санитарного состояния города, а в этом вопросе – множество проблем: «...стены зданий позаклеены афишами, объявлениями, специальных витрин для этой цели в городе нет. ...Снег не только не вывозится из города, но даже не чистятся тротуары, не посыпаются песком и шлаком, люди калечатся. ...Самое тяжелое положение в коммунальном хозяйстве города – это бани. Во многих банях нет кранов, водопроводная система не отработана. <...> Несколько парикмахерских закрыто из-за отсутствия помещения, поэтому в существующих парикмахерских очереди, теснота. Парикмахерские не имеют расчесок, бритв, стаканов. ...Шефы не обеспечивают школы водой, учащиеся сами носят воду ведрами. Завишенность в школах большая. Отведенные два дня в неделю для помывки учащихся в банях города не дают эффекта, так как белье не прожаривается, нет в Горбане дезокамеры, а в Кировском и Рудничном районах санитарных дней для школ не установлено. Надо организовать приход парикмахера для обслуживания учащихся в школах. В сандни мыло на помывку учащихся выдается некачественное – много кожных заболеваний. ...Базары Госсанинспекцией не контролируются, часто продаются разные лепешки, изготовленные из всякой ерунды, в результате чего есть случаи отравления. ...Категорически запретить торговлю съестными продуктами с рук

на базаре без проверки. ...Город не имеет канализации даже в лучших зданиях города, как театр. В Соцгороде канализации нет совсем. <...> Неосновательны ссылки на войну, война, естественно, несет за собой трудности, но не разгильдяйство. <...> Нельзя допускать, чтобы газы промышленной продукции застилали город. Горсовету надо обязать промышленные предприятия подработать вопрос дымогазоуловителей, чтобы не отравлять рабочих. Город на реке, надо создавать купальни, лодочные станции... По решению исполкома каждый житель города должен отработать 5 дней на благоустройство...

...Хозяйственники недооценивают вопросов санитарного порядка, занимаясь только задачей выполнения производственного плана (а какой план им спускался свыше! – Авт.).

За время войны Кемеровская область увеличила выпуск промышленной продукции, угля, превратилась в одну из ведущих промышленных областей. Наша промышленность может конкурировать с любой страной, но мы отстали в области культуры, быта. В Кемерово произошло большое увеличение населения за счет промышленных рабочих и интеллигентного труда, за счет работников просвещения, здравоохранения, но в вопросах бытового удобства Кемерово отстает».

В 1943 году была увеличена сеть столовых для детей фронтовиков на 2 995 обедов. В пионерлагеря и детплощадки в период оздоровительной кампании было отправлено 4 400 детей фронтовиков. Всего на оздоровительную кампанию израсходовано 263 тысячи рублей.

На суженных заседаниях исполкома с грифом «секретно» продолжали рассматриваться вопросы:

- о мобилизации автотранспорта для сдачи в РККА;
- поставке лошадей для Красной Армии из артелей и организаций города: «...поставить лошадей хорошей упитанности и обеспечить фуражом из расчета семи суточных дач на каждую лошадь. Поставляемые лошади должны быть подкованы на передние ноги, иметь исправные уздечки, недоуздки, скребниции, щетки и по одному ведру на две лошади»;

- обеспечении валенками работников отъезжающих госпиталей: «...выдать госпиталям №№ 1243, 1507, 2495 по 5 пар валенок для работников охраны госпиталей» (из протоколов СЗ исполкома от 21–24.01.1943 г.).

При изучении деятельности горисполкома за 1943 год встретился любопытный документ: решение исполкома № 307 от 13.09.1943 г. об освобождении от должности председателя горисполкома П. И. Зяблина и утверждении

на должности председателя исполкома К. Л. Гончаренко, к которому прилагается «акт приема-передачи дел, кадрам и имущества Кемеровского горисполкома». В соответствии с актом на данный период числилось:

а) школ – 36, из них:
 средних мужских – 4,
 средних женских – 6,
 НСШ мужских – 7,
 НСШ женских – 7,
 НСШ татарская смешанная – 1,
 начальных школ смешанных – 11.

Недостает учителей – 60 человек, из них: учителей начальных классов – 34, учителей-предметников – 26;

б) по горздраву:

Район	Больницы (коек)	Поли- клини- ки	Кон- суль- тации	Ясли
Центральный	4 (915)	4	3	14
Кировский	1 (285)	3	1	7
Рудничный	1 (225)	2	2	5
Шахта «Пионер»	1 (28)	1	1	1
Всего	7 (1455)	10	7	27
по плану		фактически		
врачей		– 315 216		
средний медперсонал		– 976 615		

Младший обслуживающий персонал недоукомплектован только в одной горбольнице;

в) по горкомхозу:

Район	Бани	Прачечные	Дезокамеры
Центральный	3	1	2
Рудничный	3	1	1
Шахта «Пионер»	1	1	–
Шахта «Северная»	1 (закры- та)	–	–
Всего	8	3	3

Парикмахерских – 20, из них: общедоступных – 8, полузакрытых – 12.

В мае 1943 года горсовет начал строительство узкоколейной железной дороги от шахт Промкооперации до линии железной дороги.

И в это же время в городе начался разгул уголовной преступности. Особенно высока была детская преступность. Основным видом преступлений, как отмечается в документах исполкома, являлись квартирные и карманные кражи. Лишь в декабре 1943 года по городу было установлено и привлечено к уголовной ответственности 132 преступника. Из докладной записки уголовного розыска председателю Кемеровского гор-

исполкома тов. Гончаренко: «...в течение декабря с улицы было снято беспризорных и безнадзорных детей – 77 человек, из которых: а) направлено в детдома и детприемники – 34, б) трудоустроено – 9. Кроме того, из общего числа задержанных беспризорных, 26 человек, не поддающиеся воспитанию, были направлены для помещения в Сибирскую деттрудколонию закрытого типа». Перед милицией Кемеровского гарнизона встала задача – сокращение уголовной преступности, мобилизация на борьбу с преступностью общественности. При этом особое внимание уделялось борьбе с беспризорностью и безнадзорностью.

На XI Кемеровской городской партийной конференции, состоявшейся 11–12 марта 1944 года, были подведены итоги работы горкома партии за период с марта 1940 года (время последней предвоенной X конференции) по март 1944 года.

За отчетный период городская партийная организация приняла в свои ряды лучших людей – патриотов нашей Родины, самоотверженно работающих для усиления помощи фронту: кандидатами в члены ВКП(б) – 2 363 человека и в члены ВКП(б) – 1 348 человек.

Городская партконференция постановила, что «увеличение добычи угля и увеличение выпуска продукции на предприятиях города должны идти за счет повышения производительности труда, механизации трудоемких процессов, рационализации производства, массового обучения и повышения квалификаций рабочих, внедрения передовых методов организации труда, широкого распространения опыта комсомольско-молодежных фронтовых бригад». Городской и первичным парторганизациям необходимо было обратить внимание на такие вопросы, как:

а) снижение себестоимости выпускаемой продукции;

б) расширение предприятий местной промышленности для выпуска предметов широкого потребления, домашнего обихода на базе местного сырья и отходов предприятий;

в) строительство и пуск новых промышленных объектов, таких как котел № 9 на Кемеровской ГРЭС, котел № 6 на ТЭЦ комбината, ввод дополнительных мощностей Кемеровского электромоторного завода, пековой батареи на коксохимическом заводе;

г) организация вечерних отделений при техникумах для подготовки технических кадров без отрыва от производства;

д) внимание к ремесленным училищам и школам ФЗО как основным источникам пополнения предприятий квалифицированными работниками (как следствие – в ав-

густе 1944 года создан химический техникум, занятия в котором проводились в третью смену в школе № 42);

е) улучшение общественного питания рабочих: «...чтобы все столовые города были приведены в надлежащее состояние, имели бы достаточное количество посуды, табуреток, стульев и кухонного инвентаря»;

ж) контроль за своевременным «отовариванием» продуктовых и промтоварных карточек, проведение решительной борьбы с хищениями и разбазариванием продуктов в столовых, магазинах и подсобных хозяйствах»;

з) улучшение работы прокуратуры, суда и милиции «по решительной борьбе с ворами и расхитителями продуктов, отпускаемых государством для снабжения рабочих»;

и) обеспечение «рабочих, проживающих в общежитиях, своевременной стиркой белья и постельными принадлежностями»;

к) внимание по оказанию постоянной помощи нуждающимся семьям военнослужащих и инвалидам Отечественной войны.

Партконференция поставила задачи:

перед городским комитетом ВКП(б):

к 10 апреля 1944 года утвердить план работы на 1944 год по «благоустройству города, расширению водопровода и канализации, строительству бань, прачечных, хлебозавода, хлебопекарен, водоразборных колонок, особенно в рабочих районах, мощению улиц и тротуаров, озеленению города, расширению трамвайной линии, увеличению количества трамвайных вагонов, освещению улиц, а также план жилищного строительства, окончания строительства клуба коксохимического завода, освобождения клуба Кемеровской ГРЭС, строительства летнего театра. Начать строительство постоянного моста через реку Томь, организовать при предприятиях дополнительно детские сады с целью вовлечения на предприятия дополнительной рабочей силы. Обеспечить расширение сети школ к новому учебному году для полного охвата детей школьного возраста обучением».

Важнейшей задачей всей городской партийной организации в 1944 году по примеру ленинградцев являлось привлечение всех трудящихся на благоустройство и приведение города в надлежащий порядок, отвечающий требованиям областного центра Кузнецкого бассейна. В постановлении конференции прозвучало: «Воспитывать любовь у населения к родному городу»;

перед исполкомом горсовета депутатов трудящихся:

– активизировать работу «органов здравоохранения города по контролю за санитарным состоянием обще-

житий, столовых, магазинов, хлебопекарен, рабочих жилищ, территорий предприятий, чтобы не допускать возникновения эпидемических заболеваний»;

- принять решительные меры к наведению необходимого порядка в городском хозяйстве, благоустройстве города, в улучшении работы коммунально-бытовых учреждений;

- добиться расширения «теплых и парникового хозяйства, чтобы уже весной 1944 года снабжать рабочие столовые луком, редисом, салатом, огурцами», расширить «площадь под посев индивидуальных огородов».

8 ноября 1944 года постановлением бюро ГК ВКП(б) и исполкома горсовета в целях оказания материальной помощи и поощрения в повышении качества учебы и поведения детей фронтовиков и инвалидов войны на 1944/45 учебный год для учащихся, имеющих отличные отметки по поведению и успеваемости, были установлены стипендии: «Утвердить на школы города 300 стипендий, в том числе по 50 рублей – 100, по 40 рублей – 100, по 35 рублей – 100».

Горкомом партии совместно с горисполкомом был разработан сводный план по жилищному, коммунальному и культурно-бытовому строительству в городе на 1944 год. Он предусматривал строительство одноэтажных деревянных и многоэтажных каменных домов, школ, детсадов, клубов, детской поликлиники, новых дорог с твердым покрытием, проектирование моста через реку Томь, ремонт существующих мостов, деревянных тротуаров, водоснабжение, очистные сооружения, обновление художественного оформления города с установкой дополнительных витрин, панно и др.

Кроме того, исполком решал и другие вопросы:

- об утверждении местного бюджета;
- проведении капитально-восстановительного ремонта понтонного моста;
- создании плодово-ягодной базы вокруг города;
- увеличении численности скота по городу;
- изменении границ между Кировским и Рудничным районами правобережной части города;
- отводе земельных территорий под строительство новых объектов;
- вручении орденов и медалей, поступающих из воинских частей, семьям погибших участников Отечественной войны;
- фактах хищения на производстве;
- мобилизации трудоспособного населения для работы в промышленности и строительстве: «...Кировский район – 100 чел. на завод № 319 и 50 чел. на завод № 129, Рудничный район – 50 чел. на завод № 129».

Исполком подводил итоги социалистического соревнования предприятий местной промышленности и промышленности города. Продолжал предпринимать активные действия по борьбе с детской преступностью, беспризорностью и безнадзорностью: «...обратить внимание на подстрекателей и лиц, вовлекающих несовершеннолетних детей к совершению преступлений... усилить карательные репрессии против воров-рецидивистов, злых хулиганов, грабителей, дезертиров из ремесленных училищ и школ ФЗО. ...Не позднее 1 июля 1944 г. создать в городе специализированный участок народного суда для рассмотрения дел о несовершеннолетних преступниках, открыть и оборудовать детские комнаты. ...образовать при исполкоме горсовета городскую комиссию по устройству детей, оставшихся без родителей... привлекать к административной ответственности родителей за озорство и уличное хулиганство детей... создать во всех РУ и ФЗО товарищеские суды. ...Оборудовать клубы и красные уголки при школах и организовать при них самодеятельность учащихся, конкурсы, лекции, шахматно-шашечные турниры... Упорядочить работу зрелищных предприятий, парков и садов... Укреплять дисциплину и порядок в школе, работать по внедрению в жизнь «Правил поведения для учащихся». И как итог проведенной работы: «За 1944 год задержано 852 человека беспризорных и безнадзорных детей, привлечено к уголовной ответственности 246 подростков. Наиболее неблагоприятное положение в Центральном и Кировском районах, где за 1944 год задержано 789 беспризорных и безнадзорных детей и подростков. За 10 месяцев 1944 года привлечено к уголовной ответственности учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ 110 человек». Приняты решения: организовать сеть научно-технических, спортивных кружков, художественной самодеятельности; оборудовать помещения для пионерских клубов; милиции обеспечить систематическое выявление беспризорных детей и немедленное устройство их в детские дома, школы, на производство, организовав их патронирование и опеку.

Приметой приближающейся Победы являлось создание в городе новых детских учреждений: «...открыть с 1 февраля 1944 г. детскую спортивную школу в здании 12-й средней мужской школы».

На суженных заседаниях исполкома продолжали рассматривать вопросы военного характера:

- о приписке к призывным участкам: «...оборудовать буфеты на приписных пунктах, обеспечив необходимым ассортиментом продуктов питания в пределах норм, установленных по карточкам. Для проверки

грамотности среди допризывников на приписные пункты выделить двух квалифицированных педагогов»;

– формировании и обеспечении райвоенкоматов в городе: *«Обязать председателей райисполкомов... оказать максимальное содействие в развертывании работы вновь формируемых райвоенкоматов...»*;

– призыве в ряды Красной Армии: *«...обеспечить явку всех призываемых с положенным количеством вещей, годных к носке (одеждой, обувью, бельем, полотенцем, кружкой, ложкой и зубной щеткой)»*.

В годы Великой Отечественной войны вся наша промышленность была переключена на выполнение заказов для Советской Армии и оборонной промышленности. Это вызвало резкое сокращение производства товаров широкого потребления. К концу войны, в 1945 году, партийными и советскими органами власти большое внимание стало уделяться расширению выпуска товаров и продовольствия для населения.

Начиная с 1944 года для улучшения обслуживания трудящихся города начала постепенно развертываться сеть коммерческих магазинов и столовых. В 1945 году с развертыванием в городе сети коммерческих магазинов, чайных, ларьков и киосков значительно оживилась торговля и резко увеличился товарооборот по всем системам торговли.

Исключительное значение в условиях Сибири имело выращивание фруктов и ягод. К концу войны встал вопрос о создании вокруг города плодово-ягодных садов. В этом вопросе горисполком предоставил обществу мичуринцев все возможности и поощрял мичуринское движение.

В связи с условиями военного времени в школах значительно снизился *«контингент учащихся с 25 248 человек в 1940 году до 19 787 человек в 1943 году, но начиная с 1944 года число учащихся в школах стало неуклонно расти»*. В годы войны большинство типовых школ города было занято под госпитали. В подавляющем большинстве школы были переведены на трехсменные занятия. После эвакуации госпиталей, в 1943 году, лишь две школы, № 8, 19, перешли в прежние свои здания. В остальных случаях «школьные здания были заняты учреждениями в связи с образованием в городе областного центра. Исполкому городского Совета пришлось изыскивать дополнительную школьную площадь». С этой целью с 1944 года началось строительство школы на 400 мест за рекой Искитимкой, были открыты новые школы № 25, 30 в приспособленных зданиях в Кировском районе, начальные школы на окраинах города (№ 20 в районе Шахтстроя,

№ 29 на хуторе треста Очистки), а также освобождены от учреждений часть классных комнат в бывших школьных зданиях (школы № 4, 10). В большинстве школ отменили трехсменные занятия.

Большие планы были намечены в области благоустройства города на 1945 год: *«...заасфальтировать 30 тысяч кв. м дорог и 5 тысяч п/м тротуаров, произвести работы по озеленению города, высадить 200 тысяч корней деревьев и кустарников; произвести необходимый ремонт и покраску фасадов домов, усадебных изгородей; работы по дополнительному освещению 10 тысяч п/м улиц, принять действенные меры по локализации дыма и газов...»*. На месте оврагов и свалок мусора и навоза около кинотеатра «Москва» трудящимися города начиная с 1944 года и на протяжении 1945 года были проведены большие работы по благоустройству и засажен сквер. *«Разбиты и засажены новые скверы около горсада и у нового клуба КХЗ (Притомский участок), у здания обкома ВКП(б), у Заводского райисполкома, в Кировском и Рудничном районах. Разбиты и засажены новые бульвары по улице Ленина, Орджоникидзе, Набережной»*.

Надо отметить, что в самый тяжелый период войны благодаря своевременным медико-санитарным мероприятиям при наплыве эвакуированного населения и большого количества новых рабочих, при большой скученности населения в городе не было эпидемий инфекционных заболеваний, а отдельные эпидемические вспышки быстро ликвидировались. Однако в 1945 году горком партии поднял вопрос о работе лечебных и детских учреждений в городе и поставил перед исполкомом задачу: *«...принять действенные меры к дальнейшему снижению общей и эпидемической заболеваемости и смертности среди населения; поднять авторитет участкового врача и медсестры; проводить среди населения санитарно-просветительную работу, организуя лекции... а также выступление по радио и в печати; проводить научные конференции врачей. Обеспечить лечебные и детские учреждения твердым и мягким инвентарем, посудой, бельем и тапочками, молоком и мылом; оборудовать помещения для туберкулезного санатория»*.

Важнейшее значение в жизни города имела переправа через реку Томь. За последние годы из-за большой изношенности содержание понтонного моста стало требовать крупных дорогостоящих ремонтов. Вопрос о капитальном ремонте моста актуален на протяжении последних военных лет. В 1945 году началась активная подготовка к строительству постоянного коммунального моста.

Для увеличения помощи инвалидам войны и семьям погибших воинов горисполком и райисполкомы совмест-

но с общественными организациями города проводили большую работу по привлечению дополнительных средств путем устройства субботников, концертов. В городе был создан специальный денежный фонд для оказания единовременной помощи семьям военнослужащих в сумме 800 тысяч рублей.

За время войны в связи с эвакуацией в Кемерово ряда заводов были заняты под их размещение некоторые культурные учреждения, в частности Дворец труда, где находились драматический театр, музей и центральная библиотека. В 1944 году был открыт новый клуб завода «Руда» на Новой колонии, в 1945-м строительство клубов продолжалось.

Работа горкома партии и исполкома горсовета, проведенная за годы войны, многогранна, и поэтому очень трудно отразить все стороны их деятельности. Но очевидно одно: умелое сочетание всех форм массово-политической работы Кемеровской городской парторганизации с решением совместно с исполкомом городского Совета важнейших хозяйственно-политических задач обеспечивало их действенность и конкретность, помогало в мобилизации масс на активное участие в оказании помощи фронту.

В годы войны возрос авторитет партии. Коммунисты, которые шли в первых рядах защитников Родины, находились на самых трудных и важных участках трудового фронта, своим примером вдохновляя людей, поднимали

их на подвиги. Ярким показателем является рост партийных рядов. В период с 1941 по 1945 год Кемеровская парторганизация увеличилась на 4 519 человек. В члены и кандидаты КПСС было принято: за 1-е полугодие 1941 года – 67 человек, за 2-е полугодие 1941 года – 89, 1942-й – 384, 1943-й – 1358, 1944-й – 1473, 1945 год – 1148.

Секретари Кемеровского ГК ВКП(б):

1939–1943 годы – Сифуров Петр Кузьмич,

1943–1946 годы – Задионченко Семен Борисович.

Председатели исполкома

Кемеровского городского Совета:

1940–1941 годы – Волостных Алексей Федорович,

1941–1942 годы – Аброськин Иван Алексеевич,

1942–1943 годы – Казанский Сергей Николаевич,

1943 год – Зяблин Павел Иванович,

1943–1946 годы – Гончаренко Константин Львович.

1. Документы фонда П-15 – Кемеровский городской комитет КПСС.

2. Документы фонда Р-18 – исполнительный комитет Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся.

И. Д. ГОРЬКОВСКАЯ,
начальник архивного отдела
администрации города Кемерова

● Кемеровский горисполком на улице Исполкомовской (ныне ул. Н. Островского)

Город принял...

Социальные категории эвакуированных, их размещение и обустройство в Кемерове в годы Великой Отечественной войны

*Одной борьбе, единой цели
Подчинены мы до конца.
И мы на фронт и тыл не делим
Свои горячие сердца.*

Иосиф УТКИН

Перебазирование основных производственных сил из прифронтовых районов на восток – одна из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны. В кратчайшие сроки потребовалось эвакуировать промышленность и людей из западных районов страны в восточные. Успех этой гигантской работы в значительной степени был обусловлен тем, что эвакуированные на восток люди и предприятия встречали не степь и тайгу, а новые промышленные города.

Нельзя не восхищаться подвигом рабочих, инженеров, железнодорожников, которые обеспечили эвакуацию из прифронтовой полосы в восточные районы сотен крупных предприятий и двадцати пяти миллионов человек.

Кузбасс был очень привлекательным регионом для размещения эвакуированного населения. Еще до войны на территории Новосибирской области, в состав которой входил Кузбасс, началось строительство заводов и фабрик оборонной, химической и других отраслей промышленности. Наличие богатых месторождений природных ископаемых, перспективных промышленных городов, нуждающихся в рабочей силе, и сети железных дорог способствовало удобному размещению и эффективному использованию эвакуированного населения.

Первоначально эвакуацией в стране занималось Переселенческое Управление при Совете Народных Комиссаров, ведь наш XX век для России был не только веком социальных потрясений, но и временем чрезвычайной миграции населения – как за пределы страны, так и внутри ее. Управление было создано до войны и занималось организацией переселения людей внутри страны. Миграционные потоки населения находились под строгим контролем со стороны правительства СССР. На местах эвакуацией занимались начальники переселенческих отделов при облисполкомах.

Усиление потока эвакуированных в конце 1941 года сделало малоэффективной работу Переселенческого управления. В декабре 1941 года было создано Управление по эвакуации, которое должно было организовывать эвакуацию из прифронтовой полосы, обслуживать эвакуированных в пути следования, принимать и размещать прибывших на новые места жительства.

В регионах эвакуацией стали заниматься вновь созданные отделы эвакуации при облисполкомах. Об этом говорит решение исполкома Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 24 февраля 1942 года. Отдел должен был заниматься хозяйственным устройством эвакуированных.

В Кузбасс за годы войны было эвакуировано 79 заводов и фабрик, 37 из которых были размещены в Кемерове. На их основе возникли 11 новых предприятий и расширились действующие заводы. В Кемерово были эвакуированы и научно-исследовательские институты, ремесленные училища, школы ФЗО.

Решением исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 10 ноября 1941 года устанавливался учет прибывшего в город эвакуированного населения.

На заседании исполкома Кемеровского городского Совета 30 января 1942 года было принято еще одно решение за № 32 (в соответствии с распоряжением СНК СССР от 5.1.1942 г. за № 117-р) о проведении с 15 по 25 февраля 1942 года путем подворного обхода домовладений учета всего эвакуированного населения, проживающего на территории Кемерово и рабочих поселков. Райисполкомы были обязаны составить списки учета в трех экземплярах (один чернилами и два на машинке) и сдать горисполкому не позднее 1 марта 1942 года.

При изучении списков учета эвакуированных граждан убеждаешься, что их социальный состав очень разнообразен. Это рабочие, служащие, инженерно-технические работники, ученые, врачи, педагоги, прибывшие со своими заводами, фабриками, научно-исследовательскими институтами или

самостоятельно. Списки (действительно рукописные и машинописные) с 1946 по 1953 год хранились в ГАКО, в фонде Кемеровского бюро по принятию и устройству эвакуированных в городе Кемерове под грифом «секретно». В списках несколько граф, в которых содержатся основные сведения об эвакуированных: Ф.И.О., отношение к главе семьи, пол, год рождения или возраст, место рождения, специальность, национальность, где работал до эвакуации, отметка о выбытии и вселении, порядок эвакуации – с организацией или частным порядком, место размещения.

Чтобы определить численный состав всех социальных категорий эвакуированных, необходимо систематизировать все списки учета, которые хранятся в ГАКО. При изучении списков четко видно, что специальности у эвакуированных граждан были самые разнообразные: прораб, хирург, токарь, машинистка, электротехник, лаборант, наборщик, бухгалтер, врач, инженер транспорта, инженер-химик, копировщица, плотник, начальник парокотельной и др. Эвакуация шла из обширной прифронтовой зоны страны: Тульской, Минской областей, Москвы, Орехово-Зуева, Рыбинска, Запорожья, Донбасса, Кишинева, Брянска.

В историографии уже рассматривался вопрос об эвакуации населения в город Кемерово. Известно, что к 1 января 1943 года прибыло 21 159 человек, что составило 10,5 процента всего населения города.

Эвакуация в целом оказала значительное влияние на социально-экономическое развитие города, ставшего 26 января областным центром Кузбасса.

Одним из важнейших решений, принятых совместно городской властью и правоохранительными органами, было обеспечение обязательного прохождения санобработки всеми гражданами, прибывающими в город, и дезобработки их вещей. Управлению милиции предписывалось требовать обязательного представления справок о прохождении санобработки. Следом за этим решением принимается новое (№ 495 от 11 ноября 1941 г.) «О строительстве бань для эвакуированных». В нем требовалось срочно построить баню на 25 мест в районе обозно-механического завода и баню на 25 мест за рекой Искитимкой. Строительство бань закончить к 1 января 1942 года. Эти меры были просто необходимы, чтобы не допустить обострения эпидемиологической обстановки в городе.

Война застала Кемерово деревянским, одноэтажным, с грязными неблагоустроенными улицами и заболоченными пустырями. Жилой массив в

основном состоял из бараков каркасно-засыпного типа. Несколько капитальных домов на Притомском участке, восемь четырехэтажных школьных зданий, Дворец труда и кинотеатр «Москва» были украшением города.

Перед исполнительной властью стояли труднейшие задачи решения всех хозяйственно-бытовых вопросов: расселения, снабжения одеждой, продуктами питания эвакуированных. Приходилось принимать экстремальные решения с грифом «секретно» и подселять эвакуированных в квартиры кемеровчан: «Обязать Гормкомхоз, Горжилуправление и руководителей предприятий, учреждений и организаций города, имеющих жилфонд, произвести уплотнение жильцов в своих домовладениях, в квартирах, где приходится более 4 кв. м на жильца и в результате уплотнения высвобождается одна комната». Принимались жесткие, даже жестокие решения, например: «О выселении из города граждан в связи с расселением рабочих» № 533 от 29 ноября 1941 года. Предполагалось временно выселить из Кемерово 40 семей, не связанных с городом, на период военного времени. Переселяемым оплачивалась компенсация в размере 1500 рублей на главу семьи и по 500 рублей всем членам семьи.

Чтобы разместить всех прибывших, выселили даже 199 семей эвакуированных, которые свыше трех недель не работали и общественно полезным трудом не занимались. Горисполком устроить их на работу в промышленности был не в состоянии, поэтому принял решение о выселении в сельскую местность в десятидневный срок.

Проблему с размещением эвакуированных необходимо было решать в кратчайшие сроки. Выход был найден – приступили к строительству землянок. Райисполком Рудничного района докладывал, что по тресту «Кемеровоуголь» и заводу № 1200 к строительству землянок приступили 16 октября 1941 года, 13 землянок – 1 тысяча квадратных метров, четыре землянки по Мазуровской шахте. Заложено землянок было 2772 квадратных метра, для работников завода № 1200 выстроено землянок площадью 1200 квадратных метров и начато строительство землянок площадью 1 тысяча квадратных метров. Райисполком строго контролировал строительство землянок и обязывал закончить земляные работы в срок к 25 октябрю 1941 года.

Уделялось большое внимание размещению и устройству учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО, эвакуированных из Запорожья и Харьковской области. «Для размещения учащихся ввести двухъярусные койки, нары, использовать красные уголки,

спортзалы, административно-служебные помещения. Обеспечить эвакуированных учащихся питанием». (Решение 32/185-С.3 от 21 августа 1941 г.). Принимается решение Кемеровского горисполкома и о расселении детей, оставшихся без попечения родителей. Для размещения эвакуированного в Кемерово Черниговского детского дома используется детский санаторий горздрава. Для 200 детей и 50 человек обслуживающего персонала были созданы нормальные условия проживания в период военного времени.

Отношение к эвакуированному населению со стороны городской власти было конструктивным. Принимались решения об оказании материальной помощи. Выработанное единовременное пособие составляло 100–300 рублей в зависимости от сложности ситуации в семье. Были организованы в Центральном, Рудничном и Кировском районах города полки для продажи эвакуированным предметов домашнего обихода, картофеля, овощей. Производился отпуск дров и угля по норме вне общей очереди. Было принято решение об обеспечении питанием в столовых эвакуированного населения, особенно детей, не имеющих своих закрытых столовых. Из фонда соцгрупп были выделены дополнительно в распоряжение детских учреждений горздрава и горонотонды для усиления питания детей эвакуированных. По решению исполкома от 20 ноября 1942 года обеспечивалась первоочередность отоваривания эвакуированного населения. И так во всех решениях городских властей чувствуется внимание и забота об эвакуированном населении.

Что же касается отношения местного населения к некоторым решениям городских властей, например о вселении на их жилплощадь эвакуированных граждан, то оно порой было негативным. Поэтому правоохранительные органы опубликовали специальное сообщение в печати о судебной ответственности за некорректное поведение местного населения. Однако, по большому счету, отношение к эвакуированным со стороны общественности было сочувственным.

Шла Великая Отечественная война. Кемеровчане, а на то время это все жители, проживающие в городе Кемерове, местные жители или эвакуированные, стойко и мужественно переносили трудности и лишения военных лет.

Город жил своей трудовой и повседневной насыщенной жизнью. Удивительно, но нельзя не сказать о том, что в эти тяжелые для страны и нашего города

годы рассматривались и вопросы о содержании в чистоте и уборке улиц, тротуаров, площадей и дворов, о проведении республиканского соревнования детских садов, об организации детской спортивной школы. Идет война, а охране зеленых насаждений уделяется внимание наряду с выпуском жизненно важной продукции. Проходит детская оздоровительная кампания, идет подготовка квалифицированных специалистов массовых профессий в ремесленных училищах и школах фабрично-заводского обучения. Решается вопрос о строительстве асфальтобетонного завода, столовой и двух каркасно-обшивных домов для общежития, о работе городской радиотрансляционной сети и радиовещании, о выполнении обязательств по итогам социалистического соревнования магазинов Кемеровоторга, о ходе ремонта кинотеатра «Москва». И таких решений, касающихся жизни города Кемерова и его жителей в годы Великой Отечественной войны, можно привести большое количество.

Подводя итоги, можно сказать, что за период Великой Отечественной войны административно-политическое и экономическое значение Кемерова значительно выросло по сравнению с довоенным периодом. Количество работающих в городе предприятий увеличилось более чем в два раза. Население выросло со 148 тысяч до 200 тысяч человек. Валовая продукция союзной, областной и местной промышленности увеличилась по сравнению с 1941 годом в пять раз.

Таким образом, можно утверждать, что эвакуация оказалась важным звеном и в развитии города, и в формировании населения города Кемерова.

Сегодня мало что осталось от облика нашего города в годы Великой Отечественной войны, но очевидно, что все усилия исполнительной власти и горожан сделали свое доброе дело. У каждого города есть своя родословная, свое неповторимое лицо с характерными приметами времени.

Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966.

ГАКО. Ф. Р-18, оп. 3, д. 98; оп. 5, д. 13, л. 40, 232, 340–351; д. 16, 18а.

Шуранов Н. П. Кузбасс – фронту. Кемерово, 1975.

Алексеев В. В. Сибиряки – фронту. Новосибирск, 1971.

Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: тезисы науч.-практ. конф. Кемерово, 2000.

Е. Н. БУДИЛОВА,
зав. отделом советской истории областного
краеведческого музея

ВО ИМЯ ПРАВОПОРЯДКА

Изучением истории становления и развития органов милиции на территории Кузбасса и города Кемерова занимались ученые и преподаватели Кемеровского государственного университета и Кемеровского филиала заочного обучения Омской академии МВД России. Особый интерес представляют работы сотрудников и ветеранов городских и районных отделов милиции, профессиональных историков, журналистов.

Примером успешного сотрудничества ученых-историков, журналистов и практических работников органов внутренних дел может служить книга по истории госавтоинспекции Кузбасса «Такая у нас работа» (Б. Берлинтейгер, В. Кладчихин, И. Ляхов. Консультант майор милиции Е. Ильясов).

В ряду других удачных исследований по истории городской милиции можно отметить книги Г. С. Позднякова «Служба дни и ночи...» (из истории милиции Анжеро-Судженска), работы журналиста А. Луканина о милиционерах Новокузнецка («Начальники Новокузнецкой милиции», «Новокузнецкая милиция» и «Новоильинский РОВД»); подполковника милиции в отставке, участника Великой Отечественной войны И. С. Чуприкова о милиционерах Ленинска-Кузнецкого «Они были впереди нас». Заведующая отделом информации ГУКО «Государственный архив Кемеровской области» Н. Н. Васютина подготовила документальную публикацию «История органов внутренних дел Кузбасса в 20–30-х годах XX века по документам Государственного архива Кемеровской области».

В ряде горрайонов милиции, в службах Главного управления внутренних дел области, в Кемеровском РОВД, в УВД города Кемерова к юбилейным датам издавались буклеты, где наряду с многочисленными фотографиями кратко излагается история возникновения этих милицейских органов.

Думается, что будут полезны книги, статьи, очерки полковника милиции в отставке, ветерана МВД А. А. Лопатина: «Годы, отданные службе» – очерки о начальниках УВД Кемеровской области, «Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002», «К вопросу создания советской рабоче-крестьянской милиции в Кузбассе», «Книга памяти. 1943–2003» – о погибших милиционерах Кемеровской области, «Все решают кадры», «Приказ на войну» – о милиционерах Кузбасса – участниках Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), войны в Афганистане и на Северном Кавказе.

Работа милицейских подразделений Кемерова в годы Великой Отечественной войны заслуживает особого внимания и изучения. Достаточно отметить, что город по результатам охраны правопорядка и борьбы с преступностью все эти годы был в числе лучших, в чем, несомненно, заслуга руководящего состава подразделений милиции и их сотрудников.

Гарнизон милиции города (начальник – майор милиции А. И. Таланов, политрук П. В. Соколов) в 1941 году насчитывал в своих рядах 194 сотрудника. В его состав входили: уголовный розыск – 12 человек, ОБХСС – 5, взвод милиции – 37, строевое отделение – 41, конвойное отделение – 14, паспортно-регистрационное – 3, ГАИ – 4 человека; в четырех отделениях милиции – 58 человек, транспорт милиции насчитывал около 20 лошадей. И в предвоенные годы, и в период Великой Отечественной войны кемеровская городская милиция готовила для себя кадры в школах НКВД.

Накануне войны в городе стала заметно сокращаться преступность, особенно тяжкие виды – убийства, умышленные тяжкие телесные повреждения, крайне редко регистрировались вооруженные ограбления и бандитизм. Горожане постепенно стали забывать ночные аресты по статье 58.

В день объявления войны 22 июня 1941 года личный состав гарнизона милиции к 16 часам дня был в сборе. Сотрудники милиции, выслушав сообщение о нападении Германии на Советский Союз и получив инструкции, разошлись по предприятиям и организациям города. Они приняли участие в многочисленных митингах, организовали проверку охраны предприятий, их противопожарного состояния.

В начальный период войны ввиду сложности обстановки в городе горком ВКП (б) и горисполком, горотдел и подразделения милиции, работая, по сути дела, сутками, решали самые различные вопросы жизнеобеспечения города, наведения в нем порядка. Вот только несколько штрихов их деятельности.

23 июня 1941 года состоялось общее партийно-комсомольское собрание горотдела НКВД. Повестка дня: «Задачи коммунистов и комсомольцев в период военной мобилизации». Подобные собрания прошли во всех отделениях милиции. Был осуществлен ряд организационных мер по перестройке работы основных подразделений милиции, прежде всего наружной службы, занятой

охраной общественного порядка. Эта служба (об угрозе и ОБХСС и говорить нечего) была переведена на двухсменный режим работы по 12 часов. Отпуска всем работникам были отменены. В соответствии с указанием инстанции был объявлен призыв в армию 25 процентов личного состава. Лучшие уходили добровольцами в составе сибирских полков и дивизий. Как правило, их заменяли лица, к строевой службе негодные. (Если исходить из численности городской милиции в 1941 году (194 сотрудника), то к концу войны на фронт ушло 76,8 процента ее личного состава, или 149 человек!)

3 июля 1941 года по предложению городского отдела НКВД бюро горкома партии обязывает руководителей всех предприятий и учреждений города на период военного времени создать боевые дружины по усилению охраны предприятий и учреждений.

Из постановления закрытого партсобраний городского отдела милиции 11 июля 1941 года: «В городе преступность значительно снизилась, отсутствовали убийства, вооруженные ограбления, количество краж уменьшилось по сравнению с 1940 годом, повысилась раскрываемость». В июне 1941 года в городе было совершено 116 преступлений, в июле – 152, в августе – 132. Партсобрание приняло решение лучше осваивать огнестрельное оружие. В июле 1941 года горисполком постановил: «Из-за отсутствия особой необходимости не открывать в городе медвытрезвитель, а созданный аппарат управления вытрезвителя сократить».

3 августа 1941 года состоялся общегородской митинг работников милиции, на котором присутствовали 106 человек. Митинг принял резолюцию: до окончания войны ежемесячно отчислять в фонд обороны однодневный заработок.

15 ноября 1941 года партийное собрание Кемеровского городского отдела милиции утвердило договор о социалистическом соревновании со Сталинским горотделом и одновременно обратило внимание на серьезные недостатки в работе: дежурные плохо знают свои обязанности, постовые уходят ночью с постов.

10 апреля 1942 года на отчетном партсобрании выступил начальник горотдела А. И. Таланов: «Состояние уголовной преступности резко снизилось, но есть рост хулиганства. В работе по раскрытию грабежей нет инициативы».

15 ноября 1942 года приказом начальника УНКВД Новосибирской области Кемеровскому городскому отделу было присуждено переходящее Красное знамя. В приказе отмечалось, что в ходе предоктябрьского социального соревнования в Кемерове резко снизилась уголовная

преступность, была улучшена работа по борьбе со спекуляцией, хищениями и растратами в госторговле. В гарнизоне почти полностью были изжиты аморальные поступки, 27 процентов личного состава милиции являлись отличниками военного времени. В кемеровской милиции много внимания уделялось сбору теплых вещей, предметов обихода и продовольствия для воинов Красной Армии и партизан Белоруссии.

В целом сложность задач, вставших перед страной с началом войны, наложила свой отпечаток и на работу органов внутренних дел. Наиболее ответственные задачи в этот период легли на службу уголовного розыска.

Уголовному розыску с первых же дней войны пришлось столкнуться с такими видами преступлений, которых в мирное время не было: дезертирством, уклонением от призыва и службы в армии, распространением провокационных слухов, кражами хлебных и продовольственных карточек. На уголовный розыск возлагалась также ответственность за борьбу с бандитизмом, разбоем, умышленными убийствами, хищениями огнестрельного оружия, мошенничеством, подделкой документов и т. д. Для кемеровской городской милиции решение этих задач осложнилось в связи с прибытием туда больших масс эвакуированных граждан, переселенцев, спецпереселенцев, среди которых были и преступники. В этот период возросло количество лиц без определенного места жительства и занятий. Изменился состав рабочего класса предприятий города.

Тяжким последствием войны были детская беспризорность и безнадзорность, способствовавшие значительному росту преступности среди несовершеннолетних. В Кемерове в течение первого квартала 1943 года за уголовные преступления было привлечено к ответственности 687 человек. Количество привлеченных по возрастному составу составляло свыше 30 лет – всего лишь 15 процентов, а в возрасте от 12 до 16 лет – 151 человек (около 22 процентов). Характерно, что 65 процентов всех привлеченных составляли лица, ранее не судимые. Чаще всего нарушали закон из среды несовершеннолетних учащиеся ФЗО и ремесленных училищ. В течение того же первого квартала 1943 года из школы ФЗО № 1 было арестовано 18 учащихся, из школы ФЗО № 55 – пять человек, из ремесленного училища № 15 за грабеж были привлечены к уголовной ответственности шесть человек. 3 марта 1943 года был арестован учащийся РУ № за убийство учащегося того же училища. Изложенные факты свидетельствуют о том, что органам внутренних дел в годы войны забот и работы значительно прибавилось, а штаты милиции оставались в рамках довоенного време-

- **Майор ТАЛАНОВ Александр Иванович, начальник горотдела милиции (1941–1943 годы), зам. начальника областного управления милиции УНКВД Кемеровской области (1943–1945 годы)**
- **Капитан СОКОЛОВ Петр Васильевич, политрук горотдела милиции (1941–1943 годы), помощник начальника, начальник политотдела областного управления милиции УНКВД (1943–1945 годы)**

ни. К тому же многие опытные оперативные работники, как мы уже отмечали, были призваны на фронт. Определенную помощь в борьбе с преступностью оказывала общественность в лице групп содействия, на местах партийные органы помогали в создании групп патрулирования. Однако личному составу милиции приходилось работать на пределе сил.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 года была образована Кемеровская область в составе РСФСР, и в это же время вышел приказ Народного Комиссара внутренних дел СССР об организации Управления НКВД по Кемеровской области. Этим же приказом был расформирован Кемеровский городской отдел НКВД, штаты и личный состав отдела были направлены на укомплектование организуемого УНКВД области.

А. И. Таланов был назначен на должность начальника Кемеровского областного УНКВД, П. В. Соколов стал

заместителем начальника областного УНКВД, при этом они сохранили за собой руководство подразделениями милиции города Кемерово.

18 июня 1943 года в Центральном районе Кемерово было создано пять отделений милиции со штатом 31 человек.

В марте 1944 года на партийной конференции Кировского района была дана характеристика преступности в районе по расследованным делам. За 1943 год было зарегистрировано 3 случая контрреволюционного саботажа, 2 – бандитизма, 10 – растрат и хищений, 5 – мошенничества, 360 – краж, 7 – хулиганства, 48 должностных преступлений. За хищение с предприятий было привлечено к уголовной ответственности более 600 человек. Распространенным оставалось дезертирство с предприятий. За третий квартал 1943 года в Кемерове было выявлено и задержано 35 человек дезертиров из армии и 588 дезертиров с предприятий оборонной и угольной промыш-

ленности. Всего же за это время было привлечено к уголовной ответственности за совершенные преступления 553 человека, из которых 336 арестовано. Предотвращено было 59 преступлений, из них: грабежей – 4, краж всех видов – 51 и прочих преступлений – 4. Раскрываемость преступлений в третьем квартале 1943 года была 77,5 процента. В четвертом квартале был привлечен к уголовной ответственности за разные преступления 351 человек, из них арестовано 197 человек. За ноябрь – декабрь 1943 года было ликвидировано 19 грабительско-воровских, часто вооруженных, групп.

Успешно действовала кемеровская городская милиция и в 1944 году. Было ликвидировано несколько бандитских и воровских групп. 27 октября 1944 года в приказе начальника УНКВД по Кемеровской области «О вручении переходящего приза – бюста В. И. Ленина отделу уголовного розыска ОУМ УНКВД» отмечалось, что «...наиболее ритмично и слаженно работал аппарат уголовного розыска, который в результате напряженной работы всего коллектива обеспечил снижение уголовной преступности по г. Кемерово на 25 процентов и квалифицированных краж на 50 процентов, увеличил раскрываемость и предупреждаемость уголовных преступлений по городу».

В 1945 году кемеровский гарнизон милиции закрепил успешную работу по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, внес весомый вклад в общие показатели по борьбе с преступностью в области. В победном году в области и городе значительно снизилось количество зарегистрированных преступлений. Если в первом квартале 1944 года в Кемерове было зарегистрировано 285 преступлений, то в первом квартале 1945 года – 233. Снижение произошло на 52 преступления, или на 18 процентов, за счет квалифицированных и простых краж. В первом квартале 1945 года было раскрыто 45 преступлений, совершенных в 1944 году, 58 преступлений было предупреждено. Несмотря на положительные результаты в работе с правонарушителями, в сентябре 1945 года на заседании исполкома Кемеровского горсовета обсуждался вопрос об усилении работы участков милиции и участковых уполномоченных города. Большое значение в работе милиции придавалось роли участковых милиции, на которых отводился значительный фронт работы: охрана общественного порядка, борьба с хулиганством, спекуляцией, охрана зеленых насаждений, розыск дезертиров производства, соблюдение паспортного режима. Участковые милиции были вовлечены в совместную работу с уличными комитетами, управдомами, дворниками и пожарной охраной. В авгу-

сте 1945 года Кемеровским городским отделом милиции стал руководить Александр Юрьевич Денисов. Для усиления борьбы с преступностью ему было поручено проведение собраний жителей города с целью организации в помощь милиции дежурств, особенно в ночное время, по охране общественного порядка. В 1945 году была введена в практику подготовка докладов начальников отделений милиции и участковых уполномоченных о работе органов милиции на собраниях рабочих и служащих предприятий города.

Сотрудники ОБХСС УНКВД Кемеровской области разоблачили хищнические группы на ряде заводов города Кемерово и предотвратили злоупотребления работников совхоза «Сухая речка» и ОРСа одного из заводов Кемерово.

В целом за годы войны кемеровская милиция к ранее существовавшим обязанностям по борьбе с уголовной преступностью и хищениями добавила новые: розыск сотен людей, потерявших в годы войны, устройство детей, оставшихся без родителей, борьбу с беспризорностью и другие. Кроме этого, проводились гуманитарные акции по сбору теплых вещей, заготовке продуктов питания, сбору денежных средств на постройку самолетов, танков и других видов вооружений. Значительная работа была сделана по наведению санитарного порядка, организации дорожного движения, проверке паспортного режима и размещению многих тысяч эвакуированных (например, к осени 1942 года в Кемерово приехало 20 500 эвакуированных). По итогам работы за первое полугодие 1945 года на заседании исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся за большую работу по охране общественного порядка в районах и участках была объявлена благодарность начальнику третьего отделения милиции Челмадееву, участковым уполномоченным Иноземцеву, Зайцеву, Фомичеву, Валентюк, Шестакову.

Таким образом, сотрудники милиции города Кемерово, обеспечивая правопорядок и спокойствие граждан в годы войны, внесли свой вклад в общее дело Победы над врагом.

Государственный архив Кемеровской области. Ф. П-15; П-53; П-75; П-400; Р-18.

А. А. ЛОПАТИН,
полковник милиции в отставке, ветеран МВД;
Н. Н. ВАСЮТИНА, заведующая отделом
информации ГУКО «Государственный архив
Кемеровской области»;
В. И. БЕЛЬКОВ, старший научный сотрудник ГУКО
«Государственный архив Кемеровской области»

ШАХТА «СЕВЕРНАЯ» НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Среди шахт Кузбасса «Северная» занимает особое место. Коллектив шахты единственный в области за работу в годы войны был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Начало трудовой биографии шахты тесно связано с первыми пятилетками. В 1932 году началось строительство, а 28 января 1939 года правительственная комиссия приняла шахту в эксплуатацию. По тем временам это была крупнейшая и самая механизированная шахта в Советском Союзе. Ее проектная мощность была определена в 1,2 миллиона тонн угля в год.

Горняки «Северной» по призыву рабочих и инженерно-технических работников треста «Ленинуголь» активно поддерживали и включились в соревнование по превращению Кузбасса в передовой угольный бассейн Союза.

В честь четвертой годовщины стахановского движения девятимесячный план угледобычи 1939 года коллектив шахты выполнил 16 августа. А в дни стахановской декады с 20 по 30 августа шахтеры решили добывать ежесуточно по тысяче и более тонн угля при плане 805 тонн.

Всеобщий подъем в развитии соревнования способствовал тому, что в первом году эксплуатации шахты ежесуточная добыча угля составила 1 тысячу тонн, к концу 1940 года – 2 тысячи тонн. Темпы проходки горных выработок по основным направлениям на отбойный молоток нередко достигали 80–100 метров в месяц.

Своей блестящей работой завоевали признание горняков шахты стахановцы 3-го и 4-го участков (начальники Ткачев, Рыбин), горные мастера Барановский, Туркеев, Пырсилов, Кисенко, забойщики Беляков и Юрманов, систематически выполнявшие сменные задания по добыче угля на 250 процентов, проходчики Мурин, Самойлов, Краснов, Сысоев и Гулятьев, дававшие ежесменно 1,7–2,0 метра ухода вместо нормы 1,4 метра, посадчики Хорошавин, Нестеренко, Федорчук.

Примером для всех шахтеров Кемеровского рудника была работа стахановца-машиниста Л. А. Шерина, первым на руднике освоившего врубовую машину «БШ», на которой за половину мая 1939 года прошел 65 метров двухпутевого основного штрека, выполняя ежедневную норму

на 160–170 процентов, укладчика шахтовых путей 3-го горного района шахты И. С. Имаева, ежемесячно выполнявшего производственный план на 200 и более процентов, бригадира бригады по укладке шахтных путей А. С. Мальцева, ежемесячно выполнявшего план на 180–190 процентов, забойщика И. Р. Врачара. Иван Радович родился в Югославии, работал горняком в Автономной Индустриальной Колонии «АИК – Кузбасс». Впервые, еще в 1929 году, на шахте «Центральная» внедрил отбойные молотки в очистных и подготовительных забоях. С 1936 года И. Р. Врачар работал проходчиком на строительстве шахты «Северная», а после ее сдачи в эксплуатацию – забойщиком, горным мастером. За смену на отбойный молоток он добывал в среднем 90 тонн угля при технической норме 40–60 тонн в зависимости от пластов. Одним из первых на шахте И. Р. Врачар был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Можно называть еще десятки, сотни шахтеров «Северной», кто в первые годы ее работы начал своим трудом «писать» первые строки ее истории. Их труд вызывает у потомков чувство восхищения и глубокой благодарности.

Особый трудовой героизм проявляли инженерно-технические работники и рабочие шахты в годы Великой Отечественной войны.

Горняки шахты первыми в Кузбассе на митинге 23 июня 1941 года обратились к правительству с просьбой разрешить им ежедневно работать сверхурочные часы. В первые же дни войны ушедших на фронт шахтеров (их было 746 человек) заменили на рабочих местах женщины, старики и подростки. Не имея ни знаний, ни опыта, они постигали азы горняцкой профессии прямо в забое. Во многих очистных и подготовительных бригадах шахты девушки и женщины составляли половину.

Для помощи горнякам в шахту постоянно спускались так называемые сборные бригады. В их составе были ученики школ ФЗО, поверхностные рабочие, пенсионеры, служащие различных учреждений и контор. Только они, эти сборные бригады, в 1943 году добыли 50 тысяч тонн угля.

В первые военные месяцы стали проводиться массовые воскресники. Первый воскресник был проведен 10 августа 1941 года. В этот день шахте-

ры выдали сверх плана почти 500 тонн угля. Среднесуточная добыча угля на шахте во втором полугодии превысила 2500 тонн.

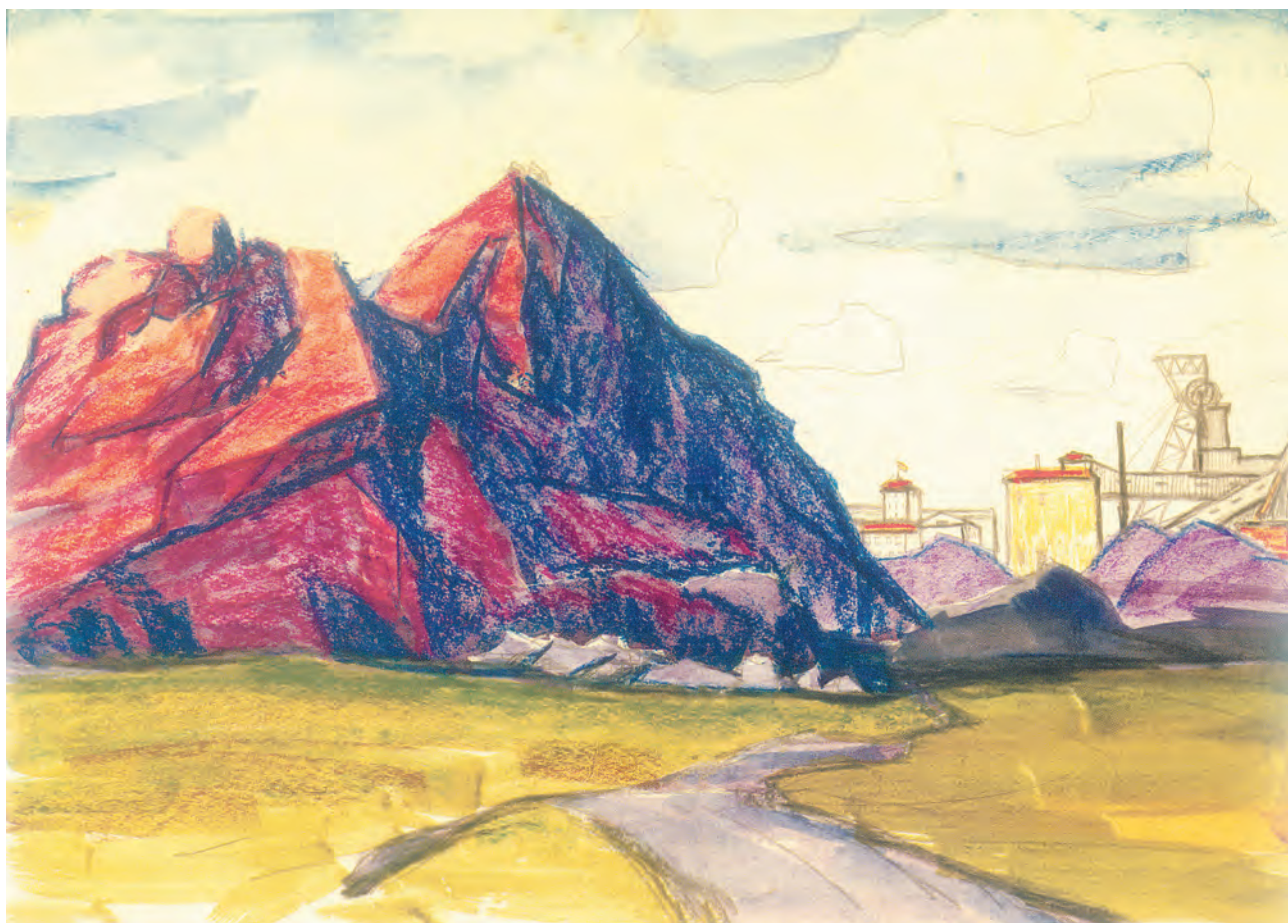
На шахте возникло движение фронтовых бригад, появились «двухсотники» – рабочие, выполнявшие регулярно, изо дня в день, по две нормы – одну за себя, другую за товарища, ушедшего на фронт.

Одной из фронтовых бригад руководила Валентина Спирова. Она освоила профессию забойщика и в работе ни в чем не уступала мужчинам. Сменные задания ее бригада перевыполняла в полтора раза. Под стать ей была и другой бригадир – Мария Давыдова. Комсомолки Аня Донских, Валя Шатохина, Вера Соснина, Ира Жукова, Саша Фролова и многие другие в полтора-два раза перекрывали свои сменные задания, а ведь военные-то нормы были повышенными.

Брали уголь на «Северной» в годы войны любой ценой. И брали его так потому, что он был нужен как воздух, ведь главный поставщик его – Донбасс – был оккупирован и разрушен. На Кузбасс в те грозные годы с надеждой смотрела вся страна.

На «Северной» находят широкое применение камерные системы выемки угля, заходки, зоны... Это были весьма производительные по тому времени системы, но они несли с собой по технологии и большие потери угля в недрах, а это всегда чревато тяжелыми последствиями. Только в 1943 году на шахте произошло пять крупных пожаров. Подстерег шахту и еще один коварный враг – внезапные выбросы угля и метана. А как бороться с ними, в те годы еще не знали ни на одной шахте страны.

Пришлось в срочном порядке перебросить часть сил с выемки угля на подготовительные работы, повести их с точным инженерным расчетом, грамотно и основательно. Запевалями в этом деле

● Николай Шемаров. Шахта «Северная»

стали комсомольско-молодежные бригады Григория Прохоренко и Василия Колесникова.

Увеличилась нагрузка на действующие очистные забои. И люди выдержали эту нагрузку – другого просто не было дано. Забойщик Ф. В. Спирин установил рекорд 1942 года: за одну смену отбойным молотком нарубил 204 тонны угля. Примечательно, что ассистентами Федора Васильевича в уборке угля и доставке леса в лаву были парторг ЦК ВКП(б) М. В. Бобылев, начальник шахты М. А. Замула и секретарь комитета комсомола Мария Печерина.

Пример Спирина окрылил шахтеров. На ударные вахты заступили многие, в их числе забойщики Егор Бабанак, Федор Венжега, Мубарак Мухаметчин. Забойщики И. Е. Журков и М. К. Балаботкин, выполнявшие норму добычи угля на 250–280 процентов, в дни наступления Красной Армии на Харьковском и Брянском направлениях в августе 1943 года давали до четырех норм за смену.

За военное лихолетье шахта отправила на нужды фронта и народного хозяйства 3,6 миллиона тонн высококачественного угля. Это был такой нужный тогда для страны уголь, воистину «черное золото»! И доставали его, не считаясь ни с чем, такие замечательные люди, как очистники из бригад Фомы Егорова, Дмитрия Ведрова, Василия Волкова, Степана Цыщука, Михаила Цербунова, Ивана Потапкина.

«Всё для фронта! Всё для победы!» – этот призывный лозунг четыре года висел на фронте административно-бытового комбината шахты. И люди подчиняли все свои усилия этой цели, работая практически без выходных, на износ, и они никогда не забывали, что на фронте – еще труднее.

А с фронта шли солдатские письма. Шли и похоронки...

В первые дни войны сменила шахтерскую робу на солдатские шинели семья Барабановых. Их было четверо родных братьев: Александр, Михаил, Иван и Василий. Трое с войны не вернулись. Александр прошел ее тяжкий путь «от звонка до звонка».

Крепко держали оружие в руках шахтовый маркшейдер О. В. Груздев, проходчик М. Д. Радионов, машинист электровоза В. В. Голохватов. Добровольцами ушли на фронт рабочие шахты С. А. Фукалов, А. П. Петушков, А. Ф. Войткевич, Б. Г. Рязанов, Ф. Ф. Казанин и многие, многие другие.

Орденами и медалями отмечены ратные подвиги шахтеров «Северной» К. И. Барсакова, Н. А. Ки-

това, В. В. Лиса, П. М. Козырева. Они форсировали Днепр, освобождали Белоруссию и Польшу, брали Берлин. Горнорабочий шахты Николай Иванович Суковатов за форсирование Днепра и освобождение Украины был удостоен звания Героя Советского Союза.

Самоотверженный труд горняков шахты в годы Великой Отечественной войны награждался знаменем Наркомугля и ВЦСПС, 597 работников получили правительственные награды.

Трудовой и ратный подвиг шахтеров «Северной» влился в великий подвиг всего советского народа, одолевшего в кровавой схватке фашистского зверя. Вечная слава героям-шахтерам!

* * *

В канун Дня шахтера-2009 работники угольной промышленности, ветераны труда и войны Рудничного района города Кемерово торжественно отметили 70-летний юбилей ввода в эксплуатацию шахты «Северная».

Безусловно, предлагаемые строчки истории шахты военного периода ни в коей мере не рисуют полной картины жизни горняцкого коллектива в годы Великой Отечественной. Они всего лишь отдельные штрихи, способные вызвать определенные ассоциации, воскресить память, сравнить день прошлый и день настоящий...

* * *

10 сентября 1947 года Президиум Верховного Совета СССР издал указы о введении персональных званий для работников угольной промышленности, награждении работников угольной промышленности орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу, об установлении ежегодного всенародного праздника Дня шахтера. И Совет Министров СССР принял постановление о преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и работающих на строительстве угольных шахт.

Этими государственными документами Родина отметила напряженную работу шахтеров в годы войны и послевоенный период. А самое главное, был поднят на высочайший уровень общественный престиж шахтерских профессий.

Ю. И. ДЬЯКОВ,
ветеран шахтерского труда,
лауреат премии Совета Министров СССР

Артельный труд в годы войны

Сегодня из нашего обихода ушло слово «артель», а жаль... До революции артелями строили дома, добывали золото, производили масло. Артельность была неотъемлемой частью российской жизни со своим укладом и вековыми традициями, основанными на добровольном объединении коллективного труда.

Советская власть сохранила артели, оставив им коллегиальную форму управления – на общем собрании избиралось правление и председатель, оплата же труда осуществлялась по государственной схеме (сдельщина и оклады).

На местах артели подчинялись гор-, райисполкомам и артельсоюзам (объединениям артелей по производственному или территориальному признаку). Административная «вертикаль» появилась в 1936 году, когда было создано второе Министерство местной промышленности. В годы индустриализации государство основное внимание уделяло развитию тяжелой промышленности, товары народного потребления производили старые, созданные до революции предприятия и артели, которые выпускали треть общесоюзного ширпотреба. Кроме этого, артелям поручалась важная социальная функция – трудоустройство инвалидов.

Материалы государственного архива Кемеровской области позволяют проследить, какую роль играли артели в жизни города Кемерово. Их деятельность и проблемы отражены в протоколах горисполкома, Рудничного и Кировского райисполкомов, в документах горплана.

К началу 1940-х годов Кемерово стал крупным индустриальным центром, где бурно развивались угольная, химическая, металлургическая отрасли промышленности и энергетика. Товары народного потребления выпускали маломощные предприятия – мебельная фабрика, пивзавод, швейные мастерские, обозный завод и около 20 промысловых артелей, занимающиеся обработкой дерева, металла, кожи и другим, на долю которых приходилась почти половина производимого в городе ширпотреба. Нужды горожан эти производства полностью не удовлетворяли, дефицит покрывался централизованными поставками. В годы войны ввоз товаров первой необходимости прекратился, обувь, одеждой, домашней утварью горожан и эвакуированных обеспечивали местные предприятия и артели.

Узкой специализации кемеровские артели не имели, но основной вид деятельности был. К примеру, деревообработкой и производством пиломатериалов занимались правобережные артели «Культурник» и «Темп», объединенные по решению горисполкома 2 июля 1941 года под

названием «Культурник», которому в 1942 году поручили восстановить цех детской игрушки. На обработке дерева специализировались и артели «18-го партсъезда» (ул. Советская, 92), «Восход» (ул. Вокзальная, 52). Им также предписывалось расширить ассортимент. На заседании горисполкома 17 ноября 1941 года при утверждении плана на ноябрь – декабрь председателю артели «Восход» Руденкову предписывалось в ноябре приступить к массовому изготовлению деревянных ложек и чашек, организовать производство ученических ручек и пеналов в требующемся для города количестве, наладить выпуск фанерных лопат из ящиков торгующих организаций и детской мебели для детских садов. В марте 1942-го планировалось расширить токарный цех артели на 7 станков, организовав в нем производство посуды и изготовление деревянных ложек механизированным способом; фрезы должны были изготовить КЭМЗ и коксохимзавод. Восходовцы с большим трудом, но с заданием справились.

В январе 1943-го из артели «Восход» выделилась артель «Память Ленина», в 1944-м произошло обратное слияние, новая артель стала носить имя «Память Ленина».

Металлообработкой занималась артель «Ударник» (Кировский район), производя инструменты, гвозди, металлическую утварь, которых требовалось все больше. В решении горисполкома от 17 ноября 1941 года говорилось: «Председателю артели «Ударник» т. Незносько в ноябре месяце дополнительно к утвержденному плану приступить к выпуску кухонных ножей, детских кроватей и односпальных кроватей из отходов железа комбината 392». В 1942 году решено было расширить производство, восстановив второй литейный цех мощностью до 1 тонны литья в день.

В июле 1943-го проблемы «Ударника» обсуждали на исполкоме. Отмечалось, что план по валовой продукции выполнен на 71,5 процента, по ширпотребу – на 93 процента. Причина – необеспеченность фондовыми материалами, плохое состояние литейного цеха и задержка с пуском второй литейки. Много брака – 18 процентов. Обеспеченность рабочей силой – 60 процентов. При планировании на второе полугодие решено было не только учесть мощность предприятия, но и оказать ему помощь. А именно: председатель леспромхоза Машуков обязывался обеспечить артель деревянными деталями для повозок ПУ-42 в соответствии с месячным заданием, электросеть (Солод) – подключить 2-й литейный цех не позднее 1 августа и не включать, председатель горпромсоюза Ледовский – решить

кадровую проблему, направив в «Ударник» 20 человек из других артелей. Председателю артели Новикову было дано задание провести заготовку овощей и картофеля в колхозах для обеспечения питания артельщиков.

И самое существенное – просить УУПК при СНК РСФСР по Кемеровской области тов. Предеина своевременно обеспечивать артель необходимым сырьем (кокс, чугун, шинное железо, олифа и т. д.). К слову сказать, проблема поставок сырья «Ударнику» так и не была решена, поэтому с плановыми заданиями 1944 года артель не справилась. Еще заметим: начиная с 1943 года, когда была образована Кемеровская область, городским властям многие вопросы приходилось согласовывать с областными организациями, на что уходило немало времени.

Одеждой и обувью кемеровчан обеспечивали артели «Сапожник», «Кожобувь», «Красный обувщик» (ул. Шахтерская, 4), «Кожмех» (Шахгострой), «Трикотажник (Чкалова, 18), «Новый путь» (ул. Милицейская, 7), «Швейпром» (Кировский район).

Самой старой (организована в 1934-м) была артель «Кожобувь». В 1941-м здесь ежемесячно выпускалось до 500 пар детской обуви, более 10 тысяч ремонтировалось, кроме того, производилось до 500 мочальных кистей. В конце года горисполком принимает решение расширить коззавод, увеличив количество чанов до девяти, и организовать пункты по заливке галош и других резиновых изделий.

В 1942-м предприятие было реконструировано: по типовому проекту построен цех утилизации трупов животных с котлоемкостью на 2,2 кубических метра, организовано мыловарение, клееварение. Годом позднее для обработки кожи смонтировали специальные машины, построили сушилку, склады и навесы для хранения 500 тонн кожи в год. Артель стала крупным производством, и в 1944-м из нее выделили два предприятия – артели «Кожмех» и «Кемеровец».

Среди швейных артелей ведущее место по ассортименту занимал «Труженик», ежемесячно выпускавший более сорока наименований одежды, белья и кожгалантереи, в том числе пальто женские (100), костюмы детские (150), телогрейки (600), одеяла стеганные (150), шапки детские (200) и т. д.

Артель «Химик» (ул. Чкалова, 29) снабжала горожан канифольным мылом, скипидаром, дегтем, жидкостью для стирки белья, ученическими мелками. В конце 1941-го было получено задание приступить к выпуску ложек, тарелок и кружек из пластмассы и начать производство клея из кровяных отходов мясокомбината. В 1942-м был открыт цех регенерации и производства смазочных масел по способу, разработанному инженерами коксохимзавода и ВТИ. Когда выпуск масла достиг 1 тонны в сутки, был ор-

● Швейная мастерская (1943 год)

● Коллектив мастерской (1944 год)

● Крынки – продукция гончаров

● Серпы – продукция артелей Кемерова

ганизован цех красок с объемом 200 тонн продукции в год. Кроме того, появился укусно-кислородный цех (55 тонн кислоты в год).

«Химик» трудился весьма успешно: по итогам 1942 года выполнил план на 152 процента. Артель просуществовала до конца войны, позднее, с развитием крупных химических производств, потребность в ее продукции отпала.

Были в Кемерове и свои гончары: артель «Трудовой путь» (ул. Советская, 82) выпускала пять видов глиняной посуды емкостью от 1 до 12 и выше литров. Правда, объемы производства были невелики – от 200 до 3 тысяч литров в месяц.

Имелся гончарный цех и в составе многопрофильной инвалидной артели «Шахтер» (Кировский район), но с плановыми заданиями он постоянно не справлялся. На заседании Кировского райисполкома 12 октября 1944 года отмечалось: «В артели «Шахтер» (председатель Зайкин) числится 17 цехов с 57 рабочими. Решение по специализации артелей не выполнено... Гончарный, квасной, бондарный, пимокатный цеха не отремонтированы... Бондарный цех не имеет клетки для гончарного цеха, глина не заготовлена, карьер не отеплен, не заготовлено сырье (ягодные соки, сахарная свекла) для квасного цеха. Слабо проводится вовлечение в артель инвалидов Великой Отечественной войны...».

Трудно сказать, чего это стоило, но порядок был наведен, и горисполком увеличил план выпуска гончарной посуды до 10 тысяч литров в месяц.

В годы войны в Кемерове остро ощущалась нехватка транспорта – и без того немногочисленный автопарк был основательно прорежен отправками на фронт, перевозки в основном осуществлялись гужевым транспортом. И тут свое слово сказали артели «10 лет Октября», «3-я пятилетка» (ул. Ильинская, 1) и самая крупная из транспортных артель «Промтранс» (ул. Пограничная, 1). На балансе последней находилось 57 лошадей, обслуживала она как правый берег, так и левобережную часть города. Перевозок было много, особенно в летнее время, когда шла заготовка кормов, овощей и ягод для артелей пищевого цеха.

В 1944 году горисполком решил в «Промтрансе» сосредоточить все обозостроение, для чего передать ему несколько станков и циркулярную пилу. На этих станках надо было открыть производство простых крестьянских телег и ручных тележек.

В транспортной артели «3-я пятилетка» начинал свою трудовую деятельность 10-летний Саша Шевелев, который впоследствии оставил свои воспоминания о том периоде жизни. Бесхитростные и простые, воспоминания старожилы города А. Н. Шевелева дают яркую картину военной поры:

«Когда началась война, мне было 10 лет. Старшего брата забрали в армию, нас осталось семь человек: мама, бабушка, четыре сестры и я. Школу пришлось оставить, чтобы помочь маме содержать семью. Она работала в артели «3-я пятилетка» возчиком на лошади и устроила меня туда же...

Артель располагалась на улице Магистральной (Ленина) близ Искитимского моста. Определили меня в гвоздильный цех. Работа была несложной – я рубил зубилом на части проволоку (ее привозили в мотках) и на березовом чурбаке прямил. Кузьма глухонемой на станке из этой нарубленной мною проволоки делал гвозди. Старший по цеху – Точилин, преклонных лет мужчина, на нем лежала ответственность за изготовление этой продукции. В 1942 году я попросился в столярный цех подсобным работником – к столярному делу я прикипел, когда был жив мой дедушка. В цехе стояли два токарных станка. На одном – большом – подросткам не разрешалось работать. Я учился на том, что поменьше. Но и он для меня был велик – приходилось становиться на ящик, чтобы дотянуться до рукоятки. Постепенно, в меру своих способностей, я овладел токарным делом, вытачивал игрушки, скалки, толкушки и прочее. Вся эта мелочь ценилась и оплачивалась дешево. На свою месячную зарплату я мог купить себе только ведро картошки или булку хлеба. Один раз в неделю привозили для рабочих во флягах «суфле» – квашеное молоко, подслащенное сахаринном. Выдавали по одному литру. Я относил его младшим сестренкам.

Наше военное детство было нелегким. Кроме работы, по ночам мне приходилось пасти мамину лошадь. Все возчики, а их было немало в нашем районе, сами содержали лошадей, считавшихся государственными. Еще до войны все они, в том числе и наша гнедуха, были «обчислены» (в ту пору слово «обчислена» означало: животное переходило без согласия владельца из частной собственности на общественный двор). При заготовке сена для общественного поголовья выделялась положенная часть кормов и для нашей лошади. А летом пастухами были мы, подростки, дети и внуки возчиков».

Таким образом, война дала толчок к дальнейшему развитию артелей. Возросла их численность с 20 до 25. Увеличились производственные мощности по большей части за счет механизации ручного труда, расширился ассортимент выпускаемых товаров. И в первые послевоенные годы они продолжали обеспечивать горожан предметами первой необходимости.

Л. Ф. КУЗНЕЦОВА,
старший научный сотрудник Кемеровского
краеведческого музея

РАДИ ДЕТЕЙ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

Народное образование города Кемерово в годы войны

Все дальше уходит в историю героическая эпопея Великой Отечественной войны, которая была самой страшной битвой советского народа против фашистских агрессоров, длившейся 1418 дней. И более шестидесяти лет постоянно стремление в полной мере осмыслить и понять самые различные стороны всего военного периода – не только событий, происходивших на фронтах, не только героизма советского народа во время великих сражений. Мы все в долгу и перед той частью советского народа, которая трудилась в тылу, и, конечно же, перед теми, кто сумел в суровые годы войны продолжать великое дело обучения и воспитания детей военного лихолетья.

С июня по декабрь 1941 года в Кузбасс были эвакуированы заводы и вместе с ними десятки тысяч рабочих и членов их семей. Нужно было не только быстро организовать работу цехов на новом месте, не только обустроить быт и обеспечить продовольствием прибывших, необходимо было позаботиться об обучении детей, которые приехали вместе с родителями и пополнили кемеровские школы и детские сады.

Народное образование Кузбасса с первых дней Великой Отечественной войны оказалось на военном положении. В Кемерове на начало войны было 33 школы, в которых обучалось 23 100 учащихся. В 33 детских садах воспитывалось 2 080 детей. Школьные помещения уже в первые месяцы войны были отданы под эвакуогоспитали, а в некоторых школах временно разместились цеха эвакуированных заводов. Так в школе № 4 и в здании педагогического училища был развернут эвакуогоспиталь № 1230, в здании школы № 41 – военный госпиталь № 1242. В октябре 1941 года в школах № 9 и 24 разместился многопрофильный эвакуогоспиталь № 2344 на 800 мест. Осенью 1941 года с Украины в Кемерово прибыл госпиталь № 2729, под который отвели помещения школ № 8 и 10. В Кировском рай-

● Ученики 10-го класса школы № 19
(1941 год)

оне под госпитали были переданы ремесленное училище № 5, школы № 19, 37 и другие.

Тринадцать школьных зданий были отданы под нужды обороны, поэтому новый 1941/42 учебный год начался в очень сложных условиях. Школьных помещений не хватало, приходилось заниматься в приспособленных зданиях, во многих из которых не было нормальных условий для учебы. Занятия стали проводиться в три смены, наполняемость классов увеличилась до 40–50 человек, уроки сократили до 40 минут, а перемены – до 5 минут.

Не хватало учебников, не было тетрадей, писали на газетах, оберточной бумаге, бумажных мешках, не было чернил, часто для письма использовали разбавленную сажу, которая очень пачкала руки и размазывалась по бумаге, когда высыхала. А учителя использовали сок свеклы, который, к сожалению, быстро закисал в чернильницах-непроливайках и быстро выцветал на свету.

Лариса Кузьминична Крюкова в своих воспоминаниях рассказывает: «Класс доходил до 47 человек. Учились в три смены. Освещение – керосиновые лампы. Ремонт здания, заготовка

дров на отопление школы, помощь колхозу – все лежало на плечах учителя».

Вот выдержка из справки от 5 ноября 1942 года о состоянии образования в Кемерове, которая дает представление о том, как обстояло дело с помещениями для школ.

Школа	Состояние школы	Всего классов	Всего учащихся
НШ № 2	Здание приспособленное, с печным отоплением, 1 этаж	4	36
НШ № 28	Здание приспособленное, ветхое, 7 классных комнат, 1 этаж	6	219
ПСШ № 15	Здание приспособленное, деревянное, ветхое, 1 этаж, 4 классные комнаты	7	114
ПСШ № 31	Здание приспособленное, 1 этаж, деревянное	14	506
СШ № 41	Здание приспособленное, деревянное, 2 этажа, 9 классных комнат	19	762
СШ № 19	В здании ДК Кировского района	30	1069
Прочие учреждения	Клуб пионеров – в приспособленном помещении		
Детская библиотека	При школе № 17		

24.11.1942. Зав. горОНО А. Кыков.

Не менее серьезной проблемой вскоре стала посещаемость детьми школ. Многие ученики не могли ходить в школу (особенно дети эвакуированных семей), так как не было одежды, нормальной обуви. Дети были постоянно голодными, недосыпали, стали чаще болеть.

Из воспоминаний Елены Васильевны Акулич (Миханошиной), кемеровчанки, труженицы тыла:

«На трех детей семьи Миханошиных были одни валенки, их носили по очереди. Летом хо-

дили босиком, а осенью в лаптях. Одевались в самошитые платья. Учебников не было. Писали на старых газетах и оберточной бумаге. Доступным был уголь и гладкая поверхность забора или двери. Старшие братья и сестры обучаться в годы войны не смогли и стали работать в колхозе и в городе. В вечернее время взрослые вязали на фронт носки, а дети помогали сучить нитки.

В летнее время дети собирали грибы и ягоды и отвозили в госпиталь, который находился возле деревни. В зимнее время дети и взрослые резали картофель и отправляли его на фронт».

В связи с этим на сессии городского Совета депутатов трудящихся было принято решение о повсеместной поддержке школ. Дети стали получать горячие бесплатные завтраки (в городских школах на одного ученика выдавали по 50 граммов черного хлеба и 10 граммов сахара). В некоторых школах были оборудованы сапожные мастерские, где руками ребят ремонтировалась обувь. В городе также проводились месячники помощи семьям фронтовиков, во время которых школьники получали валенки, теплую одежду.

Учительские коллективы, чтобы как-то поправить положение, организовывали подсобные хозяйства, пришкольные участки.

Лидия Никитична Монастыренко вспоминает об учительнице школы № 23 (школа располагалась в районе старого аэродрома) Апполинарии Николаевне Зыковой: «Ее класс был самым активным в общественных делах. Всю Совхозную улицу, кроме проезжей части, школьники вскопали и засадили картошкой».

Из воспоминаний бывшей ученицы школы № 35 Кировского района Л. С. Марченко: «Одевались, в основном, в стеганки, это ватные стеганые куртки. Обувь донашивали от взрослых, так как мы вырастали, а купить было негде. Часто ходили голодными в школу, случались обмороки, тогда нас отпаивали морковным чаем, чаще всего без сахара. В военные годы часто отключали свет, и мы готовили уроки при коптилках. Это промасленная веревочка вставлялась в металлическую банку, и получался фитиль.

Самые тяжелые и голодные годы были 1942-й и 1943-й, но у нас часто брали кровь на анализы (проверяли гемоглобин), строго следили за на-

шим здоровьем. В 1943 году меня прикрепили к столовой, где я в течение месяца получала тарелку свекольного супа. Там было много других ребят.

На Новый 1943 год нам дали по 100 граммов мармелада. Это был настоящий праздник».

Трудное военное время не сломило дух советского учительства, и, хотя остро встал вопрос с педагогическими кадрами, школа продолжала жить полнокровной жизнью. Многие мужчины-учителя ушли на фронт, более трети учителей не имели специального образования, порой учителей стали заменять бывшие выпускники, ученики старших классов.

Труд учителя в годы Великой Отечественной войны стал настоящим гражданским подвигом. Именно на плечи учителей легли основные трудности обучения и воспитания поколения «детей войны». Для многих из этих детей школа стала местом, где они проводили большую часть своего времени. Екатерина Михайловна Киселева, работавшая в годы войны в школе № 24, так вспоминает об этом: «Нам, учителям, приходилось много внимания уделять нашим питомцам – учащимся. Ведь мы заменяли им матерей, которые работали у станков, отцов, ушедших на фронт».

Трудно было организовать нормальный учебный процесс в таких условиях, но за все время войны занятия в школах города не были сорваны ни разу. Внимание к воспитанию не только не ослабло, но и, наоборот, приобрело более определенную направленность – воспитание патриотов Родины. Газета «Правда» 14 июля 1943 года писала: «Наша священная обязанность – сохранить детей, золотой фонд Родины, ее будущее. Для детей должно быть сделано все необходимое, несмотря на трудности военного времени...».

Каникулы были отменены для учащихся 5–10-х классов. Комсомольцы выступили с инициативой: «Каникулы по случаю военного времени отменяются, наша конкретная задача – заменить тех, кто уйдет на фронт».

Газета «Кузбасс» № 112 от 8 июля 1941 года опубликовала письмо учащихся школы № 19 «Поможем на фронте трудом», в котором они призывали: «Мы, ученики школы № 19, собравшись на митинг, объявили себя мобилизованны-

ми на фронте труда. Заменить наших братьев, отцов, матерей, сестер и старших товарищей, ушедших на фронт, – почетная обязанность, которую должен выполнить каждый комсомолец, каждый пионер, каждый школьник города. Мы будем выполнять любую посильную нам работу в хозяйстве нашей школы, в больнице, в совхозе и на других предприятиях, где наш труд будет полезен».

Многие старшеклассники покинули школу и пошли работать на заводы, фабрики, в шахты.

Из воспоминаний Валентины Владимировны Панчишиной, ученицы 7-го класса школы № 1 г. Кемерово (1941–1942):

«В сентябре мы пошли в 7-й класс. Когда наступили январские каникулы, Гена Попов собрал нас (4 парня и 3 девушки) и сказал: «Надо помогать фронту!» Мы ходили в госпиталь, помогали там по уходу за ранеными, но Гена сказал, что это не помощь, что надо идти работать на военный завод, делать снаряды. Тайно от родителей мы пошли устраиваться на завод № 606. Мне пришлось исправлять в метрике свой год рождения. Нас приняли, и мы стали работать в цехе № 1 учениками операторов-станочников по изготовлению снарядов для зениток. Учебу мы не хотели бросать, поэтому пошли в вечернюю школу сразу в 8-й класс.

За работу на военном заводе я была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Уже летом и осенью 1941 года школьники и учителя создали бригады и поехали в совхозы и колхозы. Всего трудились 2 453 ученика и 110 учителей, а в 1944 году – 13 030 учеников и учителей.

Школьники выполняли разнообразную работу, они не только убирали урожай, но и работали на сельскохозяйственных машинах, валили и вывозили лес, ухаживали за животными. Даже младшие школьники занимались сбором колосков на полях после механической уборки урожая, вели борьбу с сорняками и вредителями полей. Селяне кормили детей и оплачивали их труд трудовыми, на которые они получали сельскохозяйственные продукты для школьных столовых.

Огромную работу ребята проводили по сбору средств в фонд обороны. Школьники города Ке-

мерова внесли свой вклад в строительство «Пионерского танка», подводной лодки «Советская школа», эскадрильи «За Родину».

Из материалов Государственного архива Кемеровской области:

- учащиеся подписались на вещевую лотерею – 27 тысяч рублей,
- собрали вещи для эвакуированных детей – 3 929 штук,
- для РКК – 637 штук.

Только в Центральном районе школьники:

- отправили на фронт 52 посылки,
- собрали 175 тонн 690 килограммов металлолома,
- сдали облигаций на 77 305 рублей,
- собрали бутылок для зажигательной смеси 39 958 штук.

Запись датирована 12 декабря 1944 года.

Ученики собирали деньги на подарки бойцам Красной Армии, шили стеганые телогрейки, носки, вязали носки, варежки. Сбор и отправка посылок на фронт всегда проходили с высоким патриотическим подъемом и учителей, и учеников, и родителей. Часто на фронт отправляли все лучшее, что было в семьях.

Велась переписка с фронтовиками. В школах, на линейках, зачитывались письма с фронта, все вместе переживали похоронки, приходившие в семьи одноклассников.

Именно в годы войны огромную работу вели тимуровские команды, которыми руководила пионерская организация. Слово «тимуровец» ярко выражало лучшие черты и качества пионеров и школьников страны. Звание «тимуровец» обязывало быть дисциплинированными, воспитывало стремление к бескорыстности, честности и доброте. В городе насчитывалось 158 тимуровских команд. Они оказывали помощь семьям фронтовиков: ремонтировали квартиры, помогали в обработке индивидуальных огородов, заготавливали топливо на зиму, изготавливали наглядные пособия для школы и игрушки для детских садов. Их ждали раненые в госпиталях, где они мыли окна, пол, писали письма домой для раненых бойцов, клеили конверты, собирали литературу. Ими было собрано более 1 тысячи посылок для раненых. Тимуровцы собирали лекарственные травы,

принимали активное участие в озеленении города, оказывали помощь почте в разноске повесток и извещений.

Регулярно проводились воскресники. 11 сентября 1941 года приняли участие во Всесоюзном комсомольско-молодежном воскреснике. Заработанные деньги перечислили в Фонд обороны страны. По призыву Рудничного райкома комсомола каждый комсомолец-школьник должен был отработать в шахте на погрузке угля из забоя одну 12-часовую смену в неделю. Работали ночью, а днем учились в школе. Весной 1943 года развернулось патриотическое движение по оказанию помощи городам-героям. На шахте «Северная» был организован воскресник в помощь городу-герою Сталинуграду.

Веригина Лилия Яковлевна вспоминает:

«Мы, комсомольцы, по призыву горкома ВЛКСМ пошли на погрузку угля, где работали с утра до вечера. Загружали вагоны-пульманы, по 60 тонн каждый шахтерскими лопатами. Через некоторое время в городе начали освобождать школы под госпитали, и в город стали поступать раненые. Нам, комсомольцам, в то время казалось, что без нас не могли обойтись, и мы снова были там, где было трудно, где мы были нужны.

Но мысль о том, что там фронт, война, не покидала нас, и мы снова шли в военкомат».

Школьники понимали всю значимость своих дел. Совместная работа развивала чувства взаимовыручки, ответственности за свои поступки, сплачивала ребят, формировала патриотические чувства, воспитывала любовь к Родине.

В годы Великой Отечественной войны произошли значительные изменения в народном образовании Кузбасса. В условиях военного времени невозможно было выдержать единые сроки начала и окончания учебного года. Изменение сроков начала учебного года (с 1 октября) было связано с привлечением школьников к сельскохозяйственным работам.

Общее количество часов, отведенных на изучение предметов, сокращалось. В начальной школе большое внимание уделялось изучению арифметики и русского языка. В выпускных классах преподавалась педагогика, так как многие ребята после окончания школы становились

учителями. Во всех программах делался упор на военно-патриотическое воспитание. С 24 октября 1942 года в школах был введен новый предмет – военное дело: начальная и допризывная подготовка в 5–10-х классах и военно-физическая подготовка в 1–4-х классах. Большое внимание уделялось работе с отстающими. Пробелы в знаниях ликвидировались с помощью индивидуальных занятий, консультаций во внеурочное время.

В 1943/44 учебном году было введено раздельное обучение мальчиков и девочек.

Главной задачей в мужских школах было воспитание мужчины – гражданина, будущего мужественного защитника Родины, будущего отца. Особый интерес юноши проявляли к спорту, туризму, к предметам, имеющим прикладное значение. Они сдавали нормы ПХВО и ГСО, посещали кружки по сборке оружия, радиосвязи, столярные и слесарные кружки, моделирования и другие. Юноши учились управлять сельскохозяйственной техникой. Основной проблемой, с которой столкнулись учителя в мужской школе, – недисциплинированность учащихся. Эту проблему в школах решали по-разному: проводили беседы, применяли и крайнюю меру наказания – за нарушение правил поведения 12 учащихся были исключены из школы.

В женских школах предполагалось воспитывать женщину – гражданку, будущую общественную деятельницу, но самое главное – будущую мать. Девушкам прививались необходимые для этого навыки. В младших классах вводились уроки домоводства, в старших – педагогика, психология. Организовывались кружки рукоделия, шитья.

Несмотря на все трудности обучения в военное время, уровень успеваемости учащихся был достаточно высок. Проводились олимпиады по многим предметам, о чем свидетельствуют архивные документы. За хорошую и отличную учебу дети поощрялись похвальными листами и грамотами, ценными подарками.

Взрослые понимали, что дети много работают, имеют мало удовольствий, поэтому, несмотря на трудные условия и бедность, устраивали им праздники: обязательно Новый год с елкой и подарками, 7 ноября и 1 Мая. К праздникам вместе с учителями готовили концерты художественной самодеятельности, приглашали на них родителей.

В школах большое внимание уделялось работе художественных кружков: хоровых, драматических, литературного чтения. Проводились литературные концерты, монтажи на злобу дня и многое другое.

Шефствующие организации старались организовать и летний отдых школьников. В архиве сохранился документ, рассказывающий об организации в городе Кемерове при школах детских летних площадок (с питанием), где было оздоровлено более 7 тысяч человек. Также школьники отдыхали в загородных пионерских лагерях. В газете «Кузбасс» от 3 июня 1943 года была помещена информация об организации отдыха детей в загородных пионерских лагерях.

«Детские лагеря, работающие в городе Кемерове в 1943 году.

На берегах Томи в сосновых борах, в лучших уголках Кемеровского района, откроются 5 июня пионерские лагеря.

Дети горняков будут отдыхать в сосновом бору Рудничного района, дети трудящихся Кировского района – в прекрасном лагере в Верхотомке, дети работников ГРЭС – в лагере при совхозе. В селе Березовка расположен лагерь Коксохимзавода, а в селе Андреевка – лагерь завода «Пластмасс».

За три сезона в массовых пионерских лагерях и в Елькаевском санаторном лагере отдохнет свыше 4000 школьников, на 1255 человек больше, чем в прошлом году.

После окончания школьных испытаний – 10 июня – в городе откроются 15 оздоровительных площадок. За три летних месяца на них побывает около 1700 ребят. В это же время откроется военизированный лагерь для учащихся 8–9-х классов с одновременным пребыванием в нем 450 человек».

Во время Великой Отечественной войны возросла потребность и в дошкольных учреждениях. Во-первых, в город прибыли эвакуированные вместе с детьми, среди которых было много дошкольников, во-вторых, многие домохозяйки вышли на работу, заменив собой ушедших на фронт мужчин.

Из материалов Кемеровского областного государственного архива:

– на 1 января 1942 года в городе уже было 33 детских сада со списочным количеством

2 383 человека, а на 1 января 1943 года – 43 детских сада со списочным количеством 4 246 человек. Всего же за период войны в городе действовало 46 детских садов, половина из которых работали в круглосуточном режиме. Такие детские сады были открыты с тем, чтобы матерям-одиночкам была возможность работать на производстве в полную силу.

Помимо этого были организованы два детских сада санаторного типа для детей с туберкулезной интоксикацией, в которых воспитывались около 150 детей.

Во многих детских садах разводили огороды, где детям прививались первоначальные навыки ухода за растениями. Кроме того, эти огороды были неплохим подспорьем в организации питания детей.

Во всех детских садах обязательно были уголки игрушек, большая часть из которых изготавливалась руками воспитателей и школьников-тимуровцев. Воспитатели также много внимания уделяли развитию детей, создавая своими руками пособия для ведения занятий: разрезные азбуки, мозаики и многое другое.

Чаще всего детские сады, так же как и школы, располагались в приспособленных помещениях, лишенных элементарных удобств.

Вот отчет заведующей детским садом № 38 коксохимзавода:

«Помещение барачное, деревянное, неприспособленное, имеет смежную перегородку с коридором густонаселенного барака. Водопровода и канализации не имеется.

Подсобных помещений нет никаких. Санузел 84 ребенка не обеспечивает. Текущий ремонт не всегда выполняется коммунальным отделом.

Имеются 2 группы: старшая и младшая. Длительность рабочего дня – 10 часов, контингент детей – 84 человека: младшая группа – 41 человек, старшая группа – 43 человека.

В течение 1943 года были проведены следующие работы по благоустройству детского сада:

- вырыт артезианский колодец вблизи детского сада;

- участок огорожен, озеленен и оборудован столиками и скамейками.

Все дети обеспечены индивидуальными кроватками или раскладными козлами. Столовой по-

судой обеспечены, а кухонной посуды недостает, и качество ее неудовлетворительное. Нет мясорубки, сковородок, чайных ложечек, блюдец. Мягкий инвентарь (1 смена) имеется полностью.

Имеется подсобное хозяйство. Постоянно – 1 гектар картофеля, 14 соток свеклы, 14 соток моркови, 1800 корней капусты, несколько грядок помидоров и огурцов. Был организован выезд в тайгу, заготовлены ягоды на зиму – черная и красная смородина, малина.

Коллектив детского сада состоит из честных, хорошо работающих и своевременно исполняющих распоряжения работников.

Летом детский сад был переведен на санаторный режим. Половина детей имела круглосуточное пребывание. Все моменты жизни детей были вынесены на воздух, для чего участок сада был подготовлен следующим образом: проведено озеленение, засеяно много цветов. В хорошую погоду кормление происходило на свежем воздухе, проводились солнечные и водные процедуры, физкультурзарядка. Спали дети в проветриваемых помещениях. Имелся песочный ящик, дети были обеспечены деревянными игрушками: машинками, тачками, лопатками, совочками и песочницами.

Получали продукты на одного ребенка в день:

масло – 25–30 г. Молоко – 400–500 г. Творог – 20 г. Сметана – 100 г. Сахар – 20 г. Крупа разная – 40–45 г. Овощи – 500 г. Хлеб – 400 г. Мясо – 500 г.»

В каждом детском саду предусматривалось проведение занятий: рисование, лепка, работа с другими материалами. Во многих детских садах проводились музыкальные занятия, сопровождаемые игрой на разных инструментах: баянах, гитарах, балалайках и других. Большое внимание уделялось развитию первоначальных математических навыков, навыков знакомства с речью, заучивание наизусть стихотворений. На первом месте стояло воспитание советского патриотизма.

Так же как и школы, детские сады были на самообеспечении, ремонт проводился силами персонала и с помощью родителей. Заготовка овощей также ложилась на плечи воспитателей и нянечек. Таким образом, видно, что воспитатели детских садов города стремились к тому,

чтобы у детей было все необходимое для полноценного развития и воспитания

В трудное военное время педагоги, трудившиеся в школах, детских садах, дворцах пионеров, воспитывали достойных граждан своей страны, поколение победителей.

Мы должны отдать должное учителям и директорам школ и других детских учреждений, которые делали все возможное и невозможное для сохранения школы, педагогического и ученического коллектива.

В целом поколение детей военного времени выросло хорошим, работающим, ответственным, любящим свою Родину.

Более ста педагогов были награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны за свой самоотверженный труд во имя Победы, во имя детей.

Все должны помнить о погибших. Эту память заслужили и те, кто воспитал героев. С скромные, незаметные, они делали свое дело, не думая о славе.

Авторский коллектив:

ЧЕРНОВА Нина Александровна, начальник управления образования, кандидат педагогических наук;

ШОКЕЛЬ Наталья Александровна, главный специалист управления образования;

КОЛЕСНИКОВ Владимир Иванович, учитель истории МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 16»;

ХАРЬЯНОВА Наталья Александровна, учитель истории МОУ «Гимназия № 42»;

ЛЕМЕЩЕНКО Мария Михайловна, педагог-организатор МОУ ДОД «Центр развития творчества детей и юношества» Кировского района;

ГЕРАСИМОВ Александр Николаевич, учитель истории МНОУ «Лицей»;

АНУФРИЕВА Зоя Васильевна, заместитель директора по УВР МОУ ДОД «Центр дополнительного образования им. В. Волошиной»;

ТЮЛЕНЕВА Екатерина Евгеньевна, педагог дополнительного образования, руководитель музея им. В. В. Волошиной;

РОМАНОВА Любовь Михайловна, учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 84»;

ПАВЛИК Лариса Владимировна, старший воспитатель МДОУ № 38

● Дети и воспитатели детского дома завода «Азот»

● Учителя школы № 16 (январь 1941 года). В среднем ряду второй справа Евлампий Гаврилович Юров

● Драматический кружок Дома пионеров

Музы не молчали

Театры, самодеятельность, агитбригады, работники культуры города в период Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война – одна из самых трагичных страниц в истории России. Она вторглась в каждую семью, в каждый дом. Сибирь находилась далеко в тылу, но здесь проходила линия трудового фронта. Перед Кузбассом стояла важнейшая задача обеспечить страну углем, металлом, боеприпасами. Заменив ушедших на фронт мужчин, женщины и подростки спустились в шахты, встали к станкам эвакуированных предприятий. Это было невероятно тяжелое время, людям нужна была моральная поддержка.

Девиз «**Все для фронта, все для победы!**» для работников культуры в те годы был смыслом жизни. Служители муз били врага своим оружием – оружием искусства. Они помогали людям хотя бы на время забыть о войне, отдохнуть, помечтать о мирной жизни.

Встречи с артистами с нетерпением ждали на предприятиях, в селах, в госпиталях. «В редакцию газеты «Кузбасс» пришло письмо лейтенанта Калининкова, который находился в госпитале: «Кемеровский (Драматический) театр дал в порядке шефства несколько концертов. Раненые и больные госпиталя 2495 благодарны личному составу государственного театра за их заботу, а их забота – это забота всего советского народа. Мы, раненые и больные, горим желанием, чтобы как можно скорее залечить свои раны и вновь – вперед на борьбу с озверевшими немецкими извергами. Слушая концерты у нас в госпитале, мы чувствуем себя в одной семье с вами. Хочется сказать: «Мы победим! Потому, что мы идем к одной цели – уничтожить немецких врагов».

В годы войны театральная жизнь в Кузбассе переживала подъем. В Кузбасс эвакуировали несколько театров – Ленинградский театр имени Пушкина и новый ТЮЗ, Московский театр оперетты, Ново-

сибирский театр «Красный факел», Томский драматический театр и другие.

Особое место на страницах театральной истории нашего города занял театр им. А. В. Луначарского. Он начал свою работу еще в далеком 1934 году, назывался «Культармеец Кузбасса» и был призван внедрять культуру в быт шахтера. В тяжелые военные годы эта задача существенно расширилась, теперь главная цель – воспитывать зрителя в духе патриотизма, звать на трудовые подвиги и средствами искусства помогать партийным и государственным организациям, горнякам шахт треста «Кемеровоуголь» выполнять свои обязательства перед Родиной. Работники театра были убеждены в том, что они несут моральную ответственность за выполнение производственных планов шахтами: «Дело чести театра и каждого отдельного работника, если при нашем участии шахты перевыполняют государственное задание – дадут нашей стране лишние тысячи тонн добытого угля».

В 1941 году труппа театра состояла из 39 человек. При театре был оркестр из десяти музыкантов, художественным руководителем театра являлся В. В. Гарденин. В художественное руководство входили режиссеры В. В. Сычев, А. С. Михайлов. Спектакли оформляли художники В. Н. Орлов, И. В. Алексеев.

Работать в военных условиях было непросто: кемеровские артисты отдали свое помещение в здании Дворца труда эвакуированному заводу «Карболит», сами переехали в здание кинотеатра «Москва», где не прекращалась демонстрация фильмов. Такие картины, как «Моя любовь», «Щит Джургая», завоевали по-настоящему народную любовь и собирали аншлаги.

«В этом здании театр находился в течение всего военного периода. Репетиции проводились ранним утром и глубокой ночью, спектакли начинались позд-

но, но, несмотря на это, зрительный зал всегда был полон. Артисты театра поставили для себя конкретные задачи: в условиях военного времени повысить уровень выездных спектаклей, избегать примитивности, заботиться о людях, работать по-военному.

Сезон сентября – декабря 1941 года театр начал патриотическим спектаклем «Парень из нашего города» К. Симонова. В репертуаре были пьесы: «В степях Украины» А. Корнейчука, «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Дракон» Евг. Шварца, «Ключи Берлина» К. Финна, «Маскарад» М. Лермонтова, «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, «Бешеные деньги» А. Островского, «Старик» М. Горького».

Своим творчеством и талантом работники театра укрепляли дух и вдохновляли людей на новые подвиги.

В течение всего военного периода кемеровский театр работал без дотаций, добиваясь при этом большого творческого успеха, увеличения посещаемости спектаклей. Артисты рассматривали свою работу как ответственный долг перед Родиной. Всего с

1941 по 1945 год Кемеровский драмтеатр дал около 2,5 тысячи концертов и спектаклей.

Специально для пополнения фонда обороны труппа сыграла 22 спектакля. Все заработанные деньги – а это была немалая сумма – 100 тысяч рублей – пошли на строительство самолета-бомбардировщика, на борту которого была сделана надпись «Кемеровский артист»!

За свою игру двадцать артистов театра им. Луначарского в 1945 году были награждены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Особое значение придавалось развитию художественной самодеятельности. Каждый год проходили районные, областные и республиканские смотры самодеятельности – хоров, вокалистов, танцевальных коллективов.

«Надо покончить со вздорным мнением о том, что в военное время не пристало заниматься художественной самодеятельностью. Художественная самодеятельность является могучим средством агитации», – писала газета «Кузбасс».

● Танцевальный кружок школы № 8 (1944 год)

При клубах и дворцах культуры работали любительские театральные кружки, самодеятельные агитбригады.

После тяжелого рабочего дня на производстве участники этих бригад были готовы ехать с концертом в любой конец области. Такие концерты были особенно ответственными. Обычно они начинались с чтения сводок Информбюро и краткого выступления политработника, а затем звучала «Священная война» А. Александрова, пели «Катюшу», «Огонёк», «Синий платочек», любимые песни Соловьёва-Седого «Соловьи», «На солнечной поляночке», песню К. Листова «В землянке» и другие. Зал не только внимательно слушал, но часто пел вместе с самодеятельными артистами.

«И все-таки военное время не могло не сказаться на работе клубов города. Многим пришлось адаптироваться к суровым экономическим условиям тыла. Часть из них закрывалась, потому что клубные работники уходили на фронт, помещения других были заняты под общежития для эвакуированных, госпитали, склады. Об этом свидетельствуют цифры. Если в 1940 году в Кузбассе было 365 клубов, то в 1943 году их число сократилось до 155, а с 1944 года число клубов снова начинает возрастать. Но культурно-просветительская работа продолжалась даже в этих трудных условиях.

В сентябре 1943 года бюро Кемеровского обкома партии на одном из первых своих заседаний ставит вопрос «об освобождении шахтовых, профсоюзных клубов, занятых под общежития и другие цели». Именно это помогло 1 ноября закончить ремонт и привести в порядок клубы шахт «Пионер» и «Центральная». В начале 1944 года бюро обкома снова вернулось к этому вопросу, предупредив партийных и хозяйственных руководителей, что «в дальнейшем без ведома обкома ВКП(б) клубы и красные уголки не могут быть использованы для других целей».

Клубы города широко развернули культурное обслуживание горняков шахт, рассматривая свою работу как ответственный долг перед Родиной. Они регулярно проводили выступления концертных бригад на раскомандировках шахт, организовывали шахтерскую художественную самодеятельность, посещали общежития горняков, а также госпита-

ли, школы и другие организации города. В течение 1943 года клубными бригадами было дано более 300 концертов.

Клубы сыграли огромную роль в пропаганде киноискусства в нашем городе. В залах клубов демонстрировались документальные и художественные фильмы, отражающие героизм советского человека на фронте и в тылу. Анонсы кинофильмов печатались в газете «Кузбасс»:

«2–3 сентября 1944 года:

клуб «РУДА» – 2 сент. – «Станция Дальняя». Сеансы: 5, 7, 9, 11 час.

клуб КХЗ – 2 и 3 сент. – «Александр Пархоменко». Сеансы: 4, 6, 8, 10 час.

клуб ГРЭС – 2 сент. – «Маскарад». Сеансы 6, 8, 10 час.»

Во время посевной в селах работали так называемые кинопередвижки, которые также показывали лучшие кинофильмы военных лет. Они поднимали дух, укрепляли веру в скорую Победу.

При клубах открывались и работали библиотеки, главной задачей которых стало воспитание у населения чувства патриотизма, ненависти к врагу. Кроме обычной пропаганды и выдачи книг, библиотекари выходили на предприятия, в школы, госпитали. Проводили там читки книг и журналов, знакомили население с фронтовыми событиями, с достижениями тружеников тыла, помогали ухаживать за больными и ранеными солдатами в госпиталях.

Большая часть массовых библиотек располагалась при клубах коксохимзавода, мехзавода, ГРЭС, клубах Кировского района, кирзавода. Работали также библиотека оксохимзавода в Новой колонии, массовая библиотека в Соцгороде. Жителей Рудничного района обслуживала библиотека при клубе рудоуправления.

В целом к концу 1930-х годов в сети библиотек города входили библиотеки нескольких систем – государственной, профсоюзной, учебных заведений и прочие. Возглавляла городскую сеть центральная библиотека им. Свердлова, открытая еще в начале двадцатых годов. Расположена она была во Дворце труда. Работало в ней шесть штатных библиотекарей, фонд составлял 31 838 экземпляров книг. Во Дворце была также и детская библиотека. В Кировском

районе функционировала районная библиотека им. С. М. Кирова.

Достаточно развитой была сеть библиотек-передвижек, таких как передвижка в красном уголке станции Предкомбинат. Передвижек было вдвое больше, чем стационарных библиотек. Существовали и библиотеки на общественных началах (без штатных работников). Например, научная библиотека кемеровского музея во Дворце труда. Всего в сеть массовых входило восемь библиотек с книжным фондом 38 110 экземпляров, в том числе с передвижным фондом в 4 748 экземпляров.

О роли библиотек в годы войны свидетельствует открытие в 1943 году Кемеровской областной библиотеки, реорганизованной из центральной городской библиотеки. На организацию библиотеки из бюджета новой области было выделено 100 тысяч рублей. Библиотека была открыта на окраине города, в маленьком деревянном домике, но в тот же год переведена во Дворец труда. Ее укомплектовали 18 штатными работниками, организовали методический и библиографический отделы. В числе задач, поставленных перед новой библиотекой, – распространение общественно-политической и технической литературы, налаживание МБА для удовлетворения запросов районных и сельских библиотек, улучшение агитационно-массовой работы, проведение читательских конференций, литературных вечеров, библиографических образцов. С 1 января 1945 года была открыта Рудничная библиотека. Решение об этом было принято 21 апреля 1945 года исполкомом Рудничного района.

Библиотеки проводили громкие читки газет. Изучив сообщения, работники библиотек спешили на производственные участки, в госпитали, в учебные заведения, чтобы донести известия, которыми жила вся страна. Библиотекари разрезали прочитанные газеты и складывали маленькие книжечки-подборки. Пользовались успехом и книжные выставки.

Во время войны продолжал работать цирк. По воспоминаниям Г. Головацкого, это было одно из любимейших мест ребятишек: «В цирке любили смотреть работу клоунов, гимнастов, жонглеров. Нравилась нам матчи французской борьбы (ныне классической), многих борцов мы знали в лицо, их вес, число побед. Я до сих пор помню чернокожего

Франчуда. Клоун Загоруйко за неудачную реплику был отправлен на фронт, после ранения в руку вернулся на арену. Делал сальто или, как мы говорили, сальто-мортале (смертельный прыжок). По возвращении из цирка мы пытались воспроизвести увиденное. Многие удавалось».

Кемеровский государственный цирк предлагал своим зрителям разнообразные представления, рекламировал их на страницах газеты «Кузбасс»:

«30, 31, 1 января 1945 г. Только 3 дня. Прыжки через 2 автомашины и другие номера исполнит артист Чарли Чаплин. Начало в 9 вечера. Касса открыта с 2 часов дня»;

«13 февраля 1945 г. – Представление в трех отделениях при участии аттракциона – группа гималайских медведей под управлением Н. В. Вилмарс. Перед началом и в антрактах – танцы. Начало представления в 9 часов вечера».

В 1943 году в Кемерово был эвакуирован украинский театр им. Шевченко. Он предлагал кемеровскому зрителю цирковые представления и драматические спектакли. Любопытно, что все они проходили на украинском языке. В репертуаре были такие спектакли, как «Мой друг Полковник», «Ой не ходи, Грицю», «Денщик Шельменко». Работал театр совсем недолго, всего 9 месяцев.

Таким образом, в дни Великой Отечественной войны духовная жизнь нашего народа не замерла, она стала даже более яркой и содержательной, чем прежде.

Туахми Н. Д. Театральное искусство в г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы ВОВ: мат-лы науч. конф. 14 апреля 2000 г. / Администрация г. Кемерово; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 90.

Аношкин Г. В. Клубные учреждения г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы ВОВ: мат-лы науч. конф. 14 апреля 2000 г. / Администрация г. Кемерово; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 91.

Гурышева Р. С. Библиотеки г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы ВОВ: мат-лы науч. конф. 14 апреля 2000 г. / Администрация г. Кемерово; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 94.

Головацкий Г. Дядя Женья с шахты «Центральная» // Красная Горка. Вып. 8. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 83.

Из областного архива. Газета «Кузбасс» за 1943, 1944, 1945 годы.

А. А. ФЕШКОВА

КАЖДОМУ ПРИСТАНИЩЕ И КРОВ

Жилищное и коммунальное хозяйство города Кемерово в условиях военного времени (1941–1945 гг.)

К началу Великой Отечественной войны город Кемерово был деревянным, одноэтажным, с грязными неблагоустроенными улицами и заболоченными пустырями. Жилой массив в основном состоял из бараков каркасно-засыпного типа. Несколько капитальных домов на Притомском участке, восемь четырехэтажных школьных зданий, Дворец труда и кинотеатр «Москва» были украшением города.

На балансе Кемеровского горкомхоза к середине 1930-х годов имелось 40 километров мощёных дорог. С ростом автомобильного парка в 1930-х годах в Кемерово определенное внимание стали уделять благоустройству дорог, подъездам к железнодорожным станциям, пристаням, промышленным предприятиям. Работы в Кузбассе осуществлял Кемеровский филиал Дорстроя. К благоустройству и ремонту проездных путей привлекали технику машинно-тракторных станций, тяговую силу колхозов, совхозов, промышленных предприятий, а также репрессированное «кулацкое» население. Они вели заготовку камня, гравия, песка, леса. Вели ремонтные работы на направлениях Кемерово – Подъяково, Кемерово – Мозжуха, Кемерово – Мазурово. Прокладывались и благоустраивались дороги к шахте «Ягуновская», а также Ленинский, Мариинский, Сталинский тракты.

Когда началась Великая Отечественная война, почти весь парк автомашин колхозов, совхозов, МТС, некоторых промышленных предприятий был отправлен на фронт. Осенью 1941 года его заменил отчасти автотранспорт эвакуированных в край предприятий и учреждений. Среди машин появились необычные для области и Кемерово санитарные автомобили. Это небольшие автобусы массой от 2,5 до 5 тонн. Они имели в основе базу отече-

ственных марок (ГАЗ-АА, ГАЗ-55, ЗИС-16) и способны были перевозить по 10–20 человек раненых и больных воинов. Такие автобусы хорошо себя показали при эвакуации раненых из Топок, а также со станции Кемерово. Однако санитарных машин было мало, поэтому при перевозках бойцов использовали свыше 40 автомобилей предприятий города.

В годы Великой Отечественной войны автобусного сообщения в Кемерово практически не было, и пассажиров перевозили трамваи. **Трамвай впервые проехал по городу 1 мая 1940 года.** Он отправлялся от старого базара (городская администрация) в сторону заводов (расстояние 5,2 км). Рабочие ликовали, ведь до этого на заводы им приходилось ездить на грузовиках, а чаще – ходить пешком 5–6 км. В годы войны трамвай ходил по городу с 5 утра до 2 ночи. В трамвайном парке трудились круглосуточно. Даже начальнику трамвайного парка П. А. Артемьеву приходилось и сидеть за «баранкой», и работать слесарем, и восстанавливать сети после аварий.

Ближе к окончанию войны на улицах Кемерово появились американские грузовики («студебеккер») и джипы («додж»), которые сильно отличались от машин аналогичных классов советского производства по дизайну и мощности. Их появление подсознательно вызывало у горожан чувство возросшей мощи страны. Но через несколько лет они неожиданно исчезли, так как техника дана была американцами нашей стране во временное пользование по «лендлизу».

В апреле 1944 года было принято решение Кемеровского горсовета, где говорилось, что «в связи с возросшей интенсивностью уличного движения в г. Кемерово необходимо усилить надзор за соблюде-

нием правил движения водителями городского транспорта, пассажирами и пешеходами». Также был организован взвод милиции «по регулированию уличного движения и наблюдению за порядком на трамвайных остановках».

В годы войны интенсивный рост промышленности г. Кемерово, связанный с эвакуацией предприятий из европейской части страны, намного опередил темпы городского строительства, еще больше обострив ситуацию с жильём. Строительство жилья вблизи предприятий (и нередко без проектов планировки) привело к появлению в городе большого количества разрозненных и неблагоустроенных поселков, планировочно не связанных друг с другом. Небольшие, освоенные перед войной участки новой застройки в центре города также не были связаны в общую систему, городская структура была аморфной. Резко выросшее население и изменившийся статус города, ставшего в 1943 году центром созданной Кемеровской области, потребовали радикальных планировочных мероприятий и реорганизации всего городского строительства. **Уже в конце войны, в 1944–1945 годах, в Государственном институте проектирования городов (Гипрогор) в Москве было создано специальное Бюро по Кузбассу.** Новый генеральный план города Кемерово, как и все последующие, был разработан Гипрогором.

В это время во всей Кемеровской области работало всего 26 архитекторов, а объем гражданского и промышленного строительства был огромным.

Степень обеспеченности кузбассовцев жильем в годы войны во многом определялась состоянием жилищного хозяйства, уровнем его развития в предшествующий период. В документах довоенного времени неоднократно встречается констатация того факта, что жилищное строительство в городах Кузбасса отстает от роста населения и развития промышленности и не отвечает потребностям жителей региона. И действительно, в 1940 году

в среднем на одного человека в Кемерове приходилось соответственно всего 5,1 квадратных метров. При этом наибольшую часть общественного жилого фонда Кемерово составляли деревянные дома, а на долю кирпичных и каменных зданий приходилось лишь 16 процентов жилья. **По итогам 1945 года 30,9 процента жилищного фонда Кемерово было оборудовано водопроводом, только 19,3 процента – канализацией; электрическое освещение было в 98,8 процента домов и квартир, составляющих жилищный фонд города.**

В первые же месяцы войны ситуация с жильём в Кемерове резко обострилась. Это было связано прежде всего с массовой эвакуацией в Кузбасс предприятий, учреждений и прибывавших с ними людей. В начальные месяцы войны (июль – сентябрь) эвакуация носила преимущественно организованный характер. В тот период еще прогнозировали численность переселенцев и готовились к их приему; первые эшелоны встречали не только с оркестрами, но и с документами на жилье. Однако с октября – ноября 1941 года эвакуационный процесс во многом приобрел неуправляемый характер. В конечном итоге количество приехавших в Кузбасс вынужденных переселенцев оказалось значительно больше предполагавшегося, а численность прибывших самостоятельно значительно превысила количество тех, кто приехал в организованном порядке. **Всего же на 1 января 1943 года в Кемерово было эвакуировано 21 159 человек, или 10,5 процента населения города.**

В целях предупреждения заноса паразитарных тифов для всех лиц, прибывающих в город, Кемеровский горисполком решением от 2 октября 1941 года устанавливает обязательное прохождение санобработки и дезинфекцию вещей в бане ГРЭС. Управлению милиции при прописке на жительство предписывалось требовать обязательное представление справок о прохождении санобработки.

Проблема жилищного обеспечения эвакуированных решалась по трем основным

направлениям: а) использование уже имевшегося жилья; б) приспособление под него нежилых помещений; в) новое строительство. Постановление Совнаркома СССР от 13 сентября 1941 года «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» обязывало местные органы власти, наркоматы и ведомства развернуть массовое строительство жилья. Однако в экстремальных условиях первых месяцев войны работа в основном проводилась в первых двух направлениях. Под жилье срочно приспособлялось все, что можно было использовать для этой цели: подвалы, чердаки, амбары, сараи, овощехранилища. С этой же целью принимаются решения об уплотнении местных жителей и переселении части населения, не занятого в тяжелой промышленности и на железнодорожном транспорте, в сельскую местность. Освободившиеся площади должны были передаваться эвакуированным. На этом основании Кемеровский горисполком, например, принял решение о проведении уплотнения в домах горкомхоза из расчета не более 4 квадратных метров на жильца, а только в июле 1941 года по его решению было выселено в сельскую местность около 200 семей.

И все же кардинально проблема расселения переселенцев могла быть решена лишь за счет нового строительства. Объективные обстоятельства: короткие сроки, недостаток средств, материалов, рабочей силы – все это надолго предопределило главное направление в строительстве жилья – возведение построек упрощенного, а порой и самого примитивного типа: бараков, землянок, полуземлянок, мазанок. Основная часть нового строительства приходилась на долю каркасно-засыпных бараков. Решающими при этом оказались три фактора: наличие в Сибири опыта подобного строительства; возможность участия в нем самих застройщиков; короткие сроки сооружения зданий (17–20 дней).

Проблема размещения прибывающих решалась с помощью строительства землянок. С этой целью в Рудничном районе сроком на

10 дней, с 17 по 27 октября 1941 года, были привлечены в порядке платной трудовой повинности тысяча человек, не занятых на промышленных предприятиях. При этом устанавливался следующий порядок для служащих (кроме школ, медицинских учреждений, магазинов и столовых и детских учреждений): с 8 до 15 часов работа на строительстве, с 19 до 23 часов – в своих учреждениях и предприятиях. Райисполком контролировал строительство землянок и обязывал закончить земляные работы в срок.

Другой особенностью, связанной с решением жилищной проблемы, было увеличение масштабов строительства общежитий, преимущественно при промышленных предприятиях. Строились они по той же упрощенной технологии и позволяли обеспечить площадью большое количество нуждавшихся. На некоторых предприятиях в них проживало до половины работников. Территориально общежития располагались вблизи производств, что тоже создавало определенные удобства и для предприятий, и для рабочих. Поэтому многие руководители отдавали предпочтение строительству жилья именно этого типа, что в значительной мере предопределило быстрые темпы его развития.

Курс на строительство преимущественно упрощенного типа жилья способствовал тому, что фонд только городов Кузбасса за годы войны вырос на 450 тысяч квадратных метров. Тем не менее обеспеченность жилплощадью населения региона в 1941–1945 годах существенно сократилась. При этом значительная часть населения обитала в строениях самого примитивного типа. Большинство общежитий были переполнены: на одного человека приходилось в среднем 2 квадратных метра. Многие молодые рабочие в конце войны, как и в ее начале, проживали в прачечных, подвалах, красных уголках.

Газета «Кузбасс» в военные годы уделяет довольно много внимания содержанию рабочих общежитий в порядке и чистоте. Вот что пишет в 1943 году автор газетной статьи

«Заброшенное общежитие»: «Азотно-туковый завод имеет все возможности, чтобы жилища своих рабочих сделать благоустроенными. На деле всё обстоит далеко не так. ...уборщицы не топят печей, и рабочие, возвратясь с завода, вынуждены сами приниматься за это дело... в общежитии развели клопов... Простыни грязные, постельное белье меняется только один раз в месяц... В общежитии нет ни столов, ни стульев, и рабочий, чтобы написать письмо, должен убирать матрац и пристраиваться у топчана, заменяющего ему стол. Такое положение дальше продолжаться не может».

Острота ситуации с жильем в городе усугублялась и неудовлетворительным ремонтом жилья. Средств и материалов на эти цели выделялось явно недостаточно, к тому же большинство их расходовалось на ремонт административных учреждений. Не только текущий, но и зачастую капитальный ремонт производился силами и за счет самих квартиросъемщиков. Во многих случаях капитальный ремонт зданий начинался только при разрушении несущих конструкций.

В ситуации со строительством и ремонтом жилья в определенной степени отразилась традиция первичности экономической и вторичности социально-бытовой сферы. Следует учитывать и то, что в условиях войны, когда Урал и Сибирь стали основными промышленными центрами страны, приоритетность промышленного строительства вызывалась объективной необходимостью, а масштабы этого строительства были весьма значительны.

Несмотря на трудности, кемеровчанам удалось дать кров вынужденным переселенцам. В период войны по различным причинам сократились размеры жилой площади, приходившейся на одного жителя, а основной ее прирост произошел за счет сооружения зданий упрощенного типа – барачных и общежитий.

Уже на стадии зарождения коммунального хозяйства местные власти должны были позаботиться о санитарной очистке городов, для чего и были созданы специальные службы. До того момента, когда была образована Ке-

меровская область, решением коммунальных проблем в области и в городе Кемерове занимались небольшие полукустарные службы, состоявшие из трубочистов, кузнецов, водоливов, фонарщиков. В 1940 году в Кемерове появилось предприятие гужевого транспорта для очистки города от твердых и жидких бытовых отходов: 240 лошадей вывозили 28 тысяч кубометров за год.

5 мая 1940 года на заседании коллегии наркомхоза была наконец-то рассмотрена и утверждена генеральная схема планировки города Кемерова Новосибирской области. И одним из главных пунктов этой схемы было строительство единой городской системы канализации. С этого момента вопросам канализации города стало придаваться более серьезное значение. Тогда же, в мае 1940 года, была проведена реорганизация горводопровода Кемеровского горкомхоза, после чего он стал называться управлением «Водоканалтрест».

Коммунальное хозяйство Кемерова в условиях военного времени функционировало с чрезвычайным напряжением. Первопричиной этого являлось, во-первых, слабое развитие этой сферы, еще до войны отстававшей от роста населения и экономического потенциала города, и, во-вторых, значительный рост населения, связанный с эвакуационным процессом. Уже первые месяцы войны были отмечены явным снижением уровня коммунально-бытового обслуживания горожан.

В отдельных случаях подобное явление носило планомерный характер. **С декабря 1941 года был установлен особый порядок и нормы в системе электроснабжения жилого сектора. В комнатах размером до 15 квадратных метров могла использоваться лампа мощностью не более 25 ватт, до 30 – не более 40 ватт, свыше 30 – до 60 ватт и т. д. Было ограничено освещение витрин, запрещено рекламное освещение (за исключением аптек), а также использование электроприборов для отопления**

помещений. Нарушителям грозил штраф размером в десятикратную стоимость затраченной электроэнергии или даже принудительные работы сроком до одного месяца.

До минимума было доведено освещение улиц. **В Кемерове, где в 1942 году протяженность освещаемых улиц составляла лишь 6,3 километра, на каждые 100 метров полагалась одна осветительная точка,** и это условие выполнялось далеко не всегда. «Город не освещается», – отмечалось в одном из документов, относящихся к 1943 году. Службы электросетей, вместо того чтобы разработать график отключения электроэнергии по отдельным жилым кварталам, отключали бытовой сектор целыми районами и на значительный период.

Остро стоял вопрос о снабжении города топливом. «Несмотря на то, что шахты местной промышленности намного улучшили свою работу, перевыполняют план угледобычи, имеют большие запасы угля – город ощущает в нем острую потребность. Советские организации не сумели добиться систематической поставки угля в город и обеспечения им школ, больниц и населения. Этот огромный недостаток – результат отсутствия четкой оперативной работы со стороны советских организаций», – говорилось на собрании партийного актива Центрального района 12 января 1943 года.

В дома кемеровчан, в те, где было паровое отопление, тепло подавалось, но и здесь часто бывали неполадки. «Однажды в моей квартире ни с того ни с сего перестали греть батареи», – гневно пишет в газету капитан Катаев, возможно, фронтовик. Он остро критикует ЖКС (жилищно-коммунальную службу) Кировского района города Кемерова. Но, читая это письмо в газету, мы всё же можем сделать вывод о том, что жилища кемеровчан холодной сибирской зимой обогревались и были службы, которые за это отвечали.

В годы войны сложной была ситуация и в системе водоснабжения. До августа 1935 года централизованного водоснабжения в Кемерово-

ве не было. Население пользовалось водой из колодцев, а административные здания обеспечивались водой из разрозненных источников. В Кемерове имелся всего один водопровод, охватывавший самую малую часть городских территорий – пущенный в 1934 году семикилометровый водовод в комплексе с водоочистными сооружениями. Его протяженность за годы войны практически не возросла. Эксплуатацией систем водоснабжения занимались строительные конторы, «Водосвет» и другие службы, имевшие штат по 15–20 человек. Воду отпускали по талонам из водоразборных будок, ее подвозом занимались частные коновозчики.

Одной из главных задач строительства городского водопровода в Кемерове было объединение всех существовавших разрозненных водопроводов в единую систему, а также создание организованного водоотведения городских сточных вод. К концу 30-х – началу 40-х годов эта идея стала реализовываться. Постепенно все производственные объекты ведомственных водопроводов после их капитального ремонта стали передаваться в управление «Водоканалтрест», а в марте 1939 года горисполком принял решение о передаче всей системы городской канализации в ведение Горкомхоза, и, в частности, Кемеровского горводопровода.

Настоящее развитие систем водоснабжения началось только со строительством объектов оборонного комплекса в начале 1940-х годов. Тогда их мощности увеличились почти вдвое. До 40 процентов городского населения стало обслуживаться водопроводом. За счет значительного возрастания нагрузки на действующую сеть коммунальным работникам города за годы войны удалось увеличить мощность водопровода с 4,5 до 5,2 тысячи кубических метров отпускаемой воды. Причем основной прирост был получен в первый же год войны. Следует отметить и достаточно высокий отпуск воды населению. В таком крупном промышленном центре, как Кемерово, этот показатель составлял 44,3 процента всей отпускаемой воды.

В 1943 году, выйдя из состава Новосибирской области, начала свою самостоятельную жизнь Кемеровская область. 26 января 1943 года был создан Облкомхоз, и впервые на XXII сессии Кемеровского горсовета была принята широкая программа по строительству в 1944 году объектов водопровода и канализации.

Если положение водопроводного хозяйства города в годы войны характеризовалось хотя и медленными, но поступательными процессами, то система канализации на протяжении всего этого периода практически находилась в состоянии стагнации и даже регресса. До середины 1930-х годов канализация в городе отсутствовала, и все отходы из административных зданий сбрасывались в выгребные ямы, откуда содержимое их вывозилось на поля гужевым транспортом. Население решало эту проблему посредством индивидуальных или общественных уборных. Мощность сети за годы войны не изменилась, имевшаяся в городе канализация работала с большой перегрузкой. А из-за постоянных аварий пропуск сточных вод за годы войны даже снизился – с 640 тысяч кубических метров в 1940 году до 635 тысяч в 1944 году, что вполне естественно, поскольку план ремонта кемеровской канализационной сети регулярно не выполнялся.

Недостаточная мощность канализации, постоянные сбои в ее работе были причиной массового использования так называемых временных канализационных стоков, идущих от отдельных групп домов. Проходившие по ним сточные воды безо всякой очистки уходили в близлежащие водоемы, создавая серьезную угрозу их инфицирования и роста числа инфекционных заболеваний. В этих условиях чрезвычайно важной была работа такой специфической службы, как ассобозы. Однако и здесь ситуация была довольно сложной. Ассобозов не хватало, рабочих лошадей было гораздо меньше необходимого количества, в результате чего план вывозки нечистот в 1943–1945 годах выполнялся в пределах 40–44 процентов. Особенно в этом плане отличался участок азотно-тукового завода, его жи-

лой сектор. «Грязнее этого района не найти во всем городе, – пишет газета «Кузбасс». – Как будто здесь расположены не дома, в которых живут рабочие крупнейшего предприятия, а какой-нибудь участок для свалки нечистот».

Одним из следствий тяжелой ситуации, сложившейся в годы войны в системах энерго- и водоснабжения, канализации города, явились сбои в работе банно-прачечных предприятий. «Плохо работают бани, прачечные. То нет горячей воды, то нет холодной, то угля нет...», – пишет «Кузбасс» в 1943 году. Недостаток, а зачастую полное отсутствие воды или электроэнергии было одной из причин, постоянно лихорадивших работу этой сферы бытового обслуживания. Данные обстоятельства, а также отсутствие топлива из-за его несвоевременной заготовки и доставки, по подсчетам автора, составляли 84 процента среди причин простоя прачечных. На эффективность и ритмичность работы бань более всего влияли строительные недоделки и длительные ремонтные работы, которые зачастую начинались без подготовки и велись месяцами. В итоге бани и прачечные не работали по 10–12 дней в месяц, ограничивая тем самым возможность горожан пользоваться услугами, столь необходимыми в военное время. Другим обстоятельством, снизившим возможность населения пользоваться услугами общественных бань и прачечных, явилась передача части этих предприятий воинским подразделениям. В связи с этим даже для госпиталей и больниц задержка в стирке белья составляла 10–14 дней. А на долю гражданского населения приходилось лишь 3–4 процента заказов, выполнявшихся прачечными.

Для строительства новых бань и прачечных сил явно не хватало. Поэтому уже в начале войны жилкомхозам стали передаваться ведомственные бани, что позволило несколько снизить остроту проблемы. Однако наиболее реальным способом повысить эффективность работы банно-прачечных предприятий был их перевод на удлинённый режим работы. При наличии достаточного количества топлива,

подачи воды и электроэнергии рабочий день этих предприятий составлял до 18,5 часа. Отлично работали в таком напряженном режиме городская баня № 2 и ряд прачечных города.

Видно, что положение коммунально-бытового сектора Кемерова в годы Великой Отечественной войны было чрезвычайно сложным. Вместе с тем, – и это следует из относительно благополучной эпидемиологической ситуации в городе на всем протяжении военного времени, – его коммунально-бытовые службы в целом справились со своими многократно усложнившимися функциями.

Городские власти, несмотря на огромные трудности военного времени, уделяли достаточно много внимания проблемам благоустройства Кемерова. Чистота на улицах и в домах, четкая работа городского транспорта и других коммунальных предприятий в дни войны являлись для них делом первейшей важности. В Постановлении исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 6 апреля 1943 года «О содержании в чистоте и уборке улиц, тротуаров, площадей и дворов» говорилось о том, как, кем и с какой периодичностью в зависимости от времени года должна производиться уборка улиц, кто и какую ответственность за это несёт.

«Только безмозглые люди могут думать, – гневно восклицал автор передовицы газеты «Кузбасс» за 21 апреля 1943 года, – что в военное время не обязательно чинить дома, мосты, тротуары, заботиться о чистоте на улицах и во дворах, о правильном движении трамвая или парома, о бесперебойной работе бань. Всё это – важнейшие оборонные задачи». «Все на воскресник по очистке города!» – таков один из первых призывов, обращенных к жителям города весной 1943 года.

Несмотря на приоритетность военных нужд, весной того же 1943 года Кемеровский горисполком принимает план посадки 100 тысяч деревьев и кустарников для озеленения города, и особое место в этих планах занимает Центральный район. Здесь предполагается разбить

два сквера, в которых будут высажены декоративные и фруктовые деревья. Было намечено разбить аллеи по улице Ленина, на набережной Притомского участка и улице Островского. Большое количество деревьев запланировали высадить на заводских площадках и в жилых кварталах. 9 мая 1943 года власти и общественность города воззвали к горожанам: «Все на воскресник по древонасаждению! Каждый рабочий, служащий, школьник, домохозяйка, каждый патриот родного города должен внести свою трудовую лепту, приняв активное участие в посадке деревьев!»

Большую роль в озеленении Кемерова сыграл Зеленстрой. По сохранившимся архивным данным, озеленением города профессионально начали заниматься с середины 1930-х годов. В это время было небольшое Кемеровское отделение, которое подчинялось непосредственно тресту Госзеленстрой Москвы. В его состав входило хозяйство «Питомник». Штат состоял из техника-лесовода, садовника-десятника, конюха, занимались в основном выращиванием цветочной рассады для посадки на цветниках города и озеленения улиц. Основным транспортом были лошади и быки. В роли служебного транспорта был тот же гужевой транспорт. Приказом по конторе закрепление лошадей и быков было за коновозчиками. Гужевой транспорт существовал до 1965 года.

В августе 1940 года контора стала самостоятельным предприятием и непосредственно входила в состав городского коммунального хозяйства Кемерова. И в военные годы предприятие не останавливало своей работы, хотя штат значительно редел – шла мобилизация на фронт. Коллектив Зеленстроя, кроме основных работ по озеленению, продолжал заниматься выращиванием и заготовкой плодово-ягодной, овощной, зерновой продукции. На полях питомника высаживались картофель, капуста, морковь, пшеница. Овощи поступали в столовые для рабочих, в больницы, в продажу для населения.

Огороды в годы войны приобретают для горожан очень большую важность, потому

что выращенные на них овощи в войну просто спасали. Жители города Кемерово, а также отдельные организации даже допускали самовольный захват земельных участков на улицах, площадях, в скверах, садах и на землях городской черты, под индивидуальные и коллективные огороды. Этим наносился ущерб зеленым насаждениям, сокращалась площадь выпасов для скота, а на многих улицах образовывались непроезжие места. Кемеровский горисполком в 1944 году обязал кемеровчан занимать участки «только и с письменного разрешения городского и районных исполкомов».

Ближе к окончанию войны вопросам благоустройства города Кемерово власти стали уделять больше внимания; об этом говорят планы и решения, принимаемые в данный период. **В планах на 1945 год было провозглашено, что на благоустройство города Кемерово в 1945 году намечается затратить около 13 миллионов рублей. Одно из больших мероприятий, намеченное горисполкомом, — постройка постоянного моста через реку Томь, который должен был соединить центральную часть города с Рудничным и Кировским районами. Предполагалось, что строительство моста обойдется в 4,5 миллиона рублей.**

Было запланировано также строительство новой бани на 200 мест, асфальтирование улиц Советской, Кирова и Октябрьской. На устройство гравийно-шлаковых дорог, капитальный ремонт тротуаров, мостовых предполагалось выделить свыше одного миллиона рублей. Много средств было намечено затратить на благоустройство Заисkitимской части города. Главнейшие работы, которые необходимо было там произвести: ремонт дорог и тротуаров, озеленение, электрификация, постройка канализационных коллекторов. Более 500 тысяч рублей было выделено на озеленение города. Около кинотеатра «Москва» было намечено разбить новый сквер площадью 1,2 гектара.

Уже в период завершения Великой Отечественной войны, 16 февраля 1945 года, Совет Народных Комиссаров СССР прини-

мает постановление «Об улучшении жилищно-коммунального и культурно-бытового обслуживания трудящихся Кузбасса». Принятие постановления стало возможно после подачи в ЦК ВКП(б) записки С. Б. Задиянченко, который в то время был первым секретарем Кемеровского обкома и горкома партии. Это был один из первых комплексных документов по Кемеровской области, которым министерства и ведомства обязывались принять участие в строительстве жилых домов, бань, яслей, детсадов и других объектов социально-бытовой и коммунальной инфраструктуры. Ряд положений данного документа касался и города Кемерово.

13 марта 1945 года состоялась XXVII сессия Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся, на которой с докладом «О мероприятиях по жилищному и культурно-бытовому строительству и благоустройству г. Кемерово в 1945 году» выступил председатель Кемеровского горисполкома Гончаренко. Заместитель директора коксохимзавода Устюгов отметил, что насущной задачей является профилактический ремонт жилого фонда и срочная очистка загрязненных участков города и что необходимо привлечь трудящихся города к этим работам. Коллектив коксохимзавода единодушно решил: до 15 мая каждому отработать по 24 часа на благоустройстве. Коксохимовцы призвали всех трудящихся города последовать их примеру. Горсанинспектор Раевский отметил, что меры по благоустройству города, предпринятые в 1944 году, невзирая на их небольшой объем, в пять раз снизили уровень кишечно-желудочных заболеваний среди населения. А депутат горсовета Кузикова заявила, что считает необходимым запретить в этом году посадку картофеля в пределах центральной части города.

Сессия приняла развернутое решение, которое должно было обеспечить осуществление задач строительства и благоустройства города в 1945 году. Важнейшие из этих задач — постройка 197 новых жилых домов; асфальтирование 30 тысяч квадратных метров улиц и постройка 10 километров гравийных дорог;

строительство 6,3 километра новых трамвайных линий, сооружение новых лечебных учреждений, здания пединститута, достройка школы за Искитимкой и клуба коксохимзавода на Притомском участке.

Местные органы власти выражали озабоченность сложившимися диспропорциями между промышленным и жилищно-бытовым строительством. Требовалось поднять как количественный, так и качественный уровень вводимого в эксплуатацию жилья. Кемеровский горком ВКП(б) уже в 1946 году настаивал на том, чтобы прекратить строительство домов с печным отоплением, без водопровода и канализации. В первые послевоенные годы были построены комфортабельные жилые дома в четыре и пять этажей, оформившие архитектурный облик центра города.

...Невероятно тяжелые условия военного времени не сделали тем не менее жизнь кемеровчан совсем уж беспросветной: ходил по городу трамвай, в кранах была вода, в домах было чаще всего тепло, электрические лампы освещали жилища. Но главное – была надежда, что придет Победа, а вместе с Победой расцветет и наш город.

XXVII сессия Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся // Кузбасс. 1945. 16 марта.

Алексеев А. Участок АТЗ утопает в нечистотах // Кузбасс. 1943. 19 янв.

Благоустройство города Кемерово // Кузбасс. 1944. 19 дек.

Больше внимания благоустройству города // Кузбасс. 1944. 21 апр.

В Кемеровском горисполкоме // Кузбасс. 1944. 22 апр.

В первых трамваях катались за 20 копеек // Комсомольская правда: Комсомольская правда в Кемерово. 2006. 5 сент. С. 14.

Все на воскресник по древонасаждению! // Кузбасс. 1943. 9 мая.

Все на воскресник по очистке города! // Кузбасс. 1943. 24 апр.

Галин А. Где же настоящая забота о нуждах рабочих? // Кузбасс. 1943. 8 янв.

Галин А. Заброшенное общежитие // Кузбасс. 1943. 9 янв.

Горелов Ю. П. К вопросу о развитии автомобильного транспорта в Сибири и в Кемерово (конец XIX – середина XX вв.) // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ.

конф., посвящ. 80-летию городского статуса Кемерово. Кемерово, июнь 1998 г. Кемерово, Кузбассвуиздат, 1998. С. 92–97.

Захарова И. В. Из истории архитектуры города Кемерово (1920–1950-е годы) // Балибаловские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию города Кемерово. Май 2003 г. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. С. 58.

Зяблицева С. В. Коммунально-бытовое обслуживание населения г. Кемерово в годы Великой Отечественной войны // Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: мат-лы науч. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 120–123.

Зяблицева С. В. Жилищные проблемы Кузбасса в годы Великой Отечественной войны // Вклад сибиряков в победу в Великой Отечественной войне: мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы. 21 апреля 2005 года, г. Кемерово. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 107–112.

Катаев, капитан. Вместо тепла – одни обещания // Кузбасс. 1943. 6 янв. (№ 4). С. 3–4.

Кемерово 80 лет (юбилейный сборник). Кемерово, 1998. С. 48–49.

Коновалов А. Б. Жилищно-коммунальное развитие г. Кемерово в 1945–1955 годах // Балибаловские чтения. Вып. пятый: мат-лы Пятой науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию города Кемерово. Июнь 2008. Кемерово: АРФ, 2008. С. 56.

На собрании партийного актива Центрального района // Кузбасс. 1943. 12 янв.

Образцово организовать бытовое обслуживание трудящихся // Кузбасс. 1943. 10 янв.

Постановление Исполнительного Комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 6 апреля 1943 года «О содержании в чистоте и уборке улиц, тротуаров, площадей и дворов» // Кузбасс. 1943. 11 апр.

Ржевский Д. И. История трамвая в городе Кемерово // Балибаловские чтения. Вып. пятый: мат-лы Пятой науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию города Кемерово. Июнь 2008 г. Кемерово: АРФ, 2008. С. 242–243.

Сделаем наши города чистыми, здоровыми, культурными // Кузбасс. 1943. 21 апр.

Усков И. Ю. г. Кемерово и эвакуация 1941–42 гг. // Кузбасс в годы Великой Отечественной войны: тезисы областной науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Кемерово, 20 июня 2000 г. Кемерово, 2000. С. 19.

Хохлова Е. Музыка нашего детства // Красная Горка. Вып. 8. Кемеровский рудник. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 155–157.

Этот День мы приближали как могли: сборник документальных материалов. Кемерово, 2005. С. 40–41.

<http://www.gaikuzbass.ru/860.htm>.

http://www.kemvod.ru/Histoty_Kemvod.pdf.

С. А. АЛЁХИНА,
зав. информационной службой
Центральной городской библиотеки
им. Н. В. Гоголя

ЧТОБЫ ГОРОД ЖИЛ И РАЗВИВАЛСЯ

ТОРГОВЛЯ, БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО И СВЯЗЬ В КЕМЕРОВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней Великой Отечественной войны труженики тыла, не считаясь ни с какими лишениями, делали все, чтобы дать армии совершенное оружие, чтобы одеть и накормить солдат, обеспечить бесперебойную работу всего народного хозяйства. Во время войны все трудились так, что казалось – нет пределов человеческим возможностям. И всё, что производилось, в первую очередь отправлялось на фронт: оружие, хлеб, снаряжение, боеприпасы.

Огромный вклад в общее дело Победы над фашистской Германией внесли труженики всех отраслей народного хозяйства Кузбасса, в том числе и кемеровчане, работавшие в таких сферах, как строительство, связь, торговля и бытовое обслуживание.

За годы войны резко выросло население города Кемерово. Произошло это как за счет естественного прироста, так и за счет эвакуированных и мобилизованных из других регионов для работы в промышленности и на шахтах. К осени 1942 года только эвакуированных в Кемерово приехало 20 500 человек. Кроме того, среди вновь прибывших в город были и спецпереселенцы – семьи высланных ранее кулаков, немцев, крымских татар, чеченцев и представителей других репрессированных народов. Расширялась и лагерная сеть. С образованием в 1943 году Кемеровской области стала действовать Кемеровская исправительно-трудовая колония. Ее контингент привлекался к сооружению промышленных объектов и шахт. В 1944 году в Кемерово стал работать лагерь для немецких, венгерских и японских военнопленных. Одновременно городским организациям приходилось развертывать госпитали, принимать раненых, поступающих с фронта, обеспечивать кровом, питанием и заботой истощенных детей из осажденного Ленинграда.

Нелегко было городу принять и разместить такое огромное количество людей. Нелегко было создать для них сносные условия жизни, обеспечить работой и пи-

танием, организовать врачебную помощь. Но Кемерово, город-труженик, справился с этой задачей.

Торговля

Основными продуктами питания и промтоварами население города Кемерово в годы войны обеспечивалось через введенную в стране карточную систему. Это был вынужденный, но и единственный способ в военных условиях обеспечить экономное и целесообразное расходование товарных ресурсов, подчинить снабжение в первую очередь задачам обороны и гарантировать интересы населения.

Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 июля 1941 года на территории страны были введены хлебные и продовольственные карточки, которые выдавались ежемесячно. Население было поделено на 4 группы:

1. Рабочие и приравненные к ним.
2. Служащие и приравненные к ним.
3. Иждивенцы и приравненные к ним.
4. Дети (в возрасте до 12 лет).

Различные нормы продовольственного снабжения населения по группам и категориям определялись характером выполняемой работы, возрастом и другими факторами с учетом значения выполняемой работы для народного хозяйства и для обороны страны.

Организацией снабжения населения продовольствием и промышленными товарами занимались многие организации: облторготдел, трансторгпит, военторг, облпотребсоюз, спецторги, гортorgи, райторги.

Снабжение же рабочих и служащих было возложено непосредственно на предприятия. На них, согласно Постановлению СНК СССР от 19 февраля 1942 года, были организованы отделы рабочего снабжения – ОРСы. Они создали широкую сеть магазинов и столовых, через которые производилась выдача продуктов питания и промтоваров. Системе ОРСов уже в 1943 году принадлежало более 60 процентов в общем товарообороте. За работой магазинов, столовых, ОРСов осуществлялся рабочий контроль под руководством профсоюзов.

Карточки по группе рабочих выдавались рабочим, ученикам, занятым физическим трудом, директорам

предприятий, инженерам, техникам, начальникам цехов и строительных участков, конструкторам, мастерам и инструкторам производства, отдельным категориям работников промышленных предприятий истроек, связи, транспорта, торговли, учителям, врачам, студентам, учащимся техникумов, донорам и некоторым другим работникам.

Карточки делились на две категории.

Карточки 1-й категории на хлеб и сахар получали только работавшие непосредственно на шахтах, рудниках, приисках, заводах, фабриках и стройках. Работники подсобных, обслуживающих предприятий этих же отраслей промышленности получали карточки 2-й категории.

Калорийность продуктов, получаемых по карточкам работниками разных профессий, существенно различалась. Так, у металлургов она составляла 139 процентов, у работников промышленности боеприпасов – 146, танковой промышленности – 150. Самой высокой калорийность была у угольщиков – 160 процентов, в том числе у шахтеров, занятых на подземных работах, – 249, а у забойщиков достигала 297–319 процентов.

Нормы снабжения хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями, установленные в начале войны, в последующие годы менялись. В 1941–1942 годах из-за потери свекловодческих районов в западной части страны были снижены нормы на сахар и кондитерские изделия. В 1943 году из Сибири на освобожденные территории стала отправляться продовольственная помощь, и нормы на хлеб и другие продукты питания также были снижены. Восстановлены они были только в 1945 году.

Дифференцировались и нормы снабжения мясом, рыбой, жирами, крупой и макаронами. Эти продукты отпускались на месяц (в граммах).

Колбаса и другие мясо- и рыбопродукты, сельдь, мясные и рыбные консервы засчитывались в нормы отпуска мяса, рыбы по установленному коэффициенту.

Преимущественное снабжение продовольствием было у тех, кто был занят на подземных работах угольных и рудных предприятий, у рабочих тяжелых профессий прокатных и сталеплавильных цехов, а также у рабочих горячих и вредных цехов оборонной промышленности с большой затратой физического труда. Для них были введены повышенные и особо повышенные нормы снабжения (в граммах на месяц).

Повышенные нормы снабжения продовольствен-

ными товарами были установлены и для учащихся школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ, где готовились кадры budding рабочих.

Помимо продовольственных, существовали карточки на промышленные товары: керосин, уголь, спички, мыло, обувь, одежду и даже на приданое для новорожденных.

В первый же год введения карточной системы стало понятно, что нормы продуктов, отпускаемые по карточкам, не могли обеспечить полноценное питание городского населения. И с мая 1942 года в Кемерове и других городах Кузбасса начали вводить дополнительные виды снабжения и питания. Для рабочих и инженерно-технических работников важнейших оборонных предприятий промышленности и транспорта, которые выполняли и перевыполняли нормы выработки и производственные задания, и за удлиненный рабочий день было введено второе горячее питание.

Первым горячим питанием назывались обеды, отпущавшиеся в фабрично-заводских столовых и буфетах с зачетом купонов продовольственных карточек, а дополнительно – сверх норм, установленных по карточкам, – **вторым горячим питанием**. Что же оно собой представляло? Дополнительно в день на человека разрешалось расходовать 50 граммов мяса (рыбы), 50 граммов крупы и 10 граммов жира. Картофель и овощи добавлялись в зависимости от наличия. Кроме того, ко второму горячему питанию работникам отдельных предприятий отпущался дополнительно (сверх карточек) и хлеб – по 100 или 200 граммов на человека (в зависимости от характера производства).

Дополнительным питанием в годы войны снабжались дети. При введении карточек для них были установлены ограниченные основные нормы отпуска продовольствия, поэтому впоследствии делалось все возможное, чтобы питание детей улучшить.

Малышам в возрасте до одного года отпущалось специальное питание с молочных кухонь, для чего предусматривалось выделение без карточек по определенной норме на ребенка молока, жиров, манной крупы, риса, сахара, муки.

3 октября 1944 года Рудничный райисполком города Кемерова принял решение об открытии в районе специализированного магазина по обслуживанию беременных женщин и кормящих матерей.

Во всех школах города Кемерово были введены завтраки. Для них без зачета по карточкам отпускались из централизованных ресурсов 50 граммов хлеба и 10 граммов сахара к чаю в день на каждого школьника. Из городских ресурсов отпускали молоко и молочно-кислые продукты, картофель, овощи, овощные и фруктовые консервы, а за счет подсобных хозяйств – жиры и некоторые другие продукты.

Для улучшения питания школьников, занятых на трудоемких работах на кирпичных заводах, 7 июля 1944 года Кемеровский горисполком решил выделять ежедневно по 50 литров молока и 20 килограммов творога. А 11 июля 1944 года было принято решение ежедневно для дополнительного бескарточного питания отпускать по 20 килограммов творога учащимся, занятым на тяжелой физической работе по погрузке угля для школ города. Усиленное питание детей было и в лагерях, на дачах и других детских площадках.

Немного полегче было тем подросткам, которые работали на заводах и фабриках: они получали карточки на усиленное питание. Дополнительными источниками питания пользовались и те дети, кому удавалось устроиться на работу в столовые, больницы и другие учреждения. Труженица тыла Анна Николаевна Савина вспоминала: «Чтобы помочь матери прокормить большое семейство – в семье было девять детей, я, как и старшие сестры, в 12 лет решила работать. Но кто меня, двенадцатилетнюю, возьмет на завод? Удалось устроиться учеником повара в столовую, где кормили бойцов, готовящихся к отправке на фронт. Нелегко мне было, маленькой и хрупкой, чистить огромные котлы и печки, но я не сдавалась и ни от какой работы не отказывалась, потому что понимала: здесь, в тылу, я не просто работаю, чтобы прокормиться, я тоже помогаю фронту». Эта мысль поддерживала не только девочку-подростка, она поддерживала всех трудящихся тыла в лихие военные годы и помогала стойко выдерживать непосильные условия труда и жизни.

Несмотря на дополнительные виды снабжения, питание кемеровчан в годы войны все равно оставалось довольно скудным. Даже по карточкам не всегда удавалось получить необходимые продукты. Иногда вместо мяса выдавались субпродукты, а крупа заменялась макаронами. Да и эти продукты не всегда вовремя выдавались. В Кемеровском краеведческом музее хранятся карточки военных лет. И не все они были отоварены.

Потому что нечем было. Несмотря на то, что с каждым днем росли темпы производства металла, угля, боеприпасов, вооружения, снаряжения, заготовки продовольствия, жители Кузбасса старались сделать что-нибудь еще для солдат, воюющих на фронтах. Со всех стен взывали плакаты «Что ты сделал для Победы?», и каждый мысленно себя спрашивал: «А чем я могу помочь фронту?». Повсеместно проводились воскресники, субботники, денежные отчисления. Полученные средства переводились во всенародный фонд помощи фронту. Все это превращалось в танки, самолеты, бронепоезда, автоматы. Кроме того, в парткомы, профсоюзные комитеты, в исполкомы Советов шли люди, которые несли одежду, вязаные вещи, обувь, различные изделия и просили передать их в помощь фронту. Так, кемеровский пенсионер Попов и его жена сдали валенки, свитер, 20 метров мануфактуры. Семья директора школы № 41 Пискуновой полностью одела одного бойца. И таких примеров не перечесть.

Кроме того, оказывалась братская помощь территориям, освобожденным от фашистов. Вот один такой пример: 1943 год – освобожден Донбасс. В городах Кузбасса с центром в Кемерове создаются специальные комиссии по оказанию братской помощи в восстановлении хозяйства Донецкой области. Шахты, заводы, стройки шлют в Донбасс машины, строительные материалы, стекло, лес, хлеб, картофель и другие товары. Только на предприятиях Кемерово было собрано и отправлено в Донбасс 38 различных станков, 275 силовых трансформаторов, 10 электромоторов, 10 насосов для шахт, более 12 тысяч предметов различного электрооборудования, 30 тысяч штук кирпича, 1 615 трикотажных вещей. А также много обуви, одежды, продуктов питания.

В результате количество продуктов питания для снабжения самих кемеровчан резко сокращалось, и даже карточки нечем было отоваривать. А еще нередко бывали случаи, когда карточки терялись или их воровали, и тогда семья вообще оставалась на целый месяц на голодном пайке, ибо на карточке значилась надпись: «при утере не возобновляется».

Особенно страдали от недоедания дети. Перебивались как могли, чтобы заглушить голод. В пищу шло все, что можно было есть. И большим подспорьем тут была сама природа. Кемеровчанин Георгий Головацкий вспоминал: «Весной мы собирали на полях мерзлую картошку и пекли из нее «тошнотики», летом ели

разные травы – лебеду, крапиву, пучки, колбу, пестики, петушки, саранки».

Сложившаяся ситуация вынудила Совет Народных Комиссаров СССР 7 апреля 1944 года принять решение, в котором были намечены меры по расширению продовольственной базы промышленных центров Кузбасса. Для дополнительного источника питания рабочих и служащих предприятиям разрешалось создавать собственные подсобные хозяйства. Так, например, коксохимзавод выращивал картошку на 155 гектарах земли, зерновые – на 600 гектарах и держал более тысячи голов крупного рогатого скота.

Чтобы улучшить и разнообразить продовольственный рацион горожан, в Кемерове в 1944 году был основан плодово-ягодный питомник. В парках и скверах было разрешено разбивать грядки и сажать на них картофель, капусту, различную зелень.

Карточная система оставалась и после войны. Отменена она была 14 декабря 1947 года Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары».

Бытовое обслуживание

Несмотря на трудности военного времени, не оставалось без внимания и социально-бытовое и материальное обслуживание населения города. Кемеровчанам и непрерывающемуся потоку эвакуированных необходимо было не только питаться, но и мыться, стричься, чинить обувь, стирать белье. Для нужд горожан в годы войны работали различные предприятия и мастерские бытового обслуживания, которые занимались пошивом и ремонтом обуви, швейных, меховых, кожаных и трикотажных изделий, ремонтом бытовой аппаратуры, ремонтом и изготовлением мебели, ремонтом жилья, ритуальными и другими услугами. В городе постоянно работали семь бань общего пользования, прачечная, одиннадцать парикмахерских, двенадцать фотографических салонов и другие учреждения. Конечно же, такого количества бытовых учреждений на всех не хватало. Особенно было сложно тем, кто вынужден был жить в тесных, малоприспособленных для жилья помещениях: землянках, бараках, перенаселенных общежитиях и т. п. И поскольку поток прибывающих для работы на оборонных и других предприятиях не прекращался ни на один день, для облегчения жизнедеятельности этих

людей принимались дополнительные меры. Так, например, семьям, приезжающим работать на шахты, на основании постановления СНК СССР от 15 июля 1942 года на хозяйственное обзаведение выделялась ссуда до 2 тысяч рублей.

Особое внимание уделялось семьям военнослужащих. В 1943 году было принято специальное постановление исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся и обкома ВКП(б) «Об улучшении материально-бытового обслуживания семей военнослужащих», в котором предусматривались следующие меры по обеспечению их жизнедеятельности:

- установить для семей военнослужащих в торговой сети преимущественное право на отоваривание продуктовых карточек в городах, рабочих поселках и поселках городского типа. Ответственность за выполнение возложить на облторготдел, трансторгпит, военторг, облпотребсоюз, спецторги, горторги, райторги и начальников орсов;

- открыть в городе Кемерове по одному магазину в каждом районе, максимально приблизив их к месту жительства семей военнослужащих;

- создать специальный фонд топлива для семей военнослужащих;

- установить, что дети семей военнослужащих должны приниматься в детсады, ясли и другие детучреждения в первую очередь;

- организовать для семей военнослужащих два санатория на 150 коек: один – в Сталинске (Новокузнецке) и второй – в Кемерове;

- организовать на летнее время двадцатидневные дома отдыха для детей военнослужащих в городах Кемерове, Сталинске (Новокузнецк) и других на 700 мест.

Не оставалось без внимания социально-бытовое обслуживание и других категорий населения. Это подтверждает постановление Кемеровского облисполкома и обкома ВКП(б) от 16 декабря 1944 года «О мерах неотложной помощи Кемеровскому областному драматическому театру им. А. В. Луначарского и дальнейшего его творческого роста», где указывалось: «Пункт 10 /.../ обеспечить бесперебойное снабжение топливом кинотеатра «Москва» и выделить транспорт для подвозки топлива в квартиры и общежития артистов театра. Пункт 11 /.../ выделить промышленных товаров для коллектива театра на 60 тыс. рублей, ...не позднее

15 января 1945 года открыть столовую для работников театра и театральной студии».

Все принимаемые меры по социально-бытовому и материальному обслуживанию населения Кемерова были направлены на то, чтобы горожане могли трудиться с полной отдачей сил на оборонных и других предприятиях, приближая День Победы.

Строительство в военные годы

На фотографиях предвоенного времени город Кемерово предстает деревянным, одноэтажным, с грязными неблагоустроенными улицами и заболоченными пустырями. Жилой массив состоял в большинстве из бараков каркасно-засыпного типа. На каждые шесть каменных двухэтажных домов приходилось сто бревенчатых изб. Капитальное строительство велось в основном в трех районах: на Притомском участке, в Соцгороде и Кировском районе. Жилищное строительство шло по Генплану, разработанному Новосибирским горстройпроектом. Согласно этому плану, застройка левобережной части города должна была вестись в Соцгороде и на Притомском участке и двигаться навстречу, на соединение. Промышленное и жилищное строительство до войны осуществлял «Кемеровокомбинатстрой», проектированием занимался «Кемеровопроект». К 1941 году украшением города были несколько капитальных домов на Притомском участке, восемь четырехэтажных зданий школ, Дворец труда и кинотеатр «Москва».

Начавшаяся война внесла существенные изменения в план жилищного строительства, а сам облик Кемерова изменила до неузнаваемости.

В 1941 году город принял оборудование 38 эвакуированных предприятий. Оборудование необходимо было в короткие сроки смонтировать и наладить выпуск необходимой для фронта военной продукции. О выборе удобных площадок для строительства новых корпусов тогда не думали – главное: как можно скорее... Прибывшие предприятия размещали в клубах, дворцах культуры, магазинах, складах. Так, станки и машины Орехово-Зуевского завода пластических масс работали в помещении Кемеровского Дворца труда, в гаражах и складах вблизи Коксохима, а Харьковского электромеханического завода – в здании универмага.

Вместе с заводами прибывали люди. Их тоже необходимо было где-то размещать. Под жилье приспособлялись все свободные помещения в культурно-бытовых учреждениях и промышленных зданиях. В

● Кемерово в годы войны

● Проспект Советский (бывшая Никольская улица) в годы войны

● Демонстрация на Кемеровском руднике

общежитиях оборудовались двойные или даже тройные нары. Эвакуированных подсажали в дома и квартиры горожан, размещали на чердаках, в подвалах. Вблизи предприятий было организовано скоростное строительство землянок и бараков. Срочно завершалось и начатое еще до войны строительство жилых домов, развернулось сооружение каркасно-засыпного жилья, новых общежитий. Поощрялось и строительство индивидуальных домов. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 года индивидуальным застройщикам выделялись кредиты в размере 50 процентов стоимости строящегося дома, а остальные 50 процентов принимались на счет государственного бюджета.

Чтобы обеспечить бесперебойную работу всех отраслей народного хозяйства, требовалось большое количество рабочих, техников, инженеров, строителей, которых катастрофически не хватало. Специальным указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» принимались срочные меры по обеспечению строительных площадок необходимыми специалистами и разнорабочими.

Сразу же после прибытия в город в работу включались трудящиеся эвакуированных предприятий. Кроме задействованных специалистов, на строительство предприятий и жилья привлекались служащие учреждений, учащиеся школ и другие граждане города, которые работали дополнительно на стройках по 5 часов. В считанные месяцы город Кемерово превратился в большую строительную площадку.

К сожалению, строительство жилья и соцкультобъектов в годы войны велось без каких-либо проектов планировки, что впоследствии привело к появлению в Кемерове большого количества разрозненных и неблагоустроенных поселков, так называемых нахаловок, которые планировочно никак не были связаны друг с другом. Также не были связаны в общую систему и освоенные перед войной участки новой застройки в центре города.

Резко выросшее население и изменившийся статус самого города Кемерово, ставшего в 1943 году областным центром созданной Кемеровской области, требовали радикальных планировочных мероприятий и реорганизации всего городского строительства. А бур-

ный рост промышленности требовал таких же больших темпов и гражданского строительства, но оно сдерживалось из-за отсутствия перспективного плана застройки и слабой базы стройматериалов. Несмотря на все эти сложности, строительство не останавливалось ни на минуту. Так, Кемеровский электромеханический завод (КЭМЗ) 2 ноября 1944 года завершил строительство нового образцового общежития на 50 человек (г. Кемерово, ул. Вокзальная). В общежитие заселились молодые работницы завода.

16 декабря 1944 года Кемеровский облисполком и обком ВКП(б) приняли постановление «О мерах неотложной помощи Кемеровскому областному драматическому театру им. А. В. Луначарского и дальнейшего его творческого роста», где указывалось: «Пункт 8. Приступить к строительству здания областного драматического театра».

Война шла к завершению, и стало понятно, что людей, временно размещенных в землянках и бараках, надо срочно переселять в более комфортное жилье. 17 сентября 1944 года Управление по делам архитектуры при СНК РСФСР объявило конкурсное проектирование типовых малоэтажных домов в Кузбассе. В городах стали создаваться специальные отделы по новому проектированию жилых домов.

В феврале 1945 года было издано Постановление Совнаркома СССР «Об упорядочении жилищно-коммунального хозяйства и планировки городов Кузбасса». В Государственном институте проектирования городов (Гипрогор) в Москве было создано специальное бюро по Кузбассу, которое разработало новый генеральный план г. Кемерово. Были предложены четыре схемы расселения с проектной численностью населения от 336 до 418 тысяч человек.

Одним из первых документов упорядоченного планирования застроек в городе Кемерове стал документ Кемеровской городской архитектурно-планировочной комиссии, которая 7 февраля 1945 года утвердила решение об отводе земельных участков заводу «Свет шахтера» под строительство кислородной станции и общежития. 26 марта 1945 года в Кемерове был образован Заводский район. К этому времени в нем было уже 30 промышленных предприятий, 28 строительных и монтажных организаций.

В декабре 1945 года была организована архитектурно-проектная мастерская, на основе которой впоследствии был создан филиал института Кемерово-

вогражданпроект. Перед архитекторами встала задача найти наиболее целесообразные решения как в размещении населения, так и в создании выразительных архитектурных ансамблей, отвечающих требованиям жизни. В результате было решено: для скорейшего обеспечения растущего населения жильем отказаться от системы постройки дорогостоящего, индивидуального жилья и начать строительство более дешевых стандартных домов.

Но прежде чем развернуть планомерную застройку города, необходимо было создать местную базу стройматериалов. Сделать это было чрезвычайно трудно, так как все материальные ресурсы направлялись на восстановление народного хозяйства освобожденных территорий страны. Поэтому на первом этапе, когда в Кемерове были строительные организации промышленного назначения, такие как тресты «Кемеровотяжстрой», «Кемеровохимстрой», «Кемеровошахтострой», «Кемеровопромстрой», вопросы жилищного строительства и соцкультобъектов решали отделы капитального строительства промышленных предприятий – ОКСы.

Так на коксохимическом заводе такой отдел много лет возглавлял А. С. Бибик. Руководимый им коллектив строил жилые дома на улице Арочной, проспекте Советском, улице Дарвина и др. Всего за период действия этого отдела было построено: двенадцать детских садов, кинотеатр «Металлург» в заискитимской части города, учебный корпус политехнического института на улице Дзержинского, поликлиника, стационар, корпуса пионерского лагеря и детских дач в Елыкаеве.

Серьезный вклад в строительство гражданских объектов внес и коллектив отдела капитального строительства Кемеровской ГРЭС, возглавляемый И. Л. Магариллом. Ими построены жилые дома на улицах Островского, Орджоникидзе, Советском проспекте, десятки детских садов, корпуса лечебных учреждений на улице Весенней, городской больницы № 3, областной клинической больницы № 1.

В жилищном строительстве того времени преобладал новый архитектурный стиль – сталинский ампи́р. Первый такой неоклассический жилой дом в Кемерове появился на улице Островского. Сделан он был по проекту архитектора Моисеенко и предназначался для работников НКВД.

В Кемерове, как грибы, стали возводиться капитальные многоэтажные дома. Строительство велось на

важнейших улицах города. Разрабатывались комплексные проекты застройки магистралей, площадей, жилых кварталов. Возобновляется капитальная застройка Соцгорода и Магистральной улицы (проспект Ленина), начатая еще до войны. Дома здесь строились невысокие – 2–3-этажные, в неоклассическом стиле. Гордостью нашего города являются здания, построенные по проектам архитекторов Л. М. Моисеенко, Л. И. Донбая, В. А. Сурикова, А. Н. Рапопорта, К. Д. Нешиадимова, Г. И. Фильварова и других архитекторов. Эти здания обладают яркой индивидуальностью и сегодня гармонично вписываются в общий архитектурный ансамбль города.

Пуск эвакуированных предприятий, обеспечение жильем большого количества прибывших в город людей, строительство нового жилья и соцкультобъектов в годы войны – это подвиг не только коллективов строительных организаций, но и всех трудящихся города Кемерова, потому что весь город являлся одной строительной площадкой, а все его жители – строителями.

Рядом со взрослыми на строительных площадках города Кемерова на равных работали и подростки. Так, в 1943 году пятнадцатилетняя Мария Гавриленко была призвана в Кемерово по приказу, чтобы пройти обучение ФЗО (фабрично-заводское обучение). После шестимесячного обучения она получила профессию каменщика и была отправлена на строительство военного порохового завода № 630. Рядом с ней трудились такие же девочки-подростки: Рая Новоселова, Маша Селиванова, Шура Федотова, Клава Пантюкова, Галя Степнова и другие. За годы войны Марии и ее подругам пришлось поработать на строительных площадках завода № 652 (КЭМЗ), коксохимзавода, завода «Карболит», жилых домов на проспекте Советском. Условия труда были суровые. Работали в три смены. Спали мало. Чтобы во время строительства цеховых печей не сгореть, мазали тело глиной, но все равно обжигались. Была строжайшая дисциплина: строем ходили на работу и так же возвращались оттуда. Жили в общежитии, где не было ни воды, ни тепла. Приходилось просить у людей, у которых были ключи от колодцев, налить воды в консервные банки, чтобы хоть немного смочить горло. Из одеял шили фуфайки. Питались на талоны, ели баланду из гнилой капусты и картошки.

Трудные, страшные годы Великой Отечественной войны выпали на долю всех кемеровчан, но они всегда верили, что в Победе есть и их вклад. И этим гордились!

СВЯЗЬ В КЕМЕРОВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (почта, телеграф, радиовещание)

До 1943 года вся связь города Кемерово находилась в ведении Новосибирского областного управления связи. С образованием Кемеровской области началась перестройка всего народного хозяйства, которая без оперативной связи была невозможна. И буквально через два дня после указа об образовании Кемеровской области, 28 января 1943 года, нарком связи СССР И. Т. Пересыпкин подписал приказ о создании Кемеровского областного управления связи.

В обязанности нового управления вменялось:

- подчинить все средства связи вновь образованному областному центру;
- создать междугородную телефонную связь для комбината «Кузбассуголь» с трестами;
- перестроить работу существующих предприятий связи в соответствии с требованиями быстро растущей промышленности;
- ускорить продвижение корреспонденции и печати по области;
- коренным образом улучшить обслуживание населения и особенно семей военнослужащих.

В состав нового управления вошли все районные и городские конторы связи Кузбасса.

В тяжелые военные годы все связисты работали в первую очередь на нужды обороны. К 1944 году в составе областного управления связи образовались самостоятельные предприятия: телеграф, городская телефонная связь, междугородная телефонная связь, радиоузел и почтовая контора.

Почтовая связь

С началом войны существенно возросла нагрузка на почтовую связь. Со всей страны в Кемерово слетались военные треугольнички. Письма эти писали бойцы с фронта как своим родным, так и землякам, кующим Победу в тылу. Вот что писали воины с фронта воинам тыла в 1942 году: «Вы являетесь передовиками социалистического соревнования Советского Союза в добыче угля, для выплавки металла, дачи фронту брони. Мы горды вашими успехами. Дорогие угольщики, год тому назад мы так же работали на трудовом фронте. Сейчас уже 4 месяца мы сражаемся с бандой проклятой

немчуры, посылая им артиллерийские закуски. Наша просьба к вам – будьте авангардом передовых угольщиков, этим самым вы помогаете нам, вашим землякам, тянете вперед за собой все предприятия нашего родного, славного города Кемерово».

В архиве хранится много и детских писем, которые шли из Кемерово на фронт. В них дети не только желали фронтовикам скорейшей Победы, но и писали о том, что собирают учебники для освобожденных районов: «...Пусть знает проклятый Гитлер, что советские школьники – дружные ребята и помогут друг другу в беде...».

К концу войны в Кемерово действовало 36 городских и 31 отделение связи близлежащих поселков. Во всех конторах связи осуществлялась своевременная передача и доставка писем и телеграмм адресатам. Главная трудность была в том, что доставлять почту почтальонам приходилось в основном пешком. Немало километров наматывали они за день с тяжелыми сумками на плечах. А работали почтальонами в основном женщины и подростки. Лишь на дальние расстояния выделялись лошади, велосипеды, мотоциклы. Особое внимание уделялось доставке срочной правительственной корреспонденции и периодики для руководящих организаций. Им почта оперативно доставлялась на машинах, а в другие города – самолетом.

Телеграфно-телефонная связь

Кемеровский телеграф в начале войны располагался на втором этаже двухэтажного деревянного здания. В его штате было 20 человек. Телеграфная связь с Новосибирском и другими городами осуществлялась на аппаратах Морзе и Тремля по телеграфному проводу и телефону. Телеграфный обмен достигал тысячи телеграмм в сутки. В связи с перестройкой промышленности на оборонные нужды проводная связь перестала отвечать требованиям военного времени. Для передачи оперативной информации нужны были быстродействующие аппараты. Кроме того, война обострила и другую проблему – дефицит кадров, многие работники станции ушли на фронт. Не хватало телеграфистов, телефонисток, монтеров, сортировщиков, надсмотрщиков. При возросших объемах работы пришлось оставшимся кадровым специалистам в срочном порядке обучать новые кадры. Только в начале 1943 года для Кемеровской городской телефонной станции было подготовлено 90 специалистов. Работники связи тру-

дились очень напряженно, не жалея себя, не считаясь со временем, без выходных и без перерывов на обед. Как и всех в то время, телеграфистов мучил голод. И чтобы заглушить его, жевали серу или пчелиный воск и тут же, не отходя от аппаратов, ели картошку в мундире. Была и другая трудность. Телеграфы перестали снабжать бланками, журналами и запчастями. Вместо бланков приходилось применять старые подшивки газет, книги и другую макулатуру, причем и такие бланки старались использовать дважды, наклеивая их сначала с одной стороны, потом с другой. Вместо специального клея для наклеивания телеграмм использовали силикатный клей. По аппаратам передавались в основном телеграммы Авиа, Авария, правительственные и с особо важным текстом. Остальные отправлялись почтой с задержкой на сутки. От частных лиц в первые годы войны принимались только телеграммы, сообщающие о срочном приезде или смерти родственников.

С образованием Кемеровской области выделяется **Кемеровский областной телеграф**, который вначале был смонтирован в здании школы № 40 по проспекту Кузнецкому, затем переведен в другое помещение. Появляются новые аппараты «СТ-35», «Т-15», позволившие увеличить обмен телеграмм с 3 тысяч в сутки при штате 150 человек в 1944 году до 8 тысяч при штате 180 человек в 1945 году.

Телефонную связь в Кемерове до войны осуществляла городская телефонная станция с емкостью тысяча номеров. Коллектив **Кемеровской телефонной станции** поддерживал связь со станциями других городов, обменивался опытом работы с Новосибирском. Станционной емкости в городе не хватало, параллели доходили до пяти телефонов, и в 1941 году новосибирская монтажная бригада начала монтировать вторую очередь станции. В 1943 году в Кемерове было сдано в эксплуатацию оборудование городской телефонной связи на 1200 номеров. Были дополнительно телефонизированы здания обкома ВКП(б), облисполкома, два корпуса НКВД, областной военкомат, комбинат здания «Кузбассуголь». К 1945 году емкость городской телефонной сети в Кемерове составляла 2200 номеров.

Междугородная телефонная связь

К началу войны междугородную телефонную связь Кузбасса обеспечивали 11 коммутаторов. Три станции имели линейно-аппаратные залы, оборудованные высокочастотной оконечной и промежуточной аппара-

● **Проспект Советский и улица Кирова в 1945 году**

● **Универмаг на улице Кирова в 1943 году**

● **Кемеровский телеграф в 40-е годы**

турой. Но этого было мало. Из-за недостатка сетей и каналов междугородняя связь не соответствовала возрастающим потребностям военного времени. Лишь один райцентр – Барзас – располагал возможностью пользоваться «междугородкой» круглосуточно, в остальных на связь выходили по расписанию. Одинадцать северных районов Кузбасса связывались с городом Кемерово транзитом через Новосибирск по линиям протяженностью 500–1200 километров. Но переговоры часто срывались из-за того, что по трассе располагалось недостаточное количество усилительных пунктов. Для связи использовались воздушные линии, а их работа часто зависела от погодных условий. При морозах на цепях образовывалась изморозь, которую монтерам приходилось сбивать вручную. При сильном ветре воздушные линии часто повреждались. По этим причинам в Кемерове и других городах Кузбасса часто отсутствовала междугородная связь.

Кроме того, по воспоминаниям связистов-ветеранов, работавших в годы войны, для междугородной связи не хватало и быстродействующей аппаратуры, а существующая техника от больших нагрузок быстро изнашивалась. На станции постоянно ощущался острый дефицит квалифицированных специалистов, особенно эксплуатационников и техников. Все это влияло на качество и оперативность связи. Как вспоминала Нина Константиновна Матвеева, проработавшая в связи 55 лет, «Кемеровская междугородная станция располагалась в небольшом деревянном доме на улице Сталина – нынешней Ноградской. В коммутаторном зале стояло семь шнуровых коммутаторов, состоящих из бесчисленного количества шнуров и штекеров. Работало десять телефонисток, которым приходилось в них оперативно разбираться. Связь была, в основном, внутриобластная. Из магистральных связей был только один канал – с МТС Новосибирска».

Для организации прямой телеграфной связи города Кемерово с районами и поселками вновь образованной области управление связи в 1943 году приступило к строительству новой столбовой линии связи Кемерово – Анжеро-Судженск протяженностью 110 километров, которая должна была обеспечить прямую телефонно-телеграфную связь десяти северных районов Кузбасса с областным центром, минуя транзит через Новосибирск. К июлю 1943 года были созданы новые телефонно-телеграфные узлы в Прокопьевске, Сталинске (Новокузнецк), Анжеро-Судженске, Мариинске и других городах,

позволившие получить прямую связь с Кемеровом, также минуя Новосибирск. С помощью новых телефонно-телеграфных узлов в Кемерове предполагалось сосредоточить и весь внутриобластной поток телеграмм.

Яркими событиями 1944 года, в корне изменившими междугородную связь Кузбасса, стали открытие дополнительной связи на Москву, Сталинск и Прокопьевск, радиофикация Тяжина и Юрги и подвеска телеграфного провода Кемерово – Анжеро-Судженск, который был шлейфом заведен в Юргу, Тайгу и Яшкино. В результате таких действий к концу войны была полностью завершена реконструкция телеграфных связей в Кузбассе.

Память

До 1941 года в Кемерове работала Центральная трансляционная станция проводного вещания с обслуживанием 300 абонентов. С началом войны число радиоузлов начало быстро расти, так как проводное радио стало единственным оперативным источником информации для населения. Радио военного времени было особым. Оно как никто другой объединяло людей. Во всех общественных местах были установлены громкоговорящие радиостанции. С замиранием сердца слушали люди новости с фронта – на заводах, в домах, на улице. Вместе со всеми огорчались неудачам и радовались первым победам Красной Армии. С особым энтузиазмом делились опытом своих трудовых достижений на благо Победы. Слушали любимые музыкальные произведения, стихи поэтов, отрывки из произведений в исполнении артистов театра.

С образованием Кемеровской области в 1943 году при облисполкоме был создан Комитет по радиофикации и радиовещанию.

В июне 1943 года была создана и облрадиодирекция, которая обслуживала средства радиофикации на всей территории области и города Кемерово. Кузбасс обрёл своё, областное радио. В первые годы все службы размещались в одной комнате во Дворце труда в городе Кемерове. В трудное военное время радио города, как и весь Кузбасс, вся страна, работало и жило во имя одной цели – приближения Победы.

Е. И. ТЮШИНА,
зав. сектором
краеведческих ресурсов
Центральной детской библиотеки
им. А. М. Береснева

СПОРТ ДЛЯ ЖИЗНИ И ПОБЕДЫ

Физическая культура и спорт в годы Великой Отечественной войны являлись важным средством физической подготовки, политической и психологической поддержки населения. В спортивных статьях газет звучал призыв к будущим воинам и труженикам предприятий, несущим бремя войны на рабочих местах, «быть смелыми, умелыми, закаленными». Продолжалась спортивная подготовка детей и молодежи, занимающихся в группах и секциях при добровольных спортивных обществах города Кемерово. Множество людей различных специальностей проводили работу по спортивной подготовке населения на общественных началах. Спустя 65 лет в памяти воспитанников живы воспоминания о самоотдаче и творчестве их наставников, замечательных людей и знаменитых спортсменов. Среди них – Леонид и Валентин Мезенцевы, Василий и Иван Моргуновы, Георгий Ефремов, Елена Ключе, Людмила и Валентин Труфановы, Владимир Павловский, Анна Громова (Валова), Леонид Керрер, Зоя Нестерова, Нина Рябина и многие другие, передававшие свои знания и умения рано повзрослевшим подросткам.

Важнейшая роль отводилась качественной военно-физической подготовке подрастающего поколения и подготовке резервов Красной Армии из числа учащихся в общеобразовательных школах, ремесленных и фабрично-заводских училищах, техникумах и вузах, в подразделениях всеобуча.

Многие старшеклассники с первых лет войны были направлены в ремесленные училища. Знаменитая горнолыжница послевоенных лет, многократная чемпионка области, Сибири Татьяна Жмурова вспоминает, как воспитанники из детских домов Москвы, Ленинграда, Кемерово и Запорожья осваивали в ремесленном училище № 6 различные специальности. Практиковались на азотно-туковом заводе, ГРЭС, заводе № 652 (КЭМЗ). Комсомолка Татьяна Жмурова стала

одной из лучших среди сварщиков АТЗ, где проработала до 1947 года.

Мальчишки военного времени, сочетая теоретические занятия с 10-часовой заводской практикой, по вечерам самозабвенно гоняли футбол. Конечно, мечтали попасть на фронт, но многим едва минуло 14 лет, и они вносили свой трудовой вклад в обеспечение фронта инструментами для военной техники, работали на номерных заводах. Продолжал развиваться и спорт. В конце войны у болельщиков стали популярны футбольные команды «Динамо», «Трудовые резервы», «Азот», «Спартак». Уходит время, стирая страницы истории, но живы яркие воспоминания ветеранов о футболе той поры. Кандидат физико-математических наук Эдуард Брутан до сих пор хранит свою кепку, с которой у «вратаря всех времен и народов», как шутливо окрестили его товарищи, связана 30-летняя спортивная жизнь.

На встречах ветеранов в музее физкультуры и спорта Кузбасса о многих спортивных событиях далеких военных лет с юношеским блеском в глазах рассказывали молодежи Антонина Степанова, Юрий Калугин, Федор Зайцев, Анна Савина, а участник армейских соревнований по футболу в городе Вальденбуре Владимир Колосов подарил музею рукопись воспоминаний. Ветераны спорта впоследствии завоевали признание горожан как специалисты высокого класса в разных отраслях. Трогательные воспоминания очевидцев сурового времени, различные предметы, документы, фотографии собирает и бережно хранит для потомков музей физкультуры и спорта Кузбасса.

Молодежь военного времени пережила множество горестных и радостных событий, произошедших в те далекие военные годы, но все преодоления дороги им, поскольку закаляли характер. Спортсмены города, помимо основной работы, стремились оказать посильную помощь фронтовикам и их семьям. Вот один эпизод из тысяч подобных. Служащая объединенной военизированной пожарной команды, спортсменка Зоя

Петрова бегала с подругами на лыжах по ближайшим деревням, где собирали посылки на фронт. Чаще всего это были теплые вязаные варежки и носки, холщовые кисеты для табака. Однажды в ранней вечерней темноте, направляясь в поселок Мазурово передать письма фронтовиков, Зоя Петрова и Капитолина Скорина сбились с пути и едва не замерзли.

За сухими строками статистических отчетов и сводок военного времени стояла огромная работа специалистов физической культуры города по выполнению государственного задания подготовки к труду и обороне призывной молодежи, бойцов всеобуча, учащихся и рабочих. Ушли на фронт легендарные спортсмены и преподаватели Вера Волошина, Петр Зайцев, Петр Агафонцев, Николай Ступников, Анатолий Друшляк, Юрий Двужильный, многие другие выдающиеся личности, достойные вечной памяти. Они погибли во имя жизни их многочисленных воспитанников.

На смену им после тяжелых ранений возвращались люди, беззаветно преданные спорту. Их имена вписаны в летопись истории спорта области: Виктор Рябинин, с 1942 года ответсекретарь ФСО «Динамо» и знаменитый футболист, Виктор Дорофеев – председатель Кемеровского городского комитета по делам физкультуры и спорта, Андрей Барашков – первый чемпион области по шахматам (1943), руководители добровольных спортивных обществ Леонид Шутов и Владимир Волков. Фронтовики вливались в трудовые коллективы, назначались на ключевые, руководящие посты. Они радовались жизни, с легкостью преодолевали барьеры военного времени, участвовали в соревнованиях и воспитывали мальчишек. Многим детям войны с наносной грубоватостью в голосе и сигаретой во рту вслед несло: «Что с него взять – безотцовщина!» Были для таких подростков отцами, старшими братьями и наставниками Семен Миркин, Николай Тимофеев, Борис Ключе, Аркадий Тачков, Константин Журавлев, Леонид Елесин, Александр Садовец, Петр Антонюк, Владимир Жмуров и Филипп Кудлаев, которого болельщики помнят как автора интересных сборников по футболу и хоккею, а специалисты – как опытного руководителя. Он более 10 лет возглавлял городской комитет по физкультуре и

спорту в послевоенное время. Принимая экспонаты от ветеранов, не единожды слышала: этот кубок нам вручал САМ Кудлаев.

В 1942 году виды спорта, культивируемые спортивными организациями в городах области, носили военно-прикладной характер. Для качественной физической подготовки населения развивались бокс, гимнастика, легкая атлетика, гранатометание, маршевая подготовка, штыковой бой, волейбол, в лыжном спорте обязательной программой была гонка патрулей и дистанция, сочетающая оказание первой помощи раненым с их транспортировкой к месту назначения. Даже в это трудное время для проверки физической подготовки и моральной поддержки молодежи проводились спортивные мероприятия. В указанном году в Кемерове состоялось 28 соревнований, в которых участвовали 12 тысяч человек.

С момента образования Кемеровской области работа государственных организаций по подготовке защитников Отечества стала носить более целенаправленный характер. На местах велся строгий учет и отчетность по подготовке значкистов ГТО. В приказе комитета по делам физкультуры и спорта при Кемеровском облисполкоме от 25 мая 1943 года «О подготовке инструкторов-общественников по комплексу ГТО СССР» определено контрольное задание по подготовке 40 человек для городов и районов из числа квалифицированных специалистов (председатель Леонид Пахомов).

В его преамбуле отмечено: «Фронту нужны боевые резервы. Физкультурные организации при поддержке комсомола дадут Красной Армии смелые, выносливые резервы, владеющие основными навыками гранатометания, рукопашного боя, преодоления искусственных и естественных препятствий». Комплекс ГТО действительно развивал физические качества, необходимые фронтовикам. По воспоминаниям Бориса Елова, носившего этот знак на гимнастерке все годы войны, спортивная сноровка помогала как успешнее воевать, так и выжить – вовремя перекатиться от точки обстрела, быстрее преодолеть различные преграды. Жизнелюбие, желание постичь новое дали импульс для достижения высот в последующей жизни как фронтовикам, так и труже-

никам тыла. К примеру, Борису Елову – сначала растить трудовую смену в ремесленном училище № 6, затем руководить кафедрой физвоспитания в медицинском и педагогическом институтах; удивительной женщине, сочетающей обаяние и волевой характер, Нине Рябининой – стать заместителем председателя комитета по физкультуре и спорту при Кемеровском облисполкоме. За каждой фамилией стоят удивительные судьбы людей, достойных отдельных очерков и повестей.

В условиях военных действий ближнего боя необходимы определенные навыки овладения элементами более сложных видов спорта, таких как рукопашный, штыковой бой. Осваивать сложные виды спорта на областные сборы привлекались специалисты физической культуры из учреждений, средних и высших учебных заведений. Проводились сборы и по видам спорта, имевшим дополнительные особенности. Подготовленным на сборах по лыжной подготовке 111 инструкторам вменялось обучить 15 инструкторов-общественников. Они, в свою очередь, должны были подготовить из 100 человек молодежи навыкам передвижения на лыжах, падениям и переноске пострадавших. Вот такая действенная и жестко контролируемая облспорткомитетом пирамида.

Среди преподавателей лыжного сбора был Иван Голофаст, первый мастер спорта в Кузбассе по лыжному спорту. Он выполнил этот норматив на Всесоюзных соревнованиях (1943). В их программе наряду с традиционными лыжными гонками на определенные дистанции были бег санитарных дружин и гонка патрулей. В военные годы в составе сборной области на Всесоюзных соревнованиях, в первенствах Сибири и Дальнего Востока выступали Зоя Петрова, Полина Можерина, Анастасия Коляденко, Людмила Писарева, Мария Назарова, Иван Голофаст, Иван Калентьев, Михаил Яненко, Василий Липаков, Афанасий Валетов.

Наши лыжники в 1945 году в общекомандном зачете заняли 2-е место. А женская сборная в составе Зои Петровой, Анастасии Коляденко, Маргариты Назаровой в беге санитарных дружин дважды стали чемпионками СССР (1944, 1945).

Важным разделом работы спортивных организаций в данный период была всемерная поддержка спортивной работы в эвакогоспиталях. Это заключалось в передаче спортивного инвентаря, проведении лекций, бесед, выступлений спортсменов и инструктировании. Лучшие специалисты направлялись для оказания помощи по восстановлению раненых средствами физической культуры. Зимой в госпиталях с выздоравливающими бойцами проводились занятия по лыжной подготовке, а в летнее – марши, метания и преодоление преград.

К 1944 году в госпиталях работали опытные специалисты, такие как прославленная гимнастка Сибири Ольга Козина, методист госпиталя № 3629. С помощью лечебной физической культуры она с коллегами помогала восстановиться раненым бойцам для отправки на фронт. Сложной и важной работой методистов были занятия с военнослужащими, ставшими инвалидами, многим, потерявшим конечности, нужно было научиться жить в новых условиях.

В конце войны мероприятия городского совета по делам физкультуры и спорта все больше носили спортивный характер, особое внимание уделялось подрастающему поколению, для чего была проведена первая летняя спартакиада школьников. Для талантливых детей открылась в области детская спортивная школа, которую много лет возглавляла великолепный педагог и организатор, отличник физической культуры и спорта Ольга Козина. Ее первыми воспитанниками были известные в последующем личности в спорте. Среди них и знаменитости из различных отраслей, такие как заслуженный тренер СССР Иннокентий Маметьев; врач высшей категории, спортивный журналист Юрий Скударнов; участник приема в правительстве в честь Дня физкультурника в Москве (1947) и в последующем зам. председателя Союза спортивных обществ и организаций области Борис Вальков; доктор физико-математических наук Эдик Аринштейн; почетный железнодорожник Виктор Перов и многие другие.

Впервые в 1945 году были проведены матчи городов Кузбасса по конькам и лыжным гонкам. В коллективах предприятий, учебных заведени-

ях города одним из самых массовых мероприятий был лыжный профсоюзно-комсомольский кросс, посвященный празднованию Дня Советской Армии.

10 сентября в Кемерове прошел грандиозный массовый праздник, посвященный Дню физкультурника, в котором участвовали 4 300 человек. В отчетах указано, что праздник прошел под знаком любви и преданности Родине, партии и правительству трудящихся, молодежи и детей. Это была искренняя радость Победы. Ей и свободе созидания посвящен был праздник. Теперь смело можно было реализовать многолетние мечты – строить, учиться, работать и любить! Ответственными организаторами праздника были удивительно талантливые специалисты – председатель ДСО «Трудовые резервы» Семен Миркин, выпускница института им. Лесгафта, тренер по гимнастике Лидия Москаленко и великолепный педагог Митрофан Монанков. Действия сценария, по замыслу художественных руководителей, опережали свое время и живы в памяти современников до сих пор.

В 1945 году была учреждена легкоатлетиче-

ская эстафета в городе Кемерове, много раз в спортивном празднике менялась программа, время и место проведения. Спустя десятилетия участие в эстафете 9 Мая, посвященной празднованию Дня Победы, является почетной миссией для молодежи. На главной площади области собираются специалисты и любители спорта разных поколений, те, кому дорога история, кто строит будущее спорта. Как и в прежние времена, приходят ветераны спорта, теперь уже в качестве почетных гостей. Принимают многочисленные теплые поздравления, цветы и подарки. Они регулярно бывают на встречах, организованных в образовательных учреждениях. Участникам войны и труженикам тыла есть что сказать потомкам. Они продолжают служить своей Родине, занимаясь патриотическим воспитанием детей и молодежи.

Архив музея физкультуры и спорта Кузбасса. Д. 69, 70, 71, 99, 152, 128, 221, 223.

Кемеровский госархив. Фонд Р-18, 48, оп. 1.

**Т. Н. ЖИДКОВА, сотрудник музея
физкультуры и спорта Кузбасса**

● Команда-победительница областных лыжных соревнований (1943 год)

Кедры

нашей памяти

Геннадий ЮРОВ

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ СЛЫШИТ...

Природа тоже воевала. Во время Великой Отечественной Томь была сплавной рекой. Цепочка бревен двигалась по течению все летние месяцы, скапливаясь в Жургавани, у деревни Красной, у Красной Горки, у Кемеровской ГРЭС. Лесопильные заводы на правом и левом берегу работали день и ночь, подымая бревна по крутизне, чтобы превратить их в ценный строительный материал.

Не случайно город был в основном деревянный. Между бревенчатыми двухэтажными бараками по дощатому тротуару я спускался к ажурной деревянной лестнице, падающей к реке, и восходил затем на деревянный понтонный мост, который на зиму разбирался.

Среди плывущих бревен было много кедра. Хвойные деревья использовались для военных нужд. Но и после победы темпы рубок не снизились, а наоборот – увеличились. Надо было восстанавливать городское хозяйство.

Я коснулся этой темы в поэме «Абориген».

*И, верно, в этом нашей нет вины,
Что берега в сраженьях угасали.
Но в списках не вернувшихся с войны
Мы рек и кедрачей не указали.*

*Земля – минувшей битвы ветеран.
Ни пенсии не просит, ни медали.
Она своих не залечила ран.
Мы просто ей их залечить не дали.*

*.....
Вы видите: горят огни в ночи
В долинах рек, в распадках гор и выше
Земля растерзанная боль свою лучит.
Она кричит.
Да только мы не слышим...*

Недавно я встретился с человеком, который слышит. Слышит, несмотря на контузию, полученную в бою от разорвавшегося немецкого снаряда. Оглох на оба уха. Позднее в Боткинской больнице в Москве получил слуховой аппарат – заушину и вновь обрел возможность общения. Но не это я имею в виду, когда говорю, что человек слышит. Просто человек воспринимает боль родной земли как свою собственную. Всем сердцем, каждой клеточкой тела. Слышит природу и спешит ей помочь.

Рядовой Великой Отечественной войны Анатолий Михайлович Терехов ныне на пенсии. Но он живет по велению долга. Свой долг он видит в том, чтобы увековечить память о погибших со-

отечественниках, выращивая кедровые посадки на военных мемориалах страны. И делает это бескорыстно, не получая никакого денежного вознаграждения. Да и поездки осуществляет за свой счет.

Саженцы кедр Анатолій Михайлович получает в кузбасских лесхозах. Здесь его знают и стараются ему помочь. В специальных ящиках он везет саженцы на станцию Горшечное Курской области, где похоронен его брат Терехов Гурий Михайлович. Аллея Боевой Славы из сибирских кедров создана Тереховым в городе Борисове. Это Белоруссия, здесь ему довелось сражаться с фашистами. Кедр из Кузбасса посажены им в Москве, на территории школы в Сокольниках, где музей рассказывает о пути 5-й Гвардейской Краснознаменной танковой армии, в которой он воевал. Кедром из Кузбасса украшен военный мемориал в пяти километрах от города Юхнова Калужской области. Здесь покоится приемный брат Терехова Борис Алексеевич Уткин.

Особенно тесные связи у Анатолия Михайловича с историко-мемориальным комплексом «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. Здесь он также посадил кедр из Кузбасса. Анатолию Михайловичу помогают школьники, студенты, солдаты, музейные работники. Он рассказывает им, как посадить кедр, как ухаживать за ним.

На встречу со мной Анатолий Михайлович принес записи, альбомы, отдельные фотографии. Мы обнаружили, что в наших биографиях есть нечто общее. Вместе осваивали Крайний Север. Он был горняком на шахтах и рудниках Норильска. Я был корреспондентом на приисках Колымы. В разговоре отметили, что знаменитый хвойный стланник на сопках – не что иное, как кедр. Только шишки размером поменьше.

*В багульнике куропахи судачат.
По валунам ручьи с восторгом скачут.
Густеют лиственницы, обновив цвета.
Кедровый стланник прячет в камнях крону
И круговую держит оборону:
Над кроной – ветер. Снизу – мерзлота.*

Высокие идеи книги Леонида Леонова «Русский лес» получили развитие в творче-

стве нашего земляка Владимира Алексеевича Чивилихина. «Шуми, тайга, шуми!», «Месяц в Кедрограде», «О чем шумят русские леса», «Слово о кедре», «Земля в беде», «Светлое око Сибири» и другие произведения писателя предшествовали роману-эссе «Память», где народ, история и патриотизм воедино сцементированы пластами времени.

Кузбасс – родина двух всероссийских литературных праздников. Это Федоровские чтения (с 1985 года) и Чивилихинские чтения (с 1986 года). Инициаторами были, конечно, писатели. Но вряд ли замысел осуществился бы, если бы не поддержка секретаря тогдашнего обкома партии Петра Михайловича Дорофеева, который стал почетной фигурой в литературной жизни Кузбасса. Чивилихинские чтения начинаются в Кемерове и переносятся в Мариинск, где родина писателя и его мемориальный музей. Чтения обрели экологический характер. Обсуждаются проблемы сохранения кузбасской природы.

У сибиряков есть пословица: «В ельнике – трудиться, в березняке – веселиться, в кедряке – богу молиться». Мы с Анатолием Михайловичем едины во мнении, что кедр – священное дерево, дерево-символ. Оно живет долго, до тысячи лет, и олицетворяет собой связь поколений, память об ушедших. Вот почему так важно беречь кедровые леса, восстанавливать их, выращивать на всех мемориальных комплексах страны.

*Я прожил дольше умерших и павших.
В иные дни считал себя уставшим.
Но старший брат –
Он остается старшим!
Его кедряк, как прежде – на корню.
Нас разделяют годы, как ступени.
Он со своим уходит поколеньем.
Я никогда его не догоню.*

На Красной Горке на территории усадьбы, где во времена АИК «Кузбасс» жил американский инженер Пирсон, супругами Зыковыми посажены несколько кедров. В память наших отцов, матерей и старших братьев. В память погибших воинов и шахтеров. В память всех, кто не вернулся.

Кедры принялись.

Анатолий ТЕРЕХОВ

ИСПОВЕДЬ СОЛДАТА

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса...*

Р. ГАМЗАТОВ

Родился я 16 апреля 1926 года в большой дружной русской семье Терехова Михаила Ивановича и Софьи Ивановны, проживавших тогда в городе Тюкалинске Омской области. Позднее наша семья выросла, в ней было четырнадцать детей, из которых четверо приёмных.

В 1931 году семья переехала в город Кемерово. Учиться я пошёл в школу № 21, в которой работала моя мама учительницей начальных классов. Папа работал слесарем на строительстве «Азота» (ныне «Химпром»). Со второго класса увлекался, а затем серьезно стал заниматься авиамodelизмом. После окончания школы мечтал продолжить учёбу и быть авиаконструктором. Авиация тогда была любимцей всего народа, а летчики в большом почёте: Байдуков, Беляков, Чкалов, Ляпидевский, Гризодубова и многие другие. Мы грезили авиацией! Тем более понятно моё увлечение, что мы жили на улице Профсоюзной, а рядом – аэродром (он и поныне существует). На аэродроме часто проводились соревнования авиамodelистов, в которых мне доводилось участвовать. Всё свободное время я проводил там.

На отлично сдал все экзамены за 7-й класс. В этот роковой день мама вся в слезах сообщила нам о начале войны. Фашистская Германия, нарушив мирный договор, вероломно напала на Советский Союз, бомбила Киев, Минск, Одессу и другие города по всей западной границе нашей Родины.

К вечеру наша семья была в сборе. Советовались, что будет теперь, как дальше жить, что делать. Утром

● А. М. Терехов

23 июня 1941 года братья Коля (1921 года рождения) и Боря (1922 года), которые подлежали призыву, добровольно пошли в горвоенкомат. Все остальные продолжали заниматься обычными делами по домашнему хозяйству: была корова, её надо пасти, заготавливать корм на зиму, окучивать картофель... В июле 1941 года папа был призван в трудовую армию и отправлен на Урал.

Утром 24 июня наш классный руководитель преподаватель математики Иван Иванович Цариков обошёл всех учеников нашего класса и сообщил

решение комитета комсомола и руководства школы о необходимой помощи сельскому хозяйству в это трудное время. А уже 26 июня мы с железнодорожного вокзала в теплушках с кое-какими вещичками были отправлены по железной дороге в Топкинский район на 115-й разъезд в колхоз «Трудодень» Черемичкинского сельского Совета. Там мы жили в деревенской школе. Косили, убирали и скирдовали сено, жали серпами рожь и пшеницу, вязали снопы, обмолачивали хлеб на тракторной молотилке.

Работали с крестьянским распорядком дня, с раннего утра и до позднего вечера, без выходных и какой-либо оплаты, но кормили нас достаточно и бесплатно. Учёт труда вёлся по трудодням, в зависимости от выполняемой работы. Многие из нас, мальчишек и девочек, выработали по 90–100 трудодней. И только поздней осенью, в конце октября, когда уже выпал снег, практически закончив все сезонные сельскохозяйственные работы в колхозе, мы, полураздетые, так как тёплых вещей с собой не взяли, пройдя полуразутыми по осеннему бездорожью более 40 километров пешком, вернулись в Кемерово.

Здесь я узнал, что 10 октября 1941 года у нас в семье родилась еще одна сестрёнка – Рита, а брат Гурий, работавший в то время на подковно-механическом заводе слесарем, готовится к призыву в Красную Армию. Сестрёнка Женя с начала войны начала работать на военном заводе № 606 револьверщицей, где трудилась всю войну, ей было присвоено звание «Гвардеец тыла». Награждена редчайшей тогда государственной наградой – медалью «За трудовую доблесть». Ушли на фронт наши соседи: Перегудов Алёша, Сапелкин Коля, братья Васильевы Виктор и Федя, братья Козловы и многие другие.

А в это время на всех фронтах шли ожесточённые кровопролитные сражения: Брестская крепость, Минск, Киев, Одесса, Ленинград... А с середины лета 1942 года – Сталинград: Мамаев курган, дом Павлова, железнодорожный вокзал, тракторный завод, высота 147,6, Орловка, Дубовка... Эти названия для нас, тружеников тыла и ветеранов войны, говорят о многом. Это рубежи упорнейшей обороны во время Сталинградской битвы, одной из самых смертельных и отчаянных, какие знало челове-

ство. Она была поворотным событием Великой Отечественной войны. Жертвами её стали около одного миллиона людей, как военных, так и гражданских. От этих сообщений по радио сердце моё сжималось от боли и поднималась ярость к фашистам.

Как и многие мои ровесники, мальчишки и девочки, работал электромонтёром на военном заводе № 652 (ныне КЭМЗ) 12 часов в смену через 12, без выходных, отпускных, с пересменой через неделю. Наш цех выпускал электромоторы для танков Т-34, башенный МБ-20 и вентиляторный МВ-12. Продукцию, помимо ОТК, принимал военпред. Работу старались выполнять безупречно, и практически не было случаев брака. Мы понимали, что в случае отказа башенного электромотора в бою танк может превратиться в мишень для немцев, а в случае отказа вентиляторного электромотора от пороховых газов могут погибнуть танкисты.

В связи с затяжным характером войны руководство страны постоянно заботилось о подготовке нового пополнения для действующей Красной Армии. Поэтому все мальчишки, достигшие шестнадцатилетнего возраста и получившие предписание горвоенкомата, три раза в неделю обучались на курсах трактористов, изучали гусеничный трактор СТЗ-НАТТИ. Приходили домой поздно, около 23 часов после дневной либо в 11 часов дня – после ночной смены.

После успешного окончания курсов и получения водительских прав горвоенкомат выдал новое предписание – учиться в системе подготовки сержантского состава. Представьте себе, каково было мальчишкам, особенно после двенадцатичасовой ночной смены, топтать строевой. Было очень тяжело. Не ныли. Пропуски занятий не разрешались. Присяги не было, но было исконно русское слово «Надо!». Надо было помогать Родине, всему нашему народу спасать советскую страну от фашистского нашествия. Было огромное желание быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков, завершить войну в Берлине, предотвратить убийство солдат, женщин, детей, гибель отцов, матерей, братьев, сестёр, стариков, мирных жителей, разрушение городов и сёл, исторических памятников.

«Надо!» – это слово для меня было как клятва, потому что еще до войны, 20 апреля 1941 года, в

моём внутреннем кармане всегда был комсомольский билет № 13070418.

Постоянно тревожила мысль, как там, на фронте? Мы вслушивались в сводки Совинформбюро и передавали их из уст в уста. Всё ожесточеннее шли бои в Сталинграде. Осень и начало зимы 1942 года были особенно тревожными. И вот 19 ноября 1942 года наконец вздох облегчения. Наши войска прорвали в двух местах немецкий фронт и устремились в наступление. Весть в одно мгновение облетела всю страну, а 2 февраля 1943 года трехсоттысячное фашистское войско в котле было уничтожено.

Многие фронты переходили в наступление: Сталинградский, Донской, Воронежский... Мы узнали имена новых полководцев: Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. И. Ерёменко, В. И. Чуйкова, А. М. Василевского, Н. Н. Воронова, Н. Н. Ватутина, Р. Я. Малиновского...

С апреля 1943 года в нашей семье и у соседей поселилась тревога за наших родных и близких, воевавших на фронте: братьев Гурия, Бориса, Николая, зятя Андрея Сергеевича Подборонова, соседей Николая Сапелкина, Алексея Перегудова, Фёдора и Василия Васильевых и других – не стало от них писем. Наша мама много писала в разные военные инстанции и в Наркомат обороны. В августе – сентябре 1943 года получили извещения на Гурия и Бориса о том, что они пропали без вести. Николай Сапелкин погиб на Карельском перешейке. А. С. Подборонов был тяжело ранен и находился в госпитале (ему ампутировали правую ногу), Алеша Перегудов пропал без вести под Сталинградом. Тревога за фронтовики жила вплоть до окончания и многие годы после окончания войны: может быть, еще найдутся, вернутся из плена? В те годы жили надеждой на лучший исход.

В марте 1944 года пришла моя очередь защищать Родину. На 2-й Белорусский фронт нас, воинское пополнение, везли через Белоруссию. Она предстала перед нами разрушенной, с пожарищами, торчащими печными трубами, горами обломков кирпича. Кругом были видны маленькие и большие воронки от разрывов снарядов и бомб.

Щемящей болью отдалось в моём сердце увиденное на станции Пинск, когда к нашему остановивше-

муся воинскому эшелону подошли местные жители, оборванные и измождённые. Эта картина до сих пор стоит перед глазами. Позже я узнал, что в Белорусской республике погиб каждый третий мирный житель. Так неистовствовали фашисты-каратели и местные полицай.

Наше пополнение прибыло в действующую Красную Армию в Беловежскую пушу под город Бреськ (местечко Малышин) Белостокского воеводства. Я был зачислен в состав второго танкового батальона 183-й танковой бригады механиком-водителем. Через некоторое время, уже в боевых порядках, в связи с малым опытом вождения боевых машин был переведён в мотобатальон автоматчиков, где командиром был капитан Н. И. Кирайт. Замечательный боевой офицер, он был всегда справедлив, требователен, внимателен и чуток к нам, красноармейцам, за что пользовался уважением и любовью.

После тщательной подготовки 10 или 11 января 1945 года 10-й Днепровский танковый корпус (комкор генерал-майор танковых войск М. Г. Сахно), в который входила наша 183-я танковая бригада (комбриг полковник Н. Г. Гришин), ночью начал непрерывный двухсоткилометровый марш под Млаву (Польша), продлившийся почти сутки.

Рано утром состоялся большой митинг, на котором объявили, что мы стоим у границы логова фашистского зверя. Призывали отомстить фашистам за их злодеяния, за поруганную нашу землю, за гибель боевых друзей.

В то же время командование обратилось к нам со строгим приказом: ни в коем случае не мстить мирному гражданскому населению. Это чревато уголовным преследованием не только по нашему, советскому, но и международному праву.

Согласно стратегическому плану наступления при осуществлении Восточно-Прусской операции, 5-я Гвардейская Краснознамённая танковая армия под командованием генерал-полковника В. Т. Вольского, входившая в состав 2-го Белорусского фронта, как клином, пронзила за 10 дней (с 15 по 26 января) всю Восточную Пруссию с юга на север и вышла к Балтике. Десятый Днепровский танковый корпус участвовал в этом прорыве на его острие.

Восемь раз Москва по приказу Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина салютовала нашей бригаде двадцатью залпами из 224 орудий за ратные успехи по разгрому многих крупных опорных восточно-прусских крепостей. За взятие Танненберга 183-й танковой бригаде было присвоено наименование «Танненбергская», а за мужественные оперативные действия в Восточной Пруссии она удостоена высоких государственных наград: орденов Суворова и Кутузова.

Фронт запомнился калейдоскопом событий на боевом пути нашей прославленной бригады. Прорыв немецкой обороны, наступление, десантное сопровождение танковых атак в бою и на многокилометровых танковых маршах, труд – тяжкий, изнурительный, на пределе человеческих возможностей, без нормального отдыха и сна. Ратный труд!

Многого из фронтовой обстановки мы, автоматчики, не знали, да и знать не могли в силу нашего тогдашнего солдатского положения, а названия малых населённых пунктов напрочь выветрились из памяти. Мало осталось и однополчан. Ушёл из жизни мой фронтовой побратим Виктор Михайлович Плешаков из Москвы, с которым можно было восстановить детали боёв, особенно в первые десять дней нашего стремительного наступления. Это постоянное сопровождение танков «Т-34-85» в боевых порядках, в их яростных перестрелках с немецкими артбатареями, преследование отступавших немцев, бои в населённых пунктах с целью уничтожения немецких фаустпатронников, засевших в подвалах или на нижних этажах домов и строений, десантное обеспечение танковой разведки, прикрытие флангов.

При выполнении боевых задач мы теряли фронтовых друзей и однополчан. При атаке на один населённый пункт был смертельно ранен мой товарищ и фронтовой друг Давлятшин из Уфы. Мы ворвались в этот населённый пункт, сопровождая танк. Давлятшин бежал впереди меня метрах в двадцати, потом упал. Я подбежал к нему и приподнял его голову. Он раскрыл глаза, посмотрел на меня и откинулся. Я испытал шок. Руки, ноги как-то сразу ослабли, затряслись и налились тяжестью. Несколько мгновений стоял как вкопанный. Но нужно было догонять

ушедших вперёд ребят. И вновь память возвращает меня к тому эпизоду войны. Был прекрасный фронтовой товарищ. К сожалению, мы не успели с ним обменяться домашними адресами.

Через несколько дней в боях за населённый пункт, название которого не помню, был тяжело ранен автоматчик нашего отделения Михайлов. Разрывная пуля разворотила ему нижнюю часть живота. Бой ещё шел, мы с ребятами подбежали к нему. Вытянули его за угол дома. Расстегнули гимнастёрку, думали, что он ранен в грудь, а он все продолжал корчиться. Расстегнули брюки и увидели кровавое месиво. Осторожно, но быстро завернули все разорванные ткани на место, перевязали пакетами. Вскоре появились санитары, и его отправили в медсанбат. Какова его дальнейшая судьба, не знаю.

Остановились. Полное безлюдье. По распоряжению немецких властей всё население эвакуировалось на север, к Балтике. Скотины полный двор: коровы мычат, лошади без привязи ходят, снуют свиньи, поросята, гуси гогочут по-своему. Мы посмеялись: наверное, обсуждают события или спрашивают друг у друга, где теперь их хозяева. Пора бы подкрепиться, но где наша кухня, кто её знает. Сработала солдатская смекалка. Нашли ведро, подоили корову. Правда, она дважды выбивала подойник и разливала молоко. Но коров было много, и мы не отчаивались. Другие поймали доброго гусёнка, скрутили ему голову, общипали, осмолили. Третьи разожгли хороший костёр из сухих хозяйских дров прямо во дворе. Повесили ведро с этим самым гусёнком. Расселись мы, солдаты, вокруг костра. Тепло! Пригрелись, кто уже успел немного вздремнуть (ночь была в пути), кто переобувался. Вода еще не успела закипеть, к-а-а-а-к грохнет! Стрельба, взрывы! Мы от костра – кто куда! Внезапно всё смолкло. Огляделись: ни костра, ни ведра, ни гусёнка...

Оказалось, на месте, где мы разожгли костёр, были разбросаны патроны от крупнокалиберного немецкого пулемёта, втопанные в грязь; а сверху навалил снег. Земля растаяла, прогрелась, патроны стали взрываться. Все обошлось благополучно для нас, не считая мелких царапин. Долго потом смеялись, кто куда и как удирал! А гусёнка всё же доварили другого, на том же кострище.

Первый взятый нашей танковой бригадой город в Восточной Пруссии был Найденбург. Для танкового взвода, который мы, автоматчики, сопровождали, бой был скоротечным. Обходя город, наши танкисты сбили немецкую артбатарею, немцы быстро отошли. Кирпично-черепичный город был совершенно пуст. Ни одного жителя, население эвакуировано, как выяснилось позднее, на север, к морю. Магазины, склады полны всевозможных товаров, продовольствия.

Обходом справа в скоротечном бою был взят и город Танненберг. На дальней дистанции наши танки и приданные нашей части самоходки СУ-85 подавили несколько артбатарей. Немцы, почувствовав охват, отступили.

При подходе к городу Остероде бригада встретила сильное сопротивление противника, у которого имелось несколько закрытых огневых позиций. Орудия били прямой наводкой. Город был взят 22 января ночной атакой при взаимодействии с другими частями корпуса.

На подступах к Остероде совершили героический подвиг башнёр сержант Краснов и старшина-радист Шабельский. Их танк ворвался в небольшой городок, еще удерживаемый немцами, и оседлал (захватил) перекрёсток улиц. Когда гитлеровцы начали насесть, башнёр меткими артиллерийскими выстрелами разбил два противотанковых орудия, сжёг одну самоходку. Затем поджёг несколько автомашин и бронетранспортёр. Но немцы наш танк подбили, и двое из экипажа погибли. Краснов и Шабельский успели выскочить из танка с пулемётами. Пробрались к ближайшему дому и засели на чердаке. Держали круговую оборону, пока не подошли наши. Перекрёсток, где стояла сгоревшая тридцатьчетверка, был завален трупами гитлеровцев. За этот подвиг оба были представлены к званию Героя Советского Союза.

Стремительно и, видимо, совершенно неожиданно для противника были взяты другие города вплоть до побережья залива Фришес-Хофф. Восточная Пруссия была полностью окружена с востока, юга, запада, а на севере была Балтика.

На этом наш стремительный прорыв закончился, начался период тяжелейших боёв по ликвидации окружённой Восточно-Прусской группировки. Направление боёв – с запада на восток.

Попытка деблокировать Восточную Пруссию и отрезать 5-ю Гвардейскую танковую армию, вышедшую к заливу Фришес-Хофф, была предпринята фашистами 27 января. Это потом я узнал, что в районе Эльбинга с запада из Померании и с востока из Восточной Пруссии навстречу друг другу были нанесены сильнейшие контрудары по флангам наших войск. Под угрозой захвата оказались штабы многих наших частей и штаб 5-й Гвардейской танковой армии. Такую угрозу ощутил и штаб 2-го Белорусского фронта, о чём в своих мемуарах писал К. К. Рокоссовский («Солдатский долг»). Танковым бригадам неожиданно пришлось развернуть фронт своих действий на 180 градусов, спешно занять оборону.

Это почувствовали и мы в мотобатальоне. На одном из танкоопасных направлений (название хутора не помню, но где-то западнее города Браунсберг) мы получили команду встать в оборону, срочно выкопать капониры (окопы) для танков и самоходок. Нашему отделению десантников с экипажем танка пришлось с обеда днём и всю ночь напролёт долбить подручными средствами мёрзлый вязкий суглинок. Взрывать было нельзя, чтобы противник не обнаружил. Закончили лишь к утру, когда стало рассветать. На руках у всех кровавые мозоли. Притащили от недалеко расположенного хутора солому, расстелили под машиной. Ну, думаем, отдохнём! Не успели присесть, как поступила команда: «По машинам!», в путь, на исходный рубеж. Отразив натиск немцев, наши танки и приданные пехотные части перешли в наступление в восточном направлении.

Левифланговым танковым ударом по небольшому городку Ляук начался бой наших танков и автоматчиков с фаустпатронниками. Потом получили приказ перейти на правый фланг. Наш танк шёл вторым. Вышел в заданный район. Как нам рассказывали потом танкисты, по радиации им было сообщено, что там немцев нет. И вдруг по нашему танку наносится в лобовую броню сильнейший удар, танк загорелся, трое из экипажа выскакивают и быстро отбегают в сторону. Мы вместе с другими автоматчиками прикрываем их отход. Тут же видим пылающими еще две машины, шедшие за нами, и бегущих членов экипажей. Оказалось, немецкий «Тигр» был замаскирован километрах в двух от нас и расстрелял все

наши машины. Механик-водитель Джабаев сгорел, очевидно, получив тяжелое ранение.

В одном из наступлений около танка разорвался снаряд. Я находился на броне танка и в какое-то мгновение увидел ослепительный свет и потерял сознание. Это была контузия. 18 февраля 1945 года. Категорически отказался от эвакуации в госпиталь. Лечился в медсанбате корпуса, а затем бригады. Лечащий врач капитан медицинской службы Елизавета Климентьевна Челкак меня предупреждала о тяжёлых последствиях от полученного сотрясения головы – нарушениях слуха, речи, зрения. Но в госпиталь я все же не поехал.

В 1946 году я по рекомендациям фронтовых друзей вступил в партию.

Как и предсказала Е. К. Челкак, последствия контузии начались с конца 1946 года, когда был комиссован и приехал в Кемерово после демобилизации. До 1958 года мучили головокружения, сильнейшие фурункулёз и карбункулёз, суставные и позвоночные боли. Отдалённые последствия проявились вновь 10 марта 1981 года, когда отказали слуховые нервные окончания. Оглох на оба уха. Благо, в НИИ уха, горла, носа при Боткинской больнице в Москве профессор Валентина Фёдоровна Новикова после тщательного обследования прописала слуховой аппарат-заушину, получив который, я вновь обрёл возможность общения. А тогда, на войне, после окончания лечения в медсанбате корпуса возвратился к своим боевым друзьям и товарищам и продолжил фронтовую жизнь.

24 марта 1945 года был взят город Браунсберг, а взятием Кенигсберга 9 апреля 1945 года завершилась моя фронтовая эпопея.

9 мая 1945 года весь мир ликовал по случаю полного и безоговорочного поражения немецкого фашизма.

Война никого не щадила: ни солдата, ни генерала, ни мирное население. В 1946 году прибыл в Кемерово. Долго, более года, болел, но организм одолел невзгоды. Поступил работать в контору «Облпроект» чертёжником-конструктором. С 1 сентября 1948 года начал учиться в Кемеровском горном техникуме, который с отличием окончил по специальности «Горный техник-шахтостроитель». Был направлен в город

Прокопьевск на реконструкцию шахты «3-3 бис» горным мастером. Потом романтика позвала на Крайний Север, в Норильск. Работал на крупнейшем руднике 7/9 начальником участка, зам. главного инженера, затем в кадровом порядке был переведён на угольную шахту № 11 зам. главного инженера.

Контузия давала о себе знать, и я в марте 1960 года возвратился в Кемерово. Был избран заместителем председателя Кемеровской областной организации научно-технического горного общества (в последующем оно стало называться Обществом горных инженеров Кузбасса), где проработал до 2001 года (41 год) и ушёл на пенсию. В 1971 году окончил Всесоюзный заочный политехнический институт по специальности «Горный инженер-шахтостроитель». Имею несколько научных публикаций.

Вся моя трудовая и общественная деятельность была тесно связана с рудной и, в основном, с угольной промышленностью, с совершенствованием и усилением её научно-технического потенциала, решением конкретных инженерных и научных вопросов, с мотивацией инженерно-технического творчества специалистов. И поставленные задачи успешно решались, что видно на технико-экономических показателях работы отрасли в Кузбассе за 1960–2001 годы.

К сожалению, для нас, ветеранов, война так и не окончилась. Как говорил А. В. Суворов, «...солдат и в мирное время на войне». Длилась война 1418 дней и ночей, 20 часов 43 минуты – от момента, когда гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз, до подписания Акта о ее безоговорочной капитуляции в 00 часов 43 минуты 9 мая 1945 года. В счет идут минуты, так как в среднем за один час войны погибало около тысячи, а иногда и несколько десятков тысяч человек. Страна Советов потеряла почти 27 миллионов человек. В том числе только под Сталинградом погибло около одного миллиона человек. Одни пали на полях сражений, другие – в пожарах войны, в плену, газовых камерах, в лагерях смерти.

Боль утрат не утихает и сейчас. Человеческая память! Как сохранить ее для потомков на века?

Об этом я много думал. Памятники не вечны, время берёт своё – их надо реставрировать. Но вот что

важно. Мы находимся среди природы. Вокруг нас могучие деревья, живущие до нескольких сот, а то и тысяч лет. Среди них сибирский кедр. Продолжительность его жизни 400–500 лет. С ним, с кедром, связано дальнейшее повествование.

В 1983 году я завершил четырнадцатилетние поиски (с 1969 года) места захоронения моего брата Терехова Гурия Михайловича (погиб 4 февраля 1943 года). На воинский мемориал, что на древнерусской Курской земле, привёз я тогда саженцы кедра. Вместе с местными школьниками 5–7-х классов, вместе с моими сестрами Тамарой, Евгенией, Лидией, Аделаидой, Маргаритой, братом Виктором мы высадили их на Аллее Боевой Славы – для светлой памяти всех воинов, павших в ожесточённых боях с оккупантами при освобождении станции Горшечное.

Сейчас эти кедры достигли 5–7 метров высоты. Об акции посадки свидетельствует установленная там мемориальная доска. Вместо неприжившихся приходилось несколько раз привозить новые саженцы. Продолжают ухаживать за кедрами школьники: поливают и пропалывают лунки, поддерживают порядок на Аллее.

Насколько эта акция была высоконравственной, способствующей патриотическому воспитанию детей, рассказал собственный корреспондент газеты «Известия» в Курске В. Кулагин в публикации «Кедры у обелиска» (газета от 20 мая 1985 года): «Десять тысяч школьников Курской области написали конкурсное сочинение «Я голосую за мир» в год 40-летия Победы над фашизмом. Внуки участников сражений на Курской дуге взволнованно рассказывают о том, как хранят память о героях великой битвы. ...Лучшие сочинения были переданы в областной комитет защиты мира. ...Среди них сочинение девятиклассницы Горшеченской средней школы Иры Тупициной. В нём она поведала такую историю. За освобождение станции Горшечное погибло около 600 советских воинов, среди которых был и сибиряк Гурий Терехов. В год 40-летия Курской битвы к скромному обелиску приехали братья героя – Анатолий и Виктор. Они привезли с собой из-под Кеморова сорок саженцев сибирских кедров и в парке у братской могилы заложили Аллею Воинской Славы. Шефство над молодыми деревцами взяли учащиеся

той самой школы, где учится Ира». Самое примечательное в этом сочинении то, что Ира сама принимала участие в посадке кедров.

С тех пор на Аллее Боевой Славы каждую победную весну и в другие памятные дни местные жители, благодарные мужественным защитникам Родины, проводят торжественные мероприятия, возлагают цветы, выстраивают Почётный школьный караул.

Этот опыт увековечения памяти павших воинов мною был продолжен на территории дислокации нашего танкового Днепровского соединения в сороковую годовщину Дня Победы (1985 год) в городе Борисове (Белоруссия). Тогда командование корпуса пригласило нас, ветеранов войны, на торжество. Мы с моим однополчанином Иваном Андреевичем Слепичем вместе со всеми гостями: ветеранами, военнослужащими, детьми из близлежащей школы, рядом с боевым танком «Т-34», установленным на постаменте, создали Аллею Боевой Славы, украсив ее сибирскими кедрами из Кузбасса.

Аллея сохранилась, кедры выросли, но не все. Их рост достиг 4–6 метров. В 2005 году я привёз еще более 200 саженцев, которые высадили на территориях школ № 8, 16, 17, танкоремонтного завода и на уже существующей Аллее. Мемориальная доска свидетельствует о памятном событии и происхождении кедровых насаждений. На Аллее до сих пор проводятся торжественные мероприятия: принятие присяги воинами, дни демобилизации, дни воинской славы, ежегодные Дни Победы, другие торжества.

В дань светлой памяти воинов-танкистов посажены кедры из Кузбасса в Москве у мемориального воинского памятника в виде танковой башни на территории школы № 1282 (в Сокольниках, бывшая школа № 1), в здании которой в 1941 году формировалась 5-я Гвардейская Краснознаменная танковая армия. Здесь создан и работает школьный музей с экспозициями о пути 5-й Гвардейской Краснознаменной танковой армии и 10-го танкового Днепровского ордена Суворова корпуса.

В братском воинском мемориале с семитысячным захоронением на 214-м километре по Варшавскому шоссе, в пяти километрах от города Юхнова Калужской области, покоится мой приёмный брат Уткин Борис Алексеевич, погибший 9 марта 1943 года в

боях за освобождение древнерусской Юхновской земли. Туда мы вместе с сестрами Евгенией, Маргаритой и сыном Андреем привезли более 150 сибирских кедров из Кузбасса. Кедры вместе с нами сажали школьники из поисковых отрядов школ № 1 и 2 города Юхнова, заместитель администрации города Наталья Викторовна Абашкина, руководитель поискового отряда «Юхновчане» Александр Викторович Сорокин, горвоенком подполковник Сергей Викторович Попков и доцент, кандидат исторических наук Калужского государственного педагогического университета Михаил Фёдорович Ломаков. Мы высадили кедры на «Поле Памяти» у мемориального комплекса. Школьники поисковых отрядов поливают и ухаживают за посадками. Они понимают нравственный смысл своих поступков: находят останки павших воинов на полях сражений Юхновской земли и увековечивают память о них посадкой кедров. Только за последние 3–4 года поисковыми отрядами найдено около 2,5 тысячи воинов и торжественно перезахоронено на воинском мемориале.

Впервые в городе воинской славы – городе-герое Сталинграде мне довелось побывать в 1946 году, когда он был еще в руинах. Тяжелейшее впечатление осталось в душе: ни словом сказать, ни пером описать. Город выжил, поднялся из руин, отстроился, похорошел. И как же я порадовался за жителей города, когда в мае 2008 года мне с группой ветеранов войны снова удалось здесь побывать.

С огромным волнением я познакомился с уникальными экспозициями всего мемориального заповедного комплекса «Сталинградская битва», осмотрел музей-панораму, траурный зал, все объекты Мамаева кургана. При этом обратил внимание на тщательно ухоженные деревья и цветники. Среди этих насаждений не увидел наших сибирских кедров, за исключением одного, достигшего 6–7 метров, посаженного томичом В. А. Проскуриным в 1972 году в память о погибших однополчанах из 149-й стрелковой бригады.

У меня появилась идея увековечить память о всех сибиряках, защищавших Сталинград. Известно, что только с 23 июля по 1 октября 1942 года на Сталинградское направление было отправлено из Сибири 55 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад, 7 тан-

ковых корпусов, 30 танковых бригад. Были серьезные потери.

Мне удалось встретиться с руководителем историко-мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане генерал-майором Владимиром Ивановичем Берловым. Он очень заинтересованно отнесся к моему предложению, и все вопросы, связанные с организацией посадки и ухода за саженцами сибирских кедров, были решены. Это начинание было поддержано директором Государственного историко-мемориального заповедника «Сталинградская битва» заслуженным работником культуры РФ Александром Ивановичем Величкиным.

Обо всем этом я рассказал председателю Кемеровского городского совета ветеранов Г. В. Корниченко. Получил его поддержку. Корницкий написал письмо в Волгоград о проведении в мае 2009 года акции по увековечению павших воинов-сибиряков на Мамаевом кургане. Я привез саженцы кедров из лесничества и самолётом Кемерово – Москва – Волгоград, с саженцами на борту, 18 мая прибыл к месту назначения.

В аэропорту меня тепло встретил агроном музейного комплекса Евгений Афанасьевич Морозов. Уже 19 мая в 12 часов на вершину Мамаева кургана, недалеко от памятника Матери-Родине, прибыли приглашённые тринадцать студентов Волгоградского педагогического университета, пять солдат из Роты Почётного караула мемориального комплекса «Сталинградская битва». Мы со специалистами музейного комплекса Е. А. Морозовым, Ю. С. Широковым, Н. И. Мусиенко, О. Н. Мережко привезли ящик с саженцами кедра. К посадке все было подготовлено заранее: лопаты, вёдра, вода.

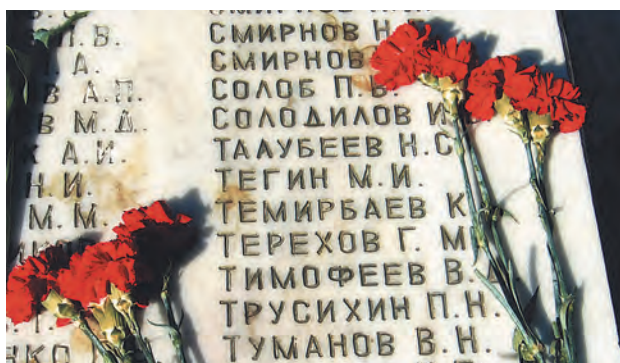
Собрав всех участников, я рассказал о технологии и порядке посадки кедра. Напутствовал добрыми словами, что это мероприятие останется у нас в памяти на всю оставшуюся жизнь. Многие будут приходить сюда с детьми, внуками, правнуками. Им станет известно, что эти сибирские кедры садили в память о погибших. Работали дружно, без суеты, помогая друг другу. Потом сфотографировались. Владимир Иванович Берлов вручил мне сувениры для Кемеровского городского совета ветеранов войны и

г. Кемерово, 14 февраля 2010 года

● Станция Горшечное Курской области. Сентябрь 1983 года. Высаживаются кедры на Аллее Боевой Славы. В центре – директор местной школы Николай Ильич
● И девчонке, и мальчишке – по одной кедровой шишке

● Станция Горшечное.
Мемориальная плита. Май 1990 года

● Поле Памяти. Каска, пробитая пулей. Май 2007 года

● Станция Горшечное.
Аллея Боевой Славы.
Кедры поднялись. Май 1995 года

● Девочка из школьного
поискового отряда города Юхнова
Калужской области.
Посадка кедров

● **Поле Памяти.**
Мемориальный комплекс
в пяти километрах от города Юхнова
Калужской области. Май 2007 года

- По предварительной договоренности пионерский отряд из города Бутурлиновка Воронежской области прибыл на Мамаев курган для посадки кедров (А. Н. Терехов в центре снимка). Май 2008 года
- Участники посадки кедров из Кузбасса 19 мая 2009 года, в том числе руководители мемориального комплекса на Мамаевом кургане

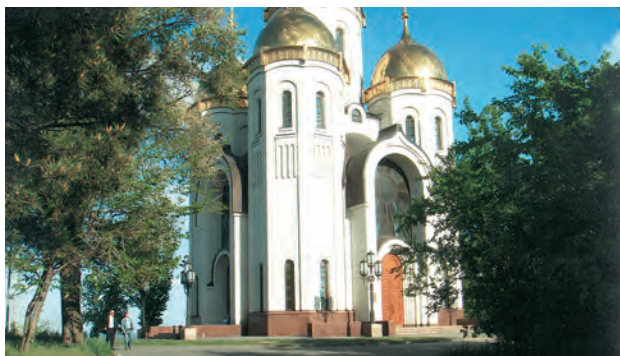

● Памятник «Родина-Мать» в Волгограде, возле которого посажены кедры из Кузбасса

● Посадка кедров. Три саженца в каждую лунку. Чтобы кедры росли, поддерживая друг друга

● Храм на Мамаевом кургане, воздвигнутый в память о всех павших в Великой Отечественной войне

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

КЕДР

Памяти В. Махалова

Полнеба заселяя крышей,
Разбросив ветви вверх и вширь,
На треть других деревьев выше
Шумит таёжный богатырь.

К нему спешат и зверь, и птица,
Горя глазами в полумгле,
Без кедра им не прокормиться
На этой нищенской земле.

Когда по чащам сумрак реет
И жизнь таёжная не мёд,
Он всех озябших отогреет
И заблудившихся спасёт.

Никак нельзя ему иначе.
Он и при солнце, и во мгле,
Как бы судьбой своей назначен
Стоять для слабых на земле.

* * *

У дороги магистральной,
Угодив под передел,
Кедр могучий, кедр печальный
Весь от пыли поседел.

Не летит к нему кедровка,
И обходит бурундук,
Лишь доносится от бровки
Суетливой жизни звук.

* * *

Запели пилы в частой чаще,
И полегла деревьев рать,
Лишь кедр нетронутым остался
За молодеческую статью.

И он стоял под небом синим
В своей осознанной красе,
Высокий, солнечный и сильный
На вырубочной полосе.

Но подступила буря к кедру,
И пал на землю исполин.
Знать, нелегко бороться с ветром,
Когда останешься один.

Владимир ИВАНОВ

Тайга – кормилица

фрагмент повествования

Пророческие строки

На презентации предыдущего выпуска нашего альманаха, который имел название «Товарищеский круг», в переполненном зале музея-заповедника «Красная Горка» блистательным было выступление поэта Владимира Иванова. Аудитория встретила и проводила его бурными аплодисментами. Подборка его стихотворений в альманахе называлась «Спасибо вам, родные лица!». Как столичный отзвук подборки появились стихи Владимира Иванова в журнале «Наш современник».

Пророчески для города прозвучали такие строки поэта:

*Вот скоро на этой поляне,
Где водится стайка опять,
Появится школьное здание,
Заполнится гамом ребят.*

*Мне радостно это представить:
Закончим строительство мы,
И там, где волнуются травы,
Начнут волноваться умы!*

И уже в сентябре 2009 года в городе-спутнике «Лесная поляна» открылась новая школа, оснащенная самым современным оборудованием.

Владимир Иванов – яркий поэт, выросший в угольном крае, на Кемеровском руднике. Воспитанник литературной студии «Притомье», член Союза писателей России, он тесно связан со словесностью родной земли. Его первую книгу «Беседую с тобой» сопроводил предисловием Игорь Киселёв. Недавнюю книгу «Хлебозоры» напутствовал добрым словом Виктор Баянов. Владимир Иванов состоял в творческой переписке и неоднократно встречался с Василием Фёдоровым.

Интересная подробность: книга его стихов «Всё любимо с детских лет» рекомендована для школ, для использования в учебном процессе. Она включена в электронную библиотеку «Детская Сибиряда: золотой фонд детской литературы Сибири».

Владимир Иванов участвует в нашем разговоре о кедре, о сибирской тайге, которая помогала людям выжить во время Великой Отечественной войны.

● Владимир Иванов

Раньше здесь начиналась черневая тайга. Потом по мере застройки, обживания местности тайга отодвинулась дальше. Вместо нее остались вот эти островки разлапистого пихтача. А дальше, насколько хватал глаз, зеленела тайга. Вся жизнь с детства связана с ней! С дедом еще в мальчишеские годы обошел Ваня близкие кедряки. Поначалу дед разрешал лазить только на кедровые невысокие, с толстыми надежными ветками, которые начинались почти от земли. Потом пошли кедровые

потруднее. Когда нижняя ветка была уж слишком высоко, дед вырубал шест с надежной рогатиной, приставлял к стволу кедра, по этому шесту Ваня забирался наверх.

Многому в лесу научил дед мальчишку. Вся таежная его наука здорово сгодилась Ване в военные годы, когда отец был на фронте, а дед к тому времени ослаб и на промысел Ваня отправлялся с матерью. Тут он был беспрекословным хозяином. В каком направлении следовать дальше, где сделать привал – слово было за ним. Чтобы не попасть впросак, решения принимал взвешенно, в лесу манерами старался походить на взрослого мужика. Иногда с ними просились вдовы. Тогда уж трудились артелью, и первым лицом был снова Ваня. Еще бы! Ведь это он лазил на кедр и сбивал шишки! Женщины собирали их внизу в мешки и относили к заранее выбранному привалу под густой хвойной кроной старого дерева.

Артелью можно шишкарить весь световой день. Оставались в лесу с ночевкой. К вечеру набиралась гора шишек. Подкрепившись, начинали шелушить. В сумерки разводили костер и продолжали работу при свете огня. Ваня лупил по шишке, она расплющивалась, потом резко проводил колотушкой по бревну, которое предварительно стесывали и ребрили на манер стиральной доски. Женщины на широкой холстине просеивали через железную сетку орехи от мусора, потом чашкой делили на равные части по числу людей.

Зимой лежи себе, щелкай орешки! А подслащенное кедровое молоко! Губы оближешь! Мать в казанке толкла орехи, пока не образуется вязкая каша, потом заливала теплой водой, размешивала хорошенько и процеживала. Добавишь маленько сахару – и лучшего напитка не надо! Вот так тайга заменяла корову в хозяйстве.

Тайга была кормилицей во все времена, но особенно она выручала в голодные годы, будто чувствовала – людям без нее не прожить. Откуда по весне первая свежая зелень? Из тайги! Уже перед Первомаем из-под снега пробиваются первые, чуть больше спички, росточки колбы – сибирской

черемши. А потом с каждым днем идет она стремительно в рост, теряя терпкость и острую горечь. Войди в эту пору в каждый дом – на столе пучок зеленых витаминов сдабривает приевшуюся за зиму картошку. Истосковавшиеся, изголодавшиеся по зелени глаза невозможно отвести от этого пучочка! И какая окрошка без колбы! Был Иван Василич в санатории, подавали окрошку с зеленым луком, – так она показалась ненатуральной, лишь потом понемногу привык.

А в июне уже поспевают другая улада – жимолость. Каждая хозяйка спешит тогда со своими ребятишками на заветное место, где дожидаются сизые с вязким кисло-терпким вкусом ягоды. Отменное варенье из жимолости! Первое в новом году! Зачин есть, а там уже пошло-поехало! В поймах и по берегам водоемов прозрачными гроздьями – даже семечки видны! – наливается красная смородина – ягода-кислица. Вслед за ней в урёмках да на болотах и черная смородина начинает поспевать, потом черемуха, рябина.

И венец всему – кедровый орех! Хоть по кедрам Иван Василич теперь уже не лазит, не те годы, но про ореховый сезон начинает думать загодя, – сходит в таежку к ближайшим кедром, поглядит на завязь: будет нынче урожай шишек или нет.

Лидия Леоненко

Мы предъявляем счет войне

Леоненко Лидия Тихоновна родилась в 1933 году в городе Кемерове. Окончила химико-технологический техникум. Вся трудовая деятельность прошла в производственном объединении «Прогресс»: сначала в должности бригадира, затем инженера. Пятнадцать лет была редактором многотиражной газеты «Заводская правда».

У всех у нас есть счет к войне.

У матерей, что не увидят сыновей. Сыновья остались вечно молодыми.

У ветеранов фронта, что остались живыми, но им пришлось и шагать, и ползти под дождем и снегом по бездорожью, болотам.

У детей и подростков того страшного времени, которые не совсем понимали, почему плачут их матери, прижимая к губам последнюю весточку – похоронное извещение.

Я хорошо помню этот светлый, теплый, солнечный день. Воскресенье – 22 июня 1941 года. Это было время белоснежного цветенья черемух и яблонь. Как обычно, я, мои две сестренки и соседские дети играли во дворе двухквартирного дома на Советской улице. Мои родители и соседи сидели на своих крылечках, лузгали семечки да говорили о своих житейских проблемах. Вдруг кто-то из взрослых, выйдя из сеней, громко, как-то удивленно, а точнее – недоуменно, выдохнул: «В о й н а !».

Мы, конечно, не понимали, что означает это слово. Но плач женщин, волнение мужчин передалось и нам. Дети есть дети – стали собирать камни, гальки, кидать в небо и

кричать: «Да мы немецкие самолеты галькой закидаем!».

Первые повестки, провода мужчин, плач знакомых, родных, близких. Один за другим уходили мужчины: Померанцев, Пронин и другие, что жили рядом.

Мне шел восьмой год. В первый класс я пошла в самую красивую школу города – на Притомской набережной. Надеть было нечего. Мама мне сшила сумку через плечо – нищенку – и отдала свои сапоги тридцать седьмого размера. В них я с трудом переходила дорогу, которую разбили стада коров, поэтому грязь на ней была по колено. Пришлось и пореветь. Однажды я застряла посреди дороги. Какой-то мужчина, увидев такую беду, вытащил меня из сапог, поставил на тротуар, а потом и сапоги принес.

Война разгоралась. Стали эшелонами поступать раненые. Школьников перевели в двухэтажную сорок первую школу, а первую сдали под госпиталь. Потом и эту заполнили ранеными, а мы перешли в деревянную одноэтажку, где была библиотека. Помню, как топились печи, вспыхивали красным пламенем дрова. Кормили обедом – это был маленький кусочек хлеба и стакан горячего чая с сахарином. Писали на оберточной бумаге или на листах книг между печатными строчками. Чернила замерзали в чернильницах. Стояли сильные холода. Но и эту школу отдали раненым бойцам. Всех перевели в школу, находящуюся на пересечении Кузнецкого проспекта и улицы Островского. Позднее там была школа милиции.

Именно в школе меня научили вязать, вышивать, делать мережки. Мы шили кисеты, кроили платочки, женщины вязали рукавицы и носки. Потом все это отсылалось на фронт. Мы научились подбирать и правильно надевать противогаз. Началась эпидемия сыпного и брюшного тифа. Всех обстригли наголо.

Еще была одна напасть. Голод. Искали жмых, который привозили для лошадей. Разбивали его кирпичами и сосали как конфеты.

Ходили в госпитали к раненым. Читали письма родных, фронтовые сводки, пели, рассказывали стихи. Кругом лежали забинтованные бойцы. Кто без рук, кто без ног, кто без глаз. В основном это была молодежь.

Интересно, почему-то во время войны не рождалась картошка. Сажали ее по 25 соток, а урожай уносили на спине или же везли на самодельной тележке. Один впрягался в оглобли, а другой толкал сзади. Но тележка постоянно ломалась. Поздней осенью собирали оставшиеся клубни, ждали, когда они отойдут от инея, резали на кружочки, пекли на печке без соли, без масла. Как было вкусно! Стирали в щелоке, разводя древесную золу в воде. Соли, спичек тоже не хватало. Хлеб был странным, рассыпался на миллионы крошек, а когда совсем стало плохо с мукой, его пекли с картофелем внутри. И все равно это был Хлеб! В очередях за ним долгие ночи простаивали женщины и дети, грея ноги в золе.

О витаминах не вспоминали. Все время хотелось есть. Когда появилась крупная серая соль, ее заворачивали в тряпочки, клали в горячую золу поддувала. Сколько она там пеклась – не помню. Но когда ее сыпали на хлеб – это было настоящее наслаждение. Бутерброд распространял запах настоящих куриных яиц. Хозяйки научились делать овощное рагу без масла, на воде. Томили в чугунах картофель, морковь, брюкву, свеклу. Какая это была вкуснота!

Чем же топили печи? – спросит кто-нибудь. Это сейчас уголь развозят по домам. Иногда кто-то шел на преступление, воруя уголь с проходивших составов. Те же, кто жил близко к Томи, рыли метровые ямы, вычерпывали воду, а затем топором вырубали уголь. Его пласты выходили прямо на берег.

В целом же основным питанием в те годы была черемша, или по-сибирски колба. Ели без соли, но она не казалась горькой.

Поздними вечерами по улице ходили десятковые. Стучали в ставни, у кого через щели был виден свет. А чтобы в случае обстрела стекла окон не вылетели, крест на крест их заклеивали полосками бумаги.

В те жестокие годы ребятишек учили играть на духовых инструментах. Руководил оркестром Суховольский. Уставшие от 12–16-часовой смены девушки бежали в горсад. Обувь, сшитой из мешочков из-под пороха, хватало на один вальс. Башмаки на деревянной подошве к классическим танцам не подходили.

В Кировском районе лучшую тогда девятинадцатую школу тоже отдали под госпиталь. Дети учились во Дворце культуры. Их учили стрелять из автомата, рыть окопы в Березовой роще. Вообще район был как бы базой, готовившей многие виды вооружения для Красной Армии. Это были литые оболочки для мин, снаряды для торпедных катеров, заряды для легендарной «Катюши», пороха для винтовок и пистолетов, начинка для торпед.

Помню базар на Красной улице. Сейчас это Центральный рынок. Он был окружен немислимыми палатками из старых досок и хламья. Покалеченные физически, безногие люди точили здесь ножи, подшивали, клеили обувь. А некоторые, усевшись на земле, зазывно кричали: «Приехал из Америки на зеленом венике! Подходите, играйте, деньги забирайте». Играли в наперсток, игравших не видела, а зевак было много. В вагонах по-

езда ходили тоже вылечившиеся раненные. Кто просил подавание, кто пел простуженным голосом песни.

Меня кто-то может спросить, почему я много рассказываю о тыловых буднях. Но ведь без хорошего тыла одержать победу просто невозможно.

В семье Псковитиных было три брата: Михаил, Павел, Александр. Первые двое сразу ушли на фронт. А тринадцатилетнего Александра призвали работать на завод «Коммунар». Увидев, как трудятся женщины и такие же подростки, он попросту сбежал. За это его осудили. Ночью сидел на гауптвахте, днем под конвоем приводили в цех. Эта же участь постигла Бориса Савельева и многих других ребят.

На военных заводах случались и взрывы. Так, в 1942 году на «Коммунаре» прогремел такой взрыв, что у нас, на левом берегу, а жили недалеко от Искитимки, сорвало окна вместе со шпингалетами. Тогда погибло много молодых людей, в том числе и дочь наших знакомых – Елена Фарафонтова. Она тоже не хотела работать на военном заводе. Привезли насильно, через несколько дней взрыв. Ее родители нашли только голову дочери, которая повисла на длинных косях на проводах. В ДК в это время шел фильм «Принц и нищий». Свободные от занятий ребяташки побежали к месту взрыва. Их вернули. Кто-то сказал: возможен второй взрыв. К счастью, его не было.

На многих заводах трудились эвакуированные из Ленинграда, Сталинграда, Москвы. Вывозили с мест боев женщин и детей. Шалоткина Анна Ивановна (ей было одиннадцать лет) добиралась в Сибирь вместе с мамой из Сталинграда. Так и осталась в наших краях. Сегодня ей восемьдесят лет, но она всегда помнит об этих тяжелых днях эвакуации. А о вымиравшем в годы войны Ленинграде разве можно забыть? Мария Степанова девочкой была вывезена из Ленинграда. У нее не осталось ни единого

зуба. Все выпали в результате голодания. И таких судеб было великое множество.

Особенно большие трудности испытали юноши и девушки на фронтах Великой Отечественной войны. К сожалению, уже многих нет в живых. Вот только несколько примеров из тысяч биографий бойцов.

Николай Евдокимович Слобожанинов учился в техникуме, готовившем специалистов для оборонных заводов. Утром вместо учебников он положил в сумку кружку, ложку, краюшку хлеба, написал записку и ушел в военкомат. Скоро он был уже на фронте. В боях под Донецком его тяжело ранило, еще и контузило. После боя Слабужанинова нашли под шевелящейся над ним землей. Сначала был полевой госпиталь, потом стационарный, где он пролежал полгода. О нем никто ничего не знал, посчитали, что Николай Евдокимович погиб. Отправили похоронку матери. А его фамилию, как и имена многих других бойцов, высекли на стеле. На праздновании 50-летия Великой Победы он увидел свою фамилию среди погибших.

Раиса Ивановна Черева, а ей не было и шестнадцати лет, сразу после объявления войны побежала в райвоенкомат с надеждой, что вот-вот она будет на фронте. Но усталый раздраженный военком сказал: «Подрасти, дочка, ты вон какая маленькая!». Несколько раз Рая ходила в военкомат и на цыпочки вставала, чтобы казаться выше, и лет прибавляла. Все же добилась своего. Попала на фронт в качестве снайпера. Многим фашистам не поздоровилось от ее рук.

Василий Александрович Печерин. Ему было восемнадцать. При форсировании Днепра на лодке с ранеными ему оторвало руку. Только на берегу Печерин потерял сознание. Его подобрала. Выжил. Окончил институт, вырастил детей и несколько лет возглавлял один из новых цехов, изготавливающих твердое ракетное топливо.

Клавдия Михайловна Денисова. Я знала, что она фронтовичка. Но как ни старалась узнать у этой красивой женщины с темными огромными глазами и шапкой выющихся седых волос про ее военную специальность, она упорно молчала. Только по прошествии многих лет К. М. Денисова открылась, что была водителем, собирая вместе с санитаром ночью мертвых бойцов. Представляете, что за зрелище для молодой девушки!

Наша семья Колоснических тоже получила четыре похоронки. Это были мамины братья. Все погибли на разных фронтах.

Еще недавно счет погибших велся на 20 миллионов. Сейчас считается, что число потерь было намного больше. А если подсчитать всех умерших в концлагерях, сожженных в газовых камерах Освенцима, Дахау, эта цифра будет ужасающей.

О всех фронтовых событиях сообщалось в передаче «Огонь по врагу», которую вели артисты под псевдонимами Огонькова и Ветеркова.

Рассказывать о воинах Великой Отечественной войны, о ветеранах тыла можно бесконечно. Рядом воевали русский, молдаван, татарин – люди разных национальностей, различных религиозных конфессий. Дорогие ветераны, многие из которых были награждены орденами и медалями за оборону Москвы, бои на Курской дуге, Сталинградскую битву, снятие Ленинградской блокады! Как их не назвать из многих-многих тысяч?! Это Виктор Ушаков, Василий Заремба, Махам Хасанов, Михаил Зубов. Героя Советского Союза получил Василий Толстиков. В честь него была названа улица.

Любовь Корнеевну Ивлеву я встречаю часто. Естественно, она седая, в очках, статная, но... без правой руки. Ее оторвало в одном из боев. Любовь Корнеевна не потерялась в этой трудной, хотя и мирной жизни. Она научилась шить, вязать, готовить левой рукой,

а рукав правой аккуратно прячет в карман.

Федор Филиппович Никифоров строил завод 392. На маленьком бульдозере «Пионер» рыл под фундаменты зданий котлованы. Отсюда добровольцем ушел на фронт. Стал моряком на торпедном катере. Это был удивительный человек! Он читал наизусть всю поэму Твардовского «Василий Теркин». Прекрасно играл на баяне, знал множество частушек. Несмотря на возраст, лихие военные годы, нездоровье, никогда не унывал. Его любви к жизни смог бы позавидовать каждый.

Иногда средства массовой информации сообщают о том, что Гитлер поднял всю молодежь в результате сильнейшей массовой идеологизации. Очень часто говорилось: все те, кто не арийцы, должны быть уничтожены. Наша идеология была намного выше. Несмотря на плакаты «Родина-мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?», людское сердце рвалось в военкоматы не по повесткам, не по призыву, а по совести. Родине грозит коричневая чума. Шли туда, где смешались небо и земля, чтобы защитить ее от посягательств врага.

Иногда молодые люди, а ими были в основном молодые, становились безвестными. До сегодняшнего дня на местах ожесточенных боев поисковые отряды по медальонам находят останки бойцов.

Я хорошо помню после Победы, как немцы, побывавшие в нашем плену, копали огороды, были заняты на строительных объектах. В глаза никогда никому не смотрели. Были худыми, изможденными. Хотелось верить, что не все из них были извергами.

В день 65-летия Победы хочется поблагодарить всех ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов тыла, выстрадавших голодные годы войны. Свой счет к этой кровопролитной войне могут предъявить все, живущие в нашей большой стране и за ее пределами.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Воспоминания ветеранов тыла

Напечатанная выше статья **Лидии Тихоновны Леоненко** «Мы предъявляем счет войне» взята из воспоминаний ветеранов тыла, которые собраны в Кемеровском городском совете ветеранов. Воспоминаний много: десятки и сотни. Авторы в основном бывшие труженики предприятий города, пережившие тяготы Великой Отечественной войны. Представители разных профессий. Ныне пенсионеры.

Вот что пишет **Александр Ефимович Кравченко**, 1924 года рождения:

«На шахту «Северная» я попал после окончания ФЗО в 1940 году. Стал мотористом. Потом освоил профессии отгрёбщика, уборщика угля, запальщика. После краткосрочных курсов в течение 11 лет был горным мастером. Перед пенсией трудился горнорабочим очистного забоя.

В период войны работали без выходных по 12–14 часов. На шахте действовал режим военного времени. От нас требовали четкого выполнения планов. Были случаи, когда рабочих возвращали в шахту и держали там, пока они не справятся со сменными заданиями. Но потом мы сами развернули соревнование среди забойщиков, проходчиков, между участками по выполнению норм выработки, сверхплановые тонны угля посвящали шахтерам, которые ушли на фронт.

Хлеб давали по карточкам – на шахтера 1200 граммов в сутки. Из них 200 граммов сразу выделяли для помощи фронтовикам.

Здесь я нашел свою любовь. В 1948 году женился на девушке, которая тоже работала на шахте «Северная» мотористкой. Прожили

мы с ней более 60 лет. У нас две дочери, а в 1952 году родился сын, который тоже стал шахтером и работал вместе с нами. Наш совместный трудовой стаж около 110 лет».

В связи с тем что мужчины уходили на фронт, в шахту спускались женщины и подростки. **Мария Егоровна Пуховская**, 1918 года рождения, в возрасте 19 лет в 1937 году поступила на шахту «Центральная» – зарядчицей в ламповую. Окончила курсы повышения квалификации в 1940 году и стала мотористкой на участке № 2 шахты «Северная». Она вспоминает:

«В 1941 году все отрасли народного хозяйства, все шахты, заводы и фабрики были переведены на военное положение. Работали под девизом «Всё для фронта, всё для победы». И пока шла война, мы, шахтеры, не бывали в отпусках, трудились без выходных, порой по 14 часов в сутки. Всем были установлены сменные задания, и, если плана за смену не было, нас не поднимали на поверхность. После смены, пока помоемся и доберемся до дома, уже надо опять идти на работу.

Нам, женщинам, приходилось работать забойщиками, отгрёбщицами, запальщицами. Так, в 1942 году меня отправили на курсы, после их окончания я до конца войны работала запальщицей. Жили мы в общежитии. Питание скудное. В начале войны хлеба давали по 700 граммов, а с 1943 года – по 1200 граммов.

Замуж вышла в 1948 году. Муж – шахтер. С 1943 по 1993 год был забойщиком. Сын Владимир на шахте был горнорабочим, проходчиком, горным мастером, помощ-

ником начальника участка. Награжден знаками «Шахтерская слава» второй и третьей степени.

После рождения третьего сына в 1962 году я перешла работать в шахтовый детский сад, а в 1968 году уволилась на пенсию по старости. Таким образом, я проработала на шахте 31 год.

Внук Анатолий уже 13 лет трудится в угольной промышленности. Сейчас он работает горным мастером на шахте «Владимировская». Шахтерская династия продолжается в наших внуках и, надеюсь, продолжится в правнуках».

В Кемерово были эвакуированы многие предприятия с территории, оккупированной немцами. **Мирдза Яновна Трейде**, 1922 года рождения, так вспоминает это время:

«Выехали мы в Сибирь из Харькова 26 сентября 1941 года последним эшелонам с оборудованием и персоналом завода ХЭМЗ. А буквально через три дня город был занят фашистами. Ехали под постоянными бомбежками. Оккупанты делали все возможное, чтобы завод был уничтожен и не мог давать продукцию для фронта. Мы это хорошо понимали. Поэтому берегли и себя, и оборудование, на котором нам предстояло трудиться для фронта и Победы. Эшелон во время бомбежек вставал на путях без движения, и мы бежали в лес, чтобы спрятаться. Однажды в такой обстановке мы не заметили, что в кустарнике болото, и мой отец чуть не утонул. Своими глазами видела полностью разбитый впереди идущий эшелон: сгоревшие вагоны, воронки, трупы, крики раненых... Мы сами расчищали себе путь, восстанавливали поврежденные рельсы. Трупы и отдельные части тел складывали в воронки и прикрывали землей. Сами остались живы и сумели сохранить оборудование завода.

Приехали в Кемерово в ноябре 1941 года. Молчаливые, мы шагали по улицам города. Вместо транспарантов у нас в руках были чемоданы, а в сердце тоска о родном городе, в который уже вошли фашисты. И вдруг рослая, черноглазая, красивая дивчина по имени Ева крикнула: «Ребята, долой грусть, споем!» И десятки голосов подхватили песню: «Если завтра война, если завтра в поход».

На другой день над проходной уже висел плакат: «Мы построим завод, мы отомстим врагу». Так началась наша жизнь на Сибирской земле. Трудно было. Не хватало кадров, одежды, обуви. Но всегда в трудную минуту появлялась Ева, та самая черноглазая девушка. Ее страстный убежденный голос, ее вера в победу заставляли загрустивших ребят поднимать головы. Скоро Ева Шварц стала всеобщей любимицей, много сил и энергии отдавала общественной работе. Ее за день можно было видеть сразу в двадцати местах. Придешь в один цех, спросишь: а где Ева? Отвечают: а только что ушла.

Вечером в ее кабинете допоздна горел огонь. Молодые и опытные рабочие решали, как быстрее восстановить производство электродвигателей и освоить выпуск новой продукции.

После окончания войны Ева Шварц опять уехала в Харьков. В письме к своему брату она писала: «Много лет прошло после окончания войны. Но завод, на котором прошла моя суровая юность, я никогда не забуду. Я полюбила Сибирь. Всегда буду помнить своих товарищей, с которыми делила и горечь поражения, и радость победы».

Во время войны у нас, у молодежи, были и светлые дни. Сколько было радости, когда в марте 1942 года на фронт была отправлена первая партия электромашин. А в августе того же года в соревновании среди смежных предприятий завод занял третье место. В

этом была очень большая заслуга молодежи. Вот несколько примеров их трудовых подвигов. Шестнадцатилетние Кирилл Лопатин, Борис Жукович, Юрий Белоногов, Володя Гладков, Николай Ливанов в короткий срок освоили профессии токарей, фрезеровщиков и выполняли нормы на 160 процентов. Молодой слесарь восьмого цеха Вася Чанов, узнав, что план цеха «трещит», сказал: «Обязуюсь в день давать четыре нормы». И слово свое сдержал. Женя Егоршина совершенно новый технологический процесс обмотки секций электродвигателя освоила за два дня и на третий день уже выполняла норму на 250 процентов. Мария Иванова, Мария Кудрявцева, Катя Разумова в нерабочее время собрали моторы и отправили их в подарок шахтерам Кузбасса. Молодой рационализатор Леня Синяговский очень быстро освоил несколько станков и выполнял свыше пяти норм за смену.

16 апреля 1943 года еженедельная стенгазета «Сигнал» № 74 рассказывала, как молодые обмотчицы борются за выполнение плана. Лузина и Иванов в ночную смену выполняли трехсменное задание. Так самоотверженно работали девушки и ребята во всех цехах.

У нас надолго остался в памяти 1943 год. Лютая зима, долгий рабочий день, военный скудный паек. А план был большой. Он предусматривал выпуск товарной продукции на 80 процентов больше прежнего плана, а по моторам – на 60 процентов, по взрывобезопасным аппаратам – на 250 процентов. Потеря Донецкого угольного бассейна и развитие промышленности в восточных районах страны требовали от Кузбасса резкого увеличения добычи угля на шахтах. Находясь в центре Кузнецкого угольного бассейна, наш завод способствовал организации производства взрывобезопасных электродвигателей и аппаратов для оснащения шахт.

В 1943 году силами заводчан было введено в эксплуатацию 3 тысячи квадратных метров новых производственных площадей.

К 25-летию юбилею Красной Армии на митингах снова звучали страстные голоса молодежи – Миши Семенова, Кирилла Лопатина, Марии Филяевой, Евы Шварц: «Переплавим всю нашу ненависть к врагу в новую сверхплановую продукцию!». И уже на следующий день на фанерных досках появились новые имена молодых ударников труда».

А вот воспоминания **Николая Кузьмича Тяпкина** с «Химпрома»:

«На азотно-туковый завод был направлен после окончания ремесленного училища в 1941 году. Стаж – 48 лет, почетный ветеран объединения, награжден орденами «Знак Почета», Октябрьской Революции и многими медалями. Длительное время в совете ветеранов был председателем клуба ветеранов.

Когда была пущена вторая очередь производства аммиака в цехе № 1, нехватка кадров ощущалась с особой остротой. Перешли на 12-часовой график работы, но и это не спасало положения. Вот тогда, в начале 1943 года, я предложил создать сквозную бригаду из трех человек, в которой каждый член бригады обслуживает в смену два аппарата разделения коксового газа вместо одного по норме. Я уже имел 7-й разряд, и меня назначили бригадиром, а бригаде присвоили звание фронтовой. Почин нашей бригады распространился по всем цехам. Каждый себя считал бойцом в тылу. И действительно, порой мы рисковали не только здоровьем, но и жизнью, так как на ходу устраняли сложные аварии. И не считали это героизмом. А после смены еще ездили в колхоз на уборку овощей. Помню, за хорошую работу меня премировали отрезом ткани на рубашку.

С супругой Александрой Яковлевной в общей сложности мы отработали в этом цехе 85 лет.

Газета «За азот», 1944 год: «Лучшая комсомольско-молодежная бригада». Решением ЦК ВЛКСМ и Наркомхимпрома по итогам Всесоюзного соцсоревнования молодежных бригад за четвертый квартал отмечена хорошая работа бригады Тяпкина.

Желаю дальнейших успехов.

Зам. Наркомхимпрома – Романов».

Сорок лет **Мария Егоровна Иванова** проработала на азотно-туковом заводе (теперь «Химпром») машинистом компрессоров.

«В 1942 году, – рассказывает Мария Егоровна, – после освобождения нашей Калининградской области от оккупации нас, 13–14 летних ребят, в теплушках вывезли в Кемерово. Меня определили в ремесленное училище № 6. Училась и одновременно проходила практику на азотно-туковом заводе. Получила специальность слесаря 5-го разряда. После стажировки работала машинистом компрессоров на производстве аммиака (цех № 1). Из-за маленького роста (1 метр 40 см) мне подставляли ящики, чтоб дотянулась до вентиля, да и силенки не всегда хватало. Зачастую маховики вентиля помогала мне крутить мастер (в цехе работали в основном подростки и женщины).

Было холодно и голодно. Но главное, была взаимовыручка и в работе, и в быту. Я потеряла продовольственную карточку на месяц. После смены в столовой мы получали спецпитание. Со мной делились девочки, с которыми я работала. Мастер спросила, почему я такая худая. Когда узнала причину, дала дополнительные талоны.

Отработав на производстве, мы выезжали и на сельхозработы. Был такой случай на уборке картофеля. На ногах прохудились тапочки, сшитые из одеяла, выпал снег, ноги

промокли. Меня отправили домой. Еду в трамвае, спрятала замерзшие ноги «под себя». Ко мне подошла женщина и говорит: «Деточка (ростом я была маленькая), не сиди, замерзнешь, встань выйди из трамвая и бегом до дома (до общежития), чтоб ноги не отморозила». И, несмотря на все трудности, мы знали и верили – все во имя Победы. И главной поддержкой в эти трудные годы были доброжелательность друг к другу и огромное желание помочь фронту».

Вспоминает **Никита Григорьевич Хайдаров**, 1929 года рождения:

«Я пошел устраиваться на работу на завод 630 (анилино-красочный) с мамой, чтобы не потерять свидетельство о рождении. Мне тогда исполнилось 14 лет. Меня приняли учеником слесаря в механический цех, а в январе 1944 года я стал слесарем в цехе № 8. Было очень холодно и голодно. Норма хлеба на сутки 800 граммов. Теплой одежды и обуви не было, морозы 40–43 градуса. Жили прямо в цехе. Работали в основном женщины и дети в возрасте от 14 до 16 лет, но работали дружно.

В 1943 году начальником цеха был Дьяченко, мастером – Клавдия Мамонт, а моим наставником был Николай Андреевич Зайцев, хороший человек, заботился обо мне, научил правильно держать молоток и зубило. Что знал сам, передавал мне. Нас, подростков 14–15 лет, было в мехцехе шесть человек. А потом с нами двоими занималась мастер, мы немного разбирались в чертежах. На разряд сдавали через 6–8 месяцев. Я получил 3-й разряд рабочего.

В 1945 году 9 мая нас, ребят, впервые накормили досыта. Это был день Победы. Потом я пошел в вечернюю школу, закончил 5-й и 6-й классы.

С апреля 1950 года по ноябрь 1953-го служил в рядах Советской Армии. После армии

я вернулся на свой завод. Теперь уже давали спецодежду, рукавицы, спецпитание.

На заводе я проработал с марта 1943 по июль 1979 года, более 36 лет».

Председатель совета ветеранов ОАО «Кокс» **Михаил Яковлевич Гудов** подготовил десятки воспоминаний своих сослуживцев и написал свои собственные:

«В первые дни войны с нашего завода ушли в действующую армию: Антропов Мартемьян Кузьмич – начальник смены пекококсового цеха, русский; Ахметов Магпар – аппаратчик цеха ректификации, калмык; Батардинов Фарахатин – чернорабочий коксового цеха, татарин; Басыня Илларион Игнатьевич – конюх пригородного хозяйства, украинец; Герщерук Александр Федорович – контролёр ОТК, белорус; Файн Арон Юнович, – зав. столовой, еврей; Иваницкий Владимир Федорович – токарь литейно-механического цеха, поляк. И представители других национальностей необъятной России.

Уходя на фронт, на митинге 23 июня 1941 года один из рабочих заявил: «Я русский. Моё Отечество от Белого моря до Тихого океана. Это они, мои предки, шли по степям и тайге Сибири вместе с Ермаком. Это они дрались в полках Петра Великого. Это их кони пили воду из Рейна. Это они защищали свою Родину, когда стояли плечом к плечу на Бородинском поле. Это они – рязанские, тамбовские, тульские и сибирские мужики победили «непобедимого» Наполеона и погребли его армию на полях России. Русский народ никогда не отдавал своей земли врагу. Ко мне в сердце вошли: украинцы, казахи, армяне, грузины, узбеки, туркмены... Мы сыны великой России!».

Провожая на фронт своих товарищей, рабочие завода говорили: «Мы обещаем, что коллектив завода будет в полную силу работать на оборону Отечества. Сегодня страна призвала вас, если будет нужно, мы тоже

пойдём с оружием на врага. Жены, сестры, матери заменят вас у станков и аппаратов. Мы гордимся нашими женщинами».

Химики помнят: на Первомайской демонстрации в Кемерове, чеканя шаг, в черных шинелях, мимо трибуны проходят воспитанники восьмого ремесленного училища коксохимзавода. Идут Иван Хлопунов, Михаил Зуев, Иван Кириченко, Василий Дубовик, Василий Бабанский. Машинист электропаровых машин Василий Бабанский учился в ремесленном училище, работал на заводе и посещал городской аэроклуб. Мы не знали тогда, что в жестоких боях с врагами летчик Бабанский совершит подвиг и будет отмечен орденом Красной Звезды. Не знали, что сын ветерана войны Юрий Бабанский проявит мужество и стойкость на границе с Китаем в марте 1969 года и будет удостоен звания Героя Советского Союза. Но мы знали: наши товарищи в нужный час не пожалеют для Родины своей жизни.

Редко кто из жителей Кемерова знает что-либо о своём земляке Владимире Федоровиче Мартыненко. Родители Владимира Федоровича – ветераны Кемеровского коксохимического завода Федор Карпович и Евдокия Ивановна. Дед Владимира пришел на коксохимический завод, когда на месте цехов был пустырь.

Старший из четырех братьев, Владимир, пошел по стопам родителей. Окончив обычную для тех лет семилетку в 1937 году, в возрасте 14 лет стал учеником токаря в литейно-механическом цехе коксохимзавода. Ходил на занятия аэроклуба. Как лучшего курсанта Владимира направляют в военную летную школу города Новосибирска. Рвался на фронт, но постоянно получал отказ. Несколько воспитанников Мартыненко стали Героями Советского Союза.

После войны Владимир служил в эскадрилье воздушных асов, участвовал в смотрах

и парадах. В 1955 году его в числе немногих направляют в город Семипалатинск для выполнения особого задания правительства. Владимир Мартыненко служил в секретном испытательном подразделении.

Когда встал вопрос, кому доверить испытание первой термоядерной бомбы, руководитель атомного проекта Игорь Васильевич Курчатов назвал экипаж Владимира Мартыненко.

Это была одна из крупнейших побед Советского Союза в холодной войне.

В летной книжке Владимира Мартыненко точно подсчитано, что он провел в воздухе 3240 часов, со смертоносным грузом, пролетев в общей сложности 160 тысяч километров. На парадном офицерском мундире Владимира Федоровича погоны полковника ВВС, Золотая Звезда Героя, три ордена Ленина, две Красной Звезды, орден Красного Знамени и 16 медалей...

Во время Великой Отечественной места отцов и старших братьев на коксовых батареях, у аппаратов и станков заняли старики, женщины, подростки. В те грозные дни на завод пришли: Анастасия Асанова – в будущем Герой Социалистического Труда, Зинаида Петрова, Валентин Лебедев, Иван Притыченко.

Мы отдаём дань глубокого уважения и сердечной признательности женщинам-фронтовичкам с нашего завода: Елизавете Дмитриевне Денисовой – телефонистке; медицинским сестрам: Капитолине Шульц, Марии Плехановой, Марии Мотовниковой, Татьяне Пивоваровой, Надежде Сидоровой, Александре Сидоровой.

В полках 303-й стрелковой дивизии отважно сражались: нормировщик ремонтно-механического цеха Александр Ушаков, рабочие Юрий Масленников, Николай Синицин, Василий Гордиенко.

В Кемеровском стрелковом полку 376-й Кузбасской дивизии воевали: Николай Ко-

нонов, Константин Золоторёв, Николай Набивич, Петр Чермянин и многие, многие другие работники завода.

Стояли насмерть у стен Сталинграда: Алексей Цариков, Фёдор Лысцов.

Обороняли Москву и Ленинград: Николай Рябиков, Александр Яковлев, Гиляз Мингазов, Николай Головин.

Принимали участие в боях на Курской дуге: Павел Бизякин, Иван Перевозников, Николай Скубаев, Федор Марков, Иван Притыченко, Петр Тимошенко...

Прошли всю Европу, дошли до Берлина и расписались на стенах Рейхстага: Гавриил Кузнецов, Павел Бизякин, Александр Долгополов, Николай Якин, Геннадий Чистяков, Иван Зинчик, Алексей Данилов, Анатолий Воронцов, Александр Залымов.

В мае 1942 года ушли на фронт в составе 7-го зенитно-пулёметного полка, формировавшегося в Кемерове, заводские девчата: Роза Варшавчик – лаборант ЦЗЛ, Екатерина Компанеец – дежурная подстанции, Таисья Корницкая – табельщик ОКСа, Евдокия Полушина – учётчик пекококсового цеха, Зинаида Ткаченко – коновозчик ОКСа, Пелагея Тулина – бухгалтер, Янина Шикова – газовщик коксового цеха.

В первые дни войны ушли на защиту Родины 187 коксохимиков. Из этого первого призыва не вернулись домой 110 человек. Их имена высечены на гранитной стеле.

Мы склоняем свои головы перед светлой памятью тех, кто, защищая Родину, не вернулся с поля брани».

Это лишь несколько воспоминаний из тех, что собраны в городском совете ветеранов. Отдельные человеческие судьбы слагаются в судьбу города, Кузбасса, страны. Когда читаешь эти искренние страницы, понимаешь, почему мы победили в Великой Отечественной войне.

Василий ПОПОК

ВО ИМЯ ПРАВДЫ О ВОЙНЕ

Пару лет назад телевизионный канал «Россия», Институт российской истории РАН и социологический фонд «Общественное мнение» провёл опрос «Имя России». Идея опроса состояла в том, чтобы назвать самых-самых россиян, людей на века, символизирующих нашу страну, делающих её узнаваемой для иностранцев. И для нас самих.

С первых дней опроса лидировал Иосиф Сталин. Это шокировало устроителей. Когда количество голосов достигло астрономических величин, они объявили «обнуление» счётчика. Голоса стали собирать вновь. И результат получился «правильным». Первое место досталось Александру Невскому. А Сталин стал двенадцатым.

...Одно время, в раннем детстве, я жил на окраине маленького, с ладонь, кузбасского городка, в бревенчатом бараке на восемь квартир. «Восьмиквартирка», так его и называли.

Квартирой была просторная комната квадратов на двадцать. С печкой, само собой. Плюс пристройка – сени и крыльцо.

При бараке большой двор, окружённый матёрыми тополями. Во дворе стайки для живности и сараюшки для дров и угля. За ними грунтовая дорога, указывавшая на ближние деревни. Дальше, в сотне метров, железная дорога, манившая в дальние дали. С другой, как бы фасадной стороны барака, – огороды.

Вернее, неогороженные (нечем было огораживать, да и незачем) длинные, со-

ток по десять, полосы земли. Начинались они с цветников, продолжались луковыми и огуречными грядками, а заканчивались картошкой.

Посреди двора зеленела лужайка. Летом тут ставили столы и скамейки для коллективных гулянок.

На праздники собирали складчину и ставили брагу. Иногда прикупали водочки. Но больше дело обходилось деревенской самогонкой – родня привозила. Родня у всех была деревенская, да и само барачное население считало себя сельским, потому что барак принадлежал машинно-тракторной станции, обслуживавшей колхозы с совхозами, там все и работали.

Закуска была своя. Самая простая: капуста, солёные огурцы с грибами, сало, картошка с селёдкой.

Длинных тостов не помню. «С праздником!» да и всё.

Пели песни. Многоголосные, по-старинному. А только устанет и примолкнет хор, кто-нибудь запевал: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто замерзал на снегу. Кто в Ленинград прорывался болотами, горло ломая врагу». Там припев: «Выпьем за Родину! Выпьем за Сталина! Выпьем и снова нальём!».

И все вставали. И смотрели друг на друга. Фронтовики и вдовы. Сыновья и дочери. И чокались. И выпивали.

Настоящих фронтовиков, шедших в бой с именем Сталина, уже почти нет в живых. Оставшиеся – глубокие старики.

Уже и мы, дети послевоенных сороковых, вышли в «возраст дожития» – это такой термин изобрели в Пенсионном фонде. А когда был просто возраст, о котором не задумываешься, мы переживали разное отношение к вождю Советского Союза. Обожание в детские и юношеские годы. Недоумение в период развенчания «культа личности». Неприятие, когда новые вожди уверили (и сами уверились), что потери и ошибки периода коллективизации и индустриализации и репрессии конца 1930-х годов это прямая вина Сталина.

Наконец, новые недоумения последних лет: Сталина равняют с Гитлером, коммунизм с фашизмом, военных изменников объявляют борцами за свободу.

Казалось, Сталин навсегда мрачное пятно истории. Как Нерон или Калигула. И народ уверен в этом. И вот...

Миллион с лишним голосов (после пересчёта) против двух миллионов за князя Александра, устроившего всех (как всех устраивают Пушкин и Достоевский, занявшие соответственно второе-третье места рейтинга), всё равно много. Смотрите: более полувека прошло со дня Двадцатого партсъезда, когда бывшие сталинские соратники демонизировали своего покойного «хозяина», свалив на него весь негатив, все трудности послереволюционных лет. Всё это время продолжался (а в последние десятилетия многократно усилился) «чёрный пиар» против Сталина. И всё равно в народной памяти он остаётся почитаемой исторической фигурой.

В чём дело? Ведь, кажется, все знают: это Сталин сгубил миллионы душ, это Сталин – гений всемирного злодейства, это, несмотря на Сталина, мы победили во Второй мировой войне, это он – само вероломство, коварство, византийство в худших своих проявлениях. Возник даже термин «стали-

низм» и характеризующее время понятие – «сталинщина». Они обозначают худшее, что могло случиться (и случилось) с нашим народом.

Однако почему так уважителен был к Сталину его бывший союзник и скорый враг, автор «Фултонской речи», после которой началась «холодная война», я об Уинстоне Черчилле? Широко известны слова великого британца о том, что Сталин принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой.

Надо добавить – с космической техникой, ведь всего через четыре года после его кончины взлетел первый в мире искусственный спутник Земли.

Франклин Рузвельт был просто-таки влюблён в Сталина – в Тегеране, во время первой конференции союзников, он жил в особняке советского посольства.

А вот слова Шарля де Голля: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений».

Писатель Илья Эренбург вспоминает, что в воюющей против фашизма Испании, в Андалузии, бойцы называли свою часть «Батальон Сталина».

Кстати, именно тогда начиналась настоящая война с испанскими, итальянскими, японскими и германскими «наци», окончившаяся в 1945-м. И в Китае, восставшем против японцев в те же 1930-е. А потом на Халхин-Голе.

Припомните исторические книжки: союз Гитлера, Муссолини, японского микадо и генерала Франко был АНТИКОМИНТЕРНОВСКИМ БЛОКОМ. А что такое Коминтерн? Вестимо, Коммунистический Интернационал, возглавленный Советским Союзом. Вождём же нашего Союза был Иосиф Виссарионович Сталин.

Военачальники Отечественной войны Рокоссовский и Мерецков (оба прошли через репрессии) безоговорочно уважали Сталина, возродившего Красную Армию в новом качестве, пересадившего её с лошадей на танки, поменявшего сабельки и винтовки на автоматы ППШ (потом и на «Калашниковы»), создавшего воздушный флот Советского Союза.

Кстати, что за люди были наши отцы и деды, победившие в Великой войне? Прежде всего, они были ГРАМОТНЫЕ люди. Только грамотный человек мог овладеть военной техникой. Только хорошо владевший ею мог стать победителем.

Уверен, что лучше всех в СССР нужду в образованных людях понимал Сталин. Это он начал индустриализацию в промышленности. Это он совершил индустриальную революцию в селе, пересадив крестьянство на трактора.

Для справки. В Российской империи четыре пятых населения были неграмотными (перепись 1897 года). К началу Первой мировой войны ситуация не изменилась. Согласно отчёту Ежегодника центрального статистического комитета за 1912 год, в 51 губернии Центральной России (125 миллионов душ из всех 174) было 229 грамотных на тысячу населения. А в целом по империи грамотных было ещё меньше.

После большевистских декретов о земле и о мире, в 1919 году, появился новый декрет. Совнарком объявил ГОСУДАРСТВЕННУЮ программу по ликвидации безграмотности – «ЛИКБЕЗ». Согласно ему, всё население Советской России в возрасте от восьми до пятидесяти, не умеющее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию).

Каждый населенный пункт с числом неграмотных свыше пятнадцати человек должен был иметь школу грамоты (ликпункт).

Срок обучения в такой школе составлял три-четыре месяца. Программа обучения имела своей целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и служебных делах, читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах.

Учащимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. Для взрослых учащихся сокращался рабочий день с сохранением заработной платы, предусматривалось первоочередное снабжение ликпунктов учебными пособиями, письменными принадлежностями.

Вышли издания массового букваря для взрослых. Букварь включал ставшую широко известной фразу для обучения чтению: «Мы – не рабы, рабы – не мы». В самом деле, человек, научившийся читать Пушкина и Некрасова, не может быть рабом. Это же так ясно.

В 1928 году по инициативе ВЛКСМ был начат «культпоход». Его опорными центрами стали Москва, Саратов, Самара и Воронеж. К середине 1930 года число культармейцев достигло миллиона человек, а число учащихся только в учтенных школах грамоты – десять миллионов.

По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приблизилась к 90 процентам, школы заработали во всех населённых пунктах, в этом же году было объявлено о всеобщем обязательном семилетнем образовании. И соответственно были подготовлены учителя.

«Кадры решают всё!» – таким был сталинский лозунг в стране, начинавшей свой путь в индустриальное общество.

И пришедшей в конечном итоге к Победе.

Нет слов, князь Александр, победивший крестоносцев на Чудском озере, проявлявший чудеса дипломатии в сношениях с

ордынцами, значительная личность отечественной истории, воскресшая из послереволюционного небытия, когда всё «старорежимное» и национальное представлялось вредным.

Но кто о нём напомнил России? Сталин. Потому что в Отечественную войну был учреждён орден Александра Невского. По его инициативе, можно догадаться. Фильм об Александре Невском тоже появился по воле вождя. И главный послевоенный тост «За русский народ!» произнёс Сталин.

Если добавить сюда, что сталинским повелением в школах было возобновлено изучение истории России, что при Сталине был завершён многолетний период притеснений Православия, что вспомнили о многих великих русских и покончили с «р-р-революционной» русофобией, просто хочется поклониться этому человеку.

Однако как быть со «сталинскими репрессиями»? С коллективизацией? С «большим террором»?

Современные неангажированные историки пытаются рассматривать личность Сталина вне современной политической конъюнктуры, когда его именем дерутся, как дубинкой, и «правые», и «левые». Когда Сталин политический аргумент, а не реальная фигура прошлого. Но у историков получается плохо.

Тем не менее всё чаще выходят в свет спокойные и аргументированные книги. Авторы нового поколения проливают свет объективности на происходившее полвека и более лет назад.

Идея повальной коллективизации, как выясняется, принадлежала яростному врагу Сталина – Льву Троцкому. Такова созданная Троцким и Преображенским теория «первоначального социалистического накопления путём изъятия средств из деревни». Соратники Троцкого и осуществили ограбление села.

Прагматично мыслящий Сталин ГОТОВИЛ коллективизацию, которую, по его идее, нельзя было начинать прежде обзаведения сельского хозяйства достаточным количеством современной техники. Обобществление лошадей и лобогреек успеха не принесёт. Нужны трактора.

Сталин и остановил вакханалию своей хрестоматийной статьёй «Головокружение от успехов».

Троцкий ратовал за «перманентную», за непрерывную революцию, за её экспорт за рубеж. Это в 1920-е годы, в то время, когда страна находилась в разрухе. Когда капиталистам продавали национальные художественные ценности, когда конфисковывали церковную утварь, чтобы купить хлеб.

Практичный Сталин выступил против идеи «мировой революции». Пускай и очень романтической. Важнее было воссоздать экономику страны. И он её начал индустриализацией.

Добавлю, что на рубеже 1920–30-х годов, да и позднее, никакой речи о «культе личности» не шло. Вся партийная номенклатура (ещё не ставшая, впрочем, номенклатурой) считала себя равной друг другу и всячески интриговала, создавая различные группировки и союзы. Собрать в кулак лояльных и отсеять интриганов – задача, которая стояла перед Сталиным, и он её выполнил.

Пускай и жёсткими методами. Что ж, такие были нравы в стране, ещё не опомнившейся от кровавой бойни Гражданской войны.

Кстати, нелогично считать, что Гражданская война закончилась в отведённые для неё последующими историками сроки – в 1921 году. Объявили о победе и все противники Красной Армии, стали «беленькими и пушистыми»? Такого не бывает. Вон прибалтийские «лесные братья» терроризировали земляков до конца 1950-х годов. Хотя календарно война завершилась в 1945-м.

Внутренние враги Советской России никуда не эмигрировали, они боролись. И с ними тоже боролись. Но и миловали. К примеру, профессор Рамзин, известный участник «Шахтинского дела», со временем стал лауреатом Сталинской премии.

Теперь о цифрах репрессированных и погибших.

Как-то я смотрел на кабельном канале ТВ фильм о путешествии двоих англичан-мотоциклистов по Европе, Азии и Америке. Довольно рискованное путешествие. Особенно если вывести за скобки тот факт, что с ними на «джипах» следует съёмочная группа, переводчик и команда обеспечения, а в карманах спутниковые телефоны.

Ну, вот едут эти двое по Сибири и въезжают на знаменитую Колымскую трассу. И рассказывают зрителю о как бы непреложном историческом факте – о том, что на строительстве этой трассы погибло двадцать миллионов человек.

Непредубеждённые историки собрали воедино квазиисторические сведения о зверствах (без кавычек) сталинского режима.

Вот что получилось. По версии изобличителей, в эпоху «сталинщины» было расстреляно без суда десять миллионов человек; через лагеря прошло от сорока до 120 миллионов. Все, понятное дело, безвинные (уголовников вроде бы в эти годы не существовало), и все умерли на стройках и лесоповале.

Возьмём меньшую цифру. Сорок миллионов. Это население Франции. И больше, чем население предвоенной Украины.

Кстати, до голодомора, который украинские националисты рекламируют как геноцид и уверяют, что население страны уменьшилось вдвое, на Украине, согласно переписи 1926 года, жило около тридцати миллионов человек. Не 82 миллиона,

как говорят историки-«бандеровцы». И не уменьшилось оно до 41 миллиона (перепись 1979 года), а увеличилось на 11 миллионов душ.

Смотрите на сей счёт письмо нашего президента Медведева украинскому экс-президенту Ющенко от 16 ноября 2008 года.

Старшее поколение отлично помнит эвакуацию начала войны. Тогда из зоны оккупации переместили порядка десяти миллионов человек. Эвакуированные жили в школах, иногда в разных временках и даже в землянках, прежде чем обустроились. А потом и вернулись домой.

Пленных немцев было около трёх миллионов. Также все их заметили. Как и результаты их труда – во искупление прегрешений против нашего народа. И места их пребывания по сей день известны. Как и места и кладбища пленных других национальностей. Например, японцев.

Как чеченцев и ингушей или крымских татар выслали за сотрудничество с гитлеровцами, тоже в народной памяти отложилось. А их было не так уж много.

Почему никто не помнит и не знает о столь масштабных жертвах – десять миллионов расстрелянных, сорок миллионов (или все 120, чуть не вся Российская империя до 1913 года, в ней 170 миллионов народу было) в лагерях?

Только представьте себе, что на стройки социализма – на Беломорканал, на Колымские прииски, на возведение гигантов индустрии послали сорок миллионов заключённых. Пускай в оборудованных печами четырёхосных товарных вагонах, по сто человек в каждом, больше не вместить. Это 400 тысяч вагонов. Два Транссиба забить. И держать несколько миллионов солдат для их охраны.

А куда их селить? Сорок миллионов человек – десять городов с тогдашнюю Москву.

Небоскрёбов для тогдашних «зэка», разумеется, не строили, а самый большой барак много народу не вместит. Где следы этих строений?

Беломорканал строило 150 тысяч человек. Вернее, в разное время от шестидесяти до 150. Это много раз перепроверенная цифра, она есть даже у Солженицына в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

Канал – очень большое сооружение, строившееся в основном лопатами. Какие каналы могли оставить после себя сорок миллионов землекопов? Они должны быть видны не только с Марса, но и из других галактик. Это, наверное, циклопические сооружения. Сонмище египетских пирамид. Ведь только двадцатью миллионами зэковских ватников можно было бы вымостить всю тысячу километров Колымской трассы от Магадана до Усть-Неры...

Как видим, проверка простым здравым смыслом легенд о репрессиях «сталинщины» заставляет усомниться в их реальности. «Чёрный пиар» вокруг личности Сталина довёл до абсурда его действительные прегрешения как государственного деятеля столь грандиозного масштаба. И им перестали (перестают) верить.

Начинают верить в другого Сталина. Вождя народов. Победителя фашизма. Лучшего друга пионеров.

Дальше я опять не о вожде, а о себе. О своей семье.

В традиции моих предков рожать в семье трёх братьев. Не считая девок. При этом последний сын появлялся на свет уже у молодых родителей – в районе сорока лет и больше. Это я к тому, что мой дед был младший в семье и отец тоже младший и я младший.

И таким образом больше века уторкано в череду двух-трёх жизней: дед отца в начале прошлого века породил, придя с Японской,

а меня в честь Победы над Германией сработали.

Так что прошедший век от начала до исхода вписан в мою биографию – как жизнедержание близких людей. И оттого в самой ближней перспективе оказываются разные исторические события. До Первой мировой, к примеру, рукой подать – старший отцовский брат Степан был её солдатом, а о ней теперь только в учебниках да в «узлах» исторических «эпопей».

О дяде Степане буду подробнее. Он того стоит.

Степана Захаровича взяли в плен где-то в Галиции. Отправили на работы в Австрию к тамошнему бауэру. Работа крестьянская, привычная, только тоскливо. И подался солдат в бега. На пару с земляком.

Несколько лет шли домой. Одна революция отшумела, Февральская. А там и Октябрьский переворот случился. А путь продолжается дальше и дальше – в Сибирь.

На том пути их часто перехватывали: то «белые», то «красные», то «зелёные». Ну, повоюют маленько солдатики, и штык в землю, у них своя дорога – в село Лебеди, нынче это Промышленновский район нашей области.

Последний раз повоевал Степан Захарович в составе повстанческой армии в Степном Алтае. Уже против Колчака. К кому, между прочим, был мобилизован средний брат отца и другой мой дядя Егор Захарович. Только кровавого сюжета в духе писателя Анатолия Иванова («брат против брата») не вышло – Степан распрощался с повстанцами, мол, домой надо, скоро сев, а Егор захихал английскую шинель под скирду сена да и в партизаны.

За ту шинель, найденную казачьим отрядом во время кормления лошадей, чуть не расстреляли моего малолетнего отца. Старик-казачина выручил. «Беги, – гово-

рит, – малец, я вверх стрельну». Так и сбежал Борис Захарович от винтовочных выстрелов в деревню Подкопённую, к родне, там пересядел.

Партизаны, в которые подался Егор, это позднее название. Они-то и не знали, что партизаны. Просто выкопали мужики землянки в лесу под Вагановом и таились от мобилизации, звавшей народ на битву за Русь святую и против большевиков. А они большевикам сочувствовали – большевики обещали хорошую жизнь.

Хорошая жизнь заключалась для братьев в своей земле. Её не было – арендовали они поле у чалдонов, которые их к деревне не приписали, потому что во время той приписки было выпито ведро водки, вследствие чего случилась драка, причём «расейские» чалдонов побиили.

«Вот вам, а не землю», – сказал сход.

Так что вся надежда осталась на большевиков. Которые не обманули, как пришли – землю сразу дали. И пошёл Егор с лёгким сердцем за Пятой рабоче-крестьянской армией гнать Колчака на восток, до самого Великого океана.

Ужмись время, рождайся мои предки не от поздней любви своих родителей, история фамилии растянулась бы, как и положено, ещё на два-три поколения. И где бы я тогда был, рождённый вовремя? Конечно, с Красной Армией. Конечно, на стороне тех, кто делал революцию и воевал в Гражданскую. Ведь я одного ума со своими, поздние книжки ещё не читаны. Да и не писаны.

Без вопросов терпел бы и продовольственную развёрстку, и нэп, и коллективизацию проводил бы. Как мой батя, малограмотный, но бойкий комсомолец, только-только после службы (он был пулемётчик и участвовал в конфликте на КВЖД), которого за лихость (послал «партийного» избача Тимоху

на три буквы) чуть не сгноили в репрессивной чистке 1937 года – обнаружился, согласно доносу, контрреволюционный заговор в Лебедах.

Выручило чудо: следователем по делу «контрреволюционеров» случился бывший деревенский поп, как-то заделавшийся в Томской тюрьме следователем НКВД. Взял и отпустил. Правда, после его самого на место отпущенных посадили...

Туго было во вторую германскую, иначе Отечественную. Половину родни унесло. И после неё – ещё и в 1960-е годы самым популярным и универсальным одеянием был у старых и малых всепогодный и всесезонный ватник. Радиоприёмник, а после – телевизор казались предметами роскоши.

Правда, и праздники были. Например, футбол (наш топкинский «Локомотив» однажды выиграл чемпионат Кузбасса) или покупка велосипеда. Или Новый год и мандарин с профсоюзной ёлки. Или седьмое и восьмое ноября, которые звали «Октябрьские». Мать всегда путала революционные даты и церковные: «Это на Покров было или на Октябрьские?». И, само собой, Первое мая.

В том же ряду приём в пионеры. А потом в комсомол. Инициация, так сказать, приобщение к чему-то большому и почти что уже взрослому. Походы в лес, на каток, на горку. Летом – сенокосы, половина моего города держала скотину. Картошка – когда её выкопаешь. Первое сентября – удивление, как выросли мои одноклассники, а как сам растёшь, и не замечаешь.

И услышанное по радио известие о полёте первого космонавта. А потом радостная привычка к новым полётам, новым запускам.

Но жили бедно. Всё, повторяю, было роскошью: жильё, мебель, хорошая одежда. Никак не роскошью было только образова-

ние. Вот и у моей матери с её приходской школой в четыре класса и курсами санпросвета, оконченными уже при советской власти, двое старших (а я через двадцать лет после них родился) просто-таки учёные люди: один офицерское училище кончил, а другой – университет.

Сегодня я листаю биографии наших нынешних вождей. Ельцин из какой-то уральской деревни, отец грамоте после революции научился. У Путина отец из младшего технического персонала, а дед просто повар. Гайдар – внук революционного командира, дед из заштатного Арзамаса, мещанского роду. Инфернальный Чубайс из обрусевших чухонцев. Березовский – потомок местечковых сапожников. Единственно Зюганов из учительской семьи, интеллигент во втором поколении.

В целом никак не «образованный класс». Все – сыновья Октября. И никак не иначе. И, вишь ты, продолжив революционные традиции, сумели по-новой «вздыбить Русь». Пришпорить в гонке. Только не пойму никак – куда эта гонка? У меня сын растёт, тоже «поскрёбьш»: если я знал, что университет одолею, то насчёт него никакой ясности – образование стремительно становится роскошью. Как и всё остальное: от родов до самой смерти.

То, что было ясно на заре реформ, омрачено туманом новейшего недоверия. Скорая редакция знаковых событий, «плюсы» быстро-быстро на «минусы», отвращает – ценою стольких жертв большевики создали великую державу, замедляющейся инерцией её движения по сию пору живы, а вместо неё – что?

Уже и винить некого. Со дня смерти Сталина почти полвека прошло, целая жизнь. «Волонтариста» Хрущёва нет на свете. Автор «застоя» Брежнев почил. Горбачёв в отставке. Ельцин извинился за враньё и, уединив-

шись в Горках, отдал Богу душу. Партийные бюрократы теперь рыночники и «демократы». Международному революционному движению не помогаем, экономия, значит. Наконец, с американцами почти что в союзниках ходим – что мешает подняться?

Подозреваю, что прав был Герой Социалистического Труда и народный трибун Николай Травкин, иронизировавший, мол, вот беда-то: начальники у нас всегда хорошие, а народ нашим начальникам худой попался. Неважнецкий народец, прах его побери. Не понимает то одного, то другого. Как тот глупый телок...

Где-то в 1970–80-е годы была шоферская мода – вывешивать на лобовое стекло портрет Иосифа Виссарионовича. В укор забюрократившейся головке. Дескать, Сталина на вас нет...

Сталина нет.

Но – был. Как была великая держава по имени Советский Союз. Которую любили без оглядки. А если не любили, то боялись и уважали.

Теперь последнее.

В одном из своих романов Анатолий Франс вывел своё «альтер-эго», профессора-историка Бержере. Много лет помню сентенцию Бержере: «Потомство беспристрастно, когда оно равнодушно». Можем ли мы быть равнодушны к нашей ближней истории? К Сталину – её движителю на протяжении нескольких десятилетий? Согласимся ли с мыслью, что Россия должна наконец относиться к своему бывшему вождю как к исторической фигуре, подобной Наполеону, Петру Великому, Александру Македонскому или Чингиз-хану?

Судя по панике, приключившейся с устроителями опроса «Имя России», «обнулившими» разгромный счёт в пользу Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина, никак нет...

Фёдор ЯГУНОВ

Послесловие к подвигу

Нынче, зайдя в библиотеку, я в числе книг, взятых для прочтения, принес домой томик стихов известного мне еще с военных лет поэта Евгения Долматовского. Его сборники есть у меня и в домашней библиотеке, но эту книжку, изданную в 1984 году, я видел впервые. Просматривая стихи, сразу же остановился на названии «Рассказ сибиряка». Стал читать. И где-то уже на первой его половине понял, что героем баллады известного поэта является один мой давний знакомец, к сожалению, уже ушедший из жизни. И хотя в изложении поэта событие, участником которого был наш земляк, расходится с тем, что случилось на самом деле, у меня нет сомнения, что в основу баллады положено одно и то же происшествие, которое в своё время взволновало многих, в том числе и меня.

Судите сами:

*Расскажу во всех подробностях,
Случай памятный один,
Как из Кемеровской области
Ездил в гости я в Берлин.
Авиационной почтою
В наше дальнее село
Свадебное, с ангелочками
Приглашение пришло.
Старший внук письмо с немецкого
Перевел без словаря,
Но не понял, чьё приветствие,
Я, по правде говоря.
Неизвестная Амалия
Обращается ко мне:
Дружба – фройндшафт и так далее,
Приезжайте по весне;*

*Все соседи наши видели,
Как, готовясь брать Рейхстаг,
Сберегли меня от гибели
Вы, товарищ-сибиряк...*

Но вернемся памятью в прошлый век, когда еще так свежи были события Великой Отечественной войны.

В мемуарах маршала Чуйкова, вышедших в конце пятидесятых годов, внимание кемеровских журналистов привлекли строки, где маршал рассказывает, что в основу идеи памятника ВОИНУ-ОСВОБОДИТЕЛЮ, созданного скульптором Вучетичем для берлинского Трептов-парка, положен действительный факт, имевший место в дни штурма нашими войсками фашистского логова – Берлина. Василий Иванович Чуйков называет имя советского солдата, спасшего немецкую девочку. Ту, которую держит на руке бронзовый воин. Этим солдатом оказался кузбассовец Николай Иванович Масалов, «призванный Тисульским райвоенкоматом», сообщает маршал.

Какого же работника пера такая сенсационная новость оставит равнодушным? Тотчас же кемеровские журналисты бросились на поиск Н. И. Масалова – прообраза главной фигуры знаменитого мемориала. Естественно, каждое издание считало делом чести первым представить кузбассовцам неизвестного до того героя. опередил всех корреспондент газеты «Кузбасс» Пётр Ворошилов. Помимо газетной заметки, он выпустил еще и тоненькую книжку о нашем земляке.

Мы, телевизионщики, замыслившие снять

- Памятник советскому воину-освободителю в Трептов-парке
- Николай Масалов

о Масалове документальный фильм, отстали. Наткнулись на неожиданное препятствие.

...А поначалу всё шло хорошо. Примчавшись на студийном, крытом брезентом грузовичке в Тяжин, мы узнали, что Масалова дома нет. Он – в отпуске, уехал в тайгу бить шишки. Мы не огорчились, мы обрадовались: это же удача! Ну, чего интересного, если мы снимем Масалова дома за чашкой чая или во дворе за каким-нибудь будничным занятием? Кино требует динамики, требует зрелища. А тайга? Ну, во-первых, это, с точки зрения любого западного зрителя, – экзотика. Во-вторых, естественная среда обитания для воина-сибиряка, «стреляющего белку в глаз»! И в-третьих, герой нашего фильма будет снят за мужественным и опасным, но естественным для сибирского мужчины промыслом.

Ринувшись в тайгу почти что на авось, мы смогли разыскать стан промысловиков, что само по себе уже было удачей! Нас не смущало, что шишкарки промышляли не совсем дозволенным способом, не лазили на сорокаметровой высоте по кедрочкам, а сбивали урожай этих добрых деревьев с помощью колота – тяжелой деревянной чурки, насаженной на длинную, с сажень, рукоятку. Оперев колот о землю, двое шишкарей отводили чурку и со всей силой ударяли ею по стволу, сотрясая дерево. Спелые шишки градом сыпались на землю, знай – собирай!

Нам понравился сам бывалый солдат: не крупный, но осанистый мужчина средних лет со смуглым лицом и чуть раскосыми «азиатскими» глазами. Понравилась и нынешняя профессия бывшего тракториста. Инвалид войны теперь работал завхозом в детском

садике. Это же, оказывается, не случайность такая, что солдат под пулями, под разрывами, ежесекундно рискуя жизнью, бросился спасать ребенка! Заметьте, не нашего, а вражеского на тот момент ребенка. Значит, его безумный по житейским меркам порыв был обусловлен чем-то большим, чем военная необходимость. И заранее задуманная нами сцена общения героя с тяжинской детворой будет не натяжкой, а естественной потребностью его человеческой сущности. Это же образ! Образ, не придуманный сценаристом, а взятый из самой жизни.

В тайге в качестве вступления к фильму мы вдоволь наснимали кадров сибирской экзотики. Надо было показать теперь героя в его повседневной, не отпускной жизни, в том числе и дома, в семье. И тут нас ждало разочарование. Дом у российского героя, грудью отстоявшего страну, был низкий, полуразвалившийся, с такой же ветхой, примкнутой к нему стайкой. И домом-то можно было это строение назвать с большим допущением..

Было совершенно ясно, не можем мы позорить на весь мир солдата-освободителя, и фильм наш, коли он будет сделан, никогда не увидит экрана. Оператор Вадим Литвинов уныло упаковал съёмочную камеру. Командировку пришлось прервать.

Возвратившись в Кемерово, мы обрисовали ситуацию директору студии Култаеву. На другой день Дмитрий Иванович отправился в обком партии. В качестве «аргумента» взял с собой и меня, режиссёра, отказавшегося снимать фильм в таких, «позорящих советскую действительность» условиях. Состоялся разговор в кабинете секретаря по идеологии Кузьминой. Зинаида Васильевна согласилась, что съёмка приостановлена правильно. С продолжением работы над фильмом советовала потерпеть полгода. Мы возражать не стали. Честно говоря, руководили нами при этом не только интересы будущего фильма, но и редкая возможность повлиять на жизнь

бывшего солдата, действительно достойного лучшей доли. Вскоре мы узнали, что власти Тяжина приняли решение отвести участок земли и построить для семьи Масалова дом.

Мы, телевизионщики, таким поворотом дела остались довольны. Позднее, однако, мне стало известно, что была еще одна и, может быть, более весомая причина, заставившая руководство обкома дать команду районным властям позаботиться о достойном жилье для простого солдата Великой Отечественной. Из германского посольства в Москве поступил запрос о возможности приезда в Тяжин группы западных журналистов для встречи с Николаем Ивановичем Масаловым. Из Кемерово ответили, что приезд возможен, но попросили отложить визит журналистов до весны.

Между тем в Тяжине была спешно снята с ремонта здания райисполкома плотничья бригада. Не так быстро, как бы нам хотелось, но дом Масалова строился. Наконец где-то в конце февраля 1963 года на студию позвонили из обкома и сообщили, что приезд западных журналистов ожидается послезавтра.

В назначенный день, где-то уже после полудня, мы на своем уазике присоединились к небольшой автоколонне из трёх обкомовских «Волг». Гостей оказалось всего трое: двое журналистов из Западного Берлина и переводчик из московского «Интуриста». Старшего группы звали Хубертом.

Перед отъездом в кратком напутствии группе сопровождающих (я был в их числе) в кабинете третьего секретаря обкома Зинаида Васильевна высказала недвусмысленное пожелание. Цитирую: «Надо сделать так, чтобы они (западные журналисты. – Авт.) там ничего (надо полагать, ничего лишнего. – Авт.) не увидели».

Мы на своём далеко не новом уазике сразу же после выезда за город на мариинскую трассу несколько поотстали. Приехали в Тяжин уже в темноте. И сразу в столовую (та-

ково было распоряжение). Эта столовая по вечерам служила здесь чем-то вроде ресторана. Столики накрывались скатертями и обслуживались официантками в фартучках и белых наколках.

Гости и сопровождающие были уже там. Столики были составлены в один длинный и уже накрытый банкетный стол. Здесь собрался весь тяжинский руководящий «бомонд». Заместитель председателя райисполкома Поленович играл на баяне. День был зимний, морозный. Румяные люди, в основном мужчины, с вождением поглядывали на запотевшие бутылки и графинчики.

Почти тут же последовало приглашение за стол. Снимать в столовой сопровождающие лица из области нам не разрешили. Началось первое действие всякого визита иностранных гостей – широкое и хлебосольное застолье. Следует учесть, что в Тяжине, маленьком районном центре на востоке области, журналисты из-за рубежа появились впервые. Чтобы не ударить в грязь лицом перед Европой, хозяева расстарались от всей души. Редька с квасом, горячие – с пылу, с жару – пельмени, шаньги с капустой, и еще что-то привлекательное, и в больших количествах. Вино, что называется, лилось рекой. Гости из Европы поначалу как могли в питье сдерживались. Но вскоре их сопротивление дружными усилиями хозяев было сломлено. Они тоже стали пить по полной. Гулянка получилась – высший класс! Бесперывно сыпались тосты. Пили за дружбу народов, за мир во всем мире, за всеобщее и полное разоружение. Баян не умолкал...

Николая Ивановича Масалова среди гостей не было.

Хорошо разогревшиеся гости напомнили хозяевам их обещание показать тайгу. Тайги, как известно, в окрестностях Тяжина нет, но обещание надо выполнять. В багажники машин загрузили ящики с водкой, с пивом, с закусками. При общем оживлении было объявлено: едем в тайгу! С шоссе свернули на

какую-то просёлочную, пробитую в сугробах, дорогу. Светила луна... Остановились у леса. Чёрные кривые стволы каких-то, совсем не хвойных деревьев тонули в темноте.

– Вот она, тайга-матушка! – провозгласил кто-то из принимающих начальников, широким жестом обводя утонувшую в сугробах всхолмленную местность.

Изрядно подпившие гости восторженно обнимались с хозяевами, что-то лопотали на своём немецком языке, из всего можно было разобрать лишь два слова: гут и тайга! Переводчик из «Интуриста» в оживленной беседе представителей двух народов не участвовал, он, что называется, лыка не вязал. Впрочем, взаимопонимание и без переводчика установилось полное. Молодые расторопные инструктора райкома вытащили из багажников бутылки и разливали шампанское...

Я и сейчас не знаю, раскусили ли битые и тёртые немецкие газетчики надувательство и лишь в меру сил подыгрывали разгулявшимся хозяевам, или были настолько пьяны, что всё принимали за чистую монету? Не знаю, что писалось потом в западной прессе Хубертом и его коллегой, до нас такие сведения не доходили. Забегая вперед, скажу, однако, к очередной годовщине Победы немецкие власти объявили Н. И. Масалова почётным гражданином города Берлина.

Приключения же первого дня пребывания на Кузнецкой земле немецких журналистов на этом не закончились. Ночлег для всех прибывших из Кемерово по причине того, что районные гостиницы тех лет – и Тяжинская в их числе – были тесны и убоги, хозяева организовали в здании райкома, в парткабинете. Это была довольно обширная комната, заставленная стеклянными витринами с пропагандистской литературой и столиками для занятий. Столы вынесли, а витрины потеснили. На их место поставили кровати, заправленные свежим хрустящим бельём. Туалеты в райкоме были тёплые...

Первый секретарь райкома вместе с председателем райисполкома доставили гостей в эту импровизированную гостиницу, распрошались до утра и с облегчением, я думаю, удалились. Все оставшиеся, бывшие в хорошем подпитии, скоро спали крепким сном.

Я проснулся среди ночи, разбуженный громкими голосами. В ярко освещенной нашей комнате-спальне толпились люди, полураздетые постояльцы и другие, в пальто и шапках. Две женщины в белых халатах перевязывали руку интуристского переводчика – крупного розовощёкого молодого человека. Под ногами хрустело стекло.

Кроме главных тяжинских начальников, как я потом уяснил себе, здесь были районный прокурор, начальник раймилиции, главврач райбольницы и еще кто-то. У всех были озабоченные, а у иных – испуганные лица.

А произошло следующее. Среди ночи переводчику потребовалось выйти. В коридоре и необходимых помещениях предусмотрительно был оставлен свет. Переводчик благополучно справил нужду. Но, возвращаясь, в тёмной комнате, нетвёрдо стоящий на ногах, врезался в одну из стеклянных витрин с пропагандистской литературой и сильно порезался осколком толстого стекла. Я тоже, сморённый обильным угощением, спал крепко и не слышал воплей испуганного переводчика. Люди же, дежурившие в райкоме, увидев выскочившего в коридор окровавленного гостя, подняли тревогу. Обзвонили всех первых лиц, посеяв, как потом выяснилось, изрядную панику.

К моменту, когда я проснулся, всё уже выяснилось, порезы оказались не смертельными, и первые лица приносили извинения зарубежным гостям и кемеровским сопровождающим.

Остаток ночи прошел спокойно.

На утро было намечено главное, ради чего из Западной Германии и прибыли журналисты, – встреча с героем в детском саду, где

работал Николай Иванович. Это был и ответственный момент нашей работы. Эпизодом «мирового признания» подвига нашего земляка должен был завершиться фильм.

У нас не было портативной синхронной камеры, поэтому мы не смогли снять интервью Николая Ивановича нашим зарубежным коллегам. Зато мы достаточно полно сняли эпизод возни героя нашего фильма с детсадовскими ребятами. Николай Иванович запряг в санки лошадку, усадил в них малышей и устроил весёлое катание по тяжинским улицам. Это развлечение доставило одинаковое удовольствие как ребятишкам, так и самому Масалову.

Потом Николай Иванович пригласил гостей в свой новый дом. А это, помимо всего прочего, доставило тайное удовлетворение нашей съёмочной группе: мы-то знали, что идею нового дома для бывшего солдата в своё время подбросили начальству именно мы.

Дом по деревенским меркам шестидесятих годов был действительно замечательный. Срубленный из хорошего леса, светлый, достаточно просторный для семьи из трёх человек, он выглядел украшением улицы.

Правда, при заселении у хозяев не нашлось, чем обставить своё новое жилище. Та рухлядь, которой они пользовались до сих пор, испортила бы всю картину. Зарплата деревенского завхоза была слишком мала, чтобы думать о приобретении новой обстановки. Да и не было её в свободной продаже в те послевоенные годы. Мебель, как, впрочем, и многое другое насущное, не покупали, а «доставали». Нынешнему поколению россиян, пожалуй, и не понять, почему, скажем, перед заведующим торговой базой или продавцом магазина заискивали даже иные, средней руки, начальники.

Перед приездом гостей местной потребкооперации было дано указание временно обставить дом героя. Привезли диван, буфет, стол, стулья... Обед был приготовлен в той са-

мой столовой-ресторане, где вчера состоялся представительский ужин на высшем уровне. Обслуживали гостей повар и официантка, присланные оттуда же. Надо сказать, что это была вынужденная мера еще и потому, что жена Николая Ивановича страдала тяжёлым заболеванием, а дочка была еще подростком.

Так или иначе, обед прошел, как принято говорить в таких случаях, в тёплой и дружественной обстановке. Для Николая Ивановича – бывшего тракториста, вчерашнего солдата – это был первый опыт «светского» общения, держался он несколько скованно, но в то же время и с достоинством, присущим сибирскому крестьянину.

Вот только с мебелью потом без проблем не обошлось. Не сразу, спустя какое-то время, когда Масаловы отошли от стресса, связанного с необычными гостями, и привыкли к новой обстановке, явились посланные из потребкооперации, чтобы забрать мебель. Николай Иванович обиделся, мебель не отдал и позвонил на студию. Телевидение снова прибегло к помощи секретаря обкома З. В. Кузьминой. Конфуза она допустить не могла, и ей удалось как-то уладить дело. Мебель осталась у Масаловых.

Вся эта история подталкивает к размышлению о роли случая в жизни человека. Не вспомни маршал Чуйков среди других многочисленных подробностей великой войны случай со спасением немецкой девочки, плававшей в разрушенном городе среди огня и жестокостей боя возле тела своей убитой матери, так бы и не знал Николай Иванович, что в тот предпоследний день штурма Берлина он совершил подвиг. И прожил бы он свою жизнь в неизвестности, как многие тысячи других уцелевших воинов. И мир так и не узнал бы имя человека, ставшего прообразом бронзового воина-освободителя – главной фигуры знаменитого берлинского мемориала работы скульптора Вучетича.

Мне понятна вольность поэта, который в своей балладе привел героя на свадьбу спасенной им немецкой девочки. Признаться, вся наша съёмочная группа документального фильма «Солдат с постамента» очень надеялась, что усилия немецких журналистов, усилия волонтеров от молодёжной общественности Германии, направленные на поиск безвестного ребенка, увенчаются успехом, и мы сможем назвать имя спасенной Николаем Масаловым немецкой девочки. Но, увы, поиск оказался безрезультатным. И то, что доступно фантазии поэта, невозможно для кинодокументалиста.

Николай Иванович Масалов по приглашению бургомистра посетил Берлин. Там в торжественной обстановке ему был вручен диплом почётного гражданина германской столицы города Берлина. К сожалению, из-за скудности средств провинциального телевидения нашей съёмочной группе не удалось снять ни самого торжества, ни посещения Масаловым Трептов-парка. Но знаменитый памятник в нашем фильме присутствует. Мы использовали для этого великолепные фотоснимки мемориала, подаренные нам немецкими журналистами.

Документальный, состоящий из двух частей фильм «Солдат с постамента» (автор сценария Г. Митякин, режиссёр Ф. Ягунов, оператор В. Литвинов) вышел в эфир Кузбасского телевидения в 1963 году. Тогда же был тиражирован и показан по Центральному телевидению. Оригинал фильма со всеми исходными материалами позднее сгорел при пожаре в студийной фильмотеке. Но тиражированные копии хранятся, надеюсь, в Госфильмофонде или в архиве Останкино. Во всяком случае, во время пятидесятилетия Победы кадры из нашего фильма с участием Н. И. Масалова я видел в одной из передач Центрального телевидения.

Январь 2010 года

Татьяна РЫСАЕВА,
кандидат искусствоведения

РИСУНКИ С ПОЛЯ БРАНИ

Фронтовая графика кемеровских художников

В 1920–1930-е годы культурная жизнь в Кузнецком крае, как и во всей Сибири, протекала сложно и динамично. Возникали художественные объединения, студии, музеи, народные университеты, профессиональные и самодеятельные театры, шли творческие дискуссии. Профессиональное изобразительное искусство начало свое развитие с объединения самодеятельных художников-энтузиастов под названием «Художник» в 1939 году. Война прервала естественное развитие этого процесса, но и, как ни парадоксально, обогатила культуру Кузнецкого края новыми силами.

Оживлению художественной жизни в сороковые военные годы способствовал приток эвакуированных профессиональных деятелей культуры – живописцев, скульпторов, графиков с Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда. Здесь, в далекой провинции, они продолжали творческую и просветительскую деятельность. Это Е. П. Скуин-Солуянова, впоследствии заслуженный художник РСФСР, профессор-керамист Бройде, живописец В. Н. Кудревич, заслуженный деятель искусств БССР. Благодаря его инициативе в Кемерове был организован филиал Союза художников РФ, членами которого стали не только приезжие, но и местные художники – В. Орлов, Л. Петашук, В. Гаврилов, и другие.

Рис. 1. Я. Буймов. Минирование моста, 1943 год

Рис. 2. Я. Буймов. Под Москвой, 1943 год

Рис. 3. Я. Буймов. Станция Н-Иерусалим, 1941 год

Но сразу же после войны и это творческое объединение распалось.

Многие художники старшего поколения с благодарностью вспоминали В. М. Петровского – педагога-подвижника, окончившего ВХУТЕМАС по классу живописи у профессора Хотулева (ученика великого Репина). Здесь, в эвакуации, в зрелом возрасте, он как бы принял присягу на верность традициям отечественной реалистической школе. Его первые уроки изобразительной грамоты стали основой творческого кредо А. Н. Кирчанова, Н. М. Шемарова, П. А. Чернова, А. С. Гордеева, И. А. Чермянина и других художников.

В 1932 году в связи с образованием Союза советских художников все другие объединения и общества были распущены. Началась новая страница в истории изобразительного искусства Кузбасса. Художники по своей природе всегда стремятся к единению по творческим интересам. Не составлял исключение и Кузнецкий регион, художественная жизнь которого, имея определенные особенности, не была изолирована от общих процессов, происходящих в СССР. На первый план выдвинулась сюжетно-тематическая основа произведений социалистического реализма, ставшая принципом художественного мышления и художников, и зрителей.

С первыми днями войны приоритеты советской художественной жизни смещаются. Даже официальным идеологам теперь не до пышных картин или монументов. В центр внимания выдвигаются жанры, располагающие возможностями эффективной массовой агитации: плакат, политическая карикатура. А рядом графика фронтовых зарисовок. В эту работу оказались вовлечены сотни художников старшего и более молодых поколений, независимо от того, каким был профиль их творчества до войны. Оставленные ими рисунки, наброски, беглые,

Рис. 4. Я. Буймов. Львов. Первый снег, 1941 год

Рис. 5. Я. Буймов. Оттепель, 1943 год

Рис. 6. Я. Буймов. Здесь были фашисты, 1943 год

Рис. 7. Я. Буймов. Здесь были фашисты, 1943 год

Рис. 8. Я. Буймов. Здесь были фашисты, 1941 год

Рис. 9. А. Кирчанов. Два друга, 1944 год

зачастую как бы случайные, однако же, не являются проходным эпизодом в развитии отечественного искусства. И связано это не только с исторической значимостью изобразительного материала, который они сохранили, но также с принципиальными особенностями видения, мышления, присущими фронтовой графике.

Прежде всего, в ней напрочь отсутствует внешняя патетика. Не чередой эффектных батальных сцен раскрывается здесь война, а скорее подробностями фронтового быта. Строгий, простой, сугубо «некартинный» реализм таких зарисовок мог бы выглядеть заурядным, не зная мы, что именно правда жизни буквально вчера была едва ли не основным дефицитом в советском искусстве.

Реализм художника на войне тяготеет к особому рода мотивам. Это отнюдь не помпезные многофигурные панорамы, но и не психологически проработанные индивидуальные характеры. Чаще представлены персонажи вполне конкретные и вместе с тем объединяемые средством внутренней жизни. В едином эмоциональном, духовно-нравственном ключе находят истолкование не только образы солдат Великой Отечественной войны, но и русской природы.

Молодые кемеровские художники, прошедшие войну, – Г. С. Трофимов (1917–1993), А. М. Ананьин (1918–1998), Я. Т. Буймов (1918–2002), П. А. Чернов (1918–2003), А. Н. Кирчанов (1919–1987), И. Д. Лячин (1919), К. А. Цветков (1921–1996), Б. П. Заложных (1922–1993), В. Ф. Черепанов (1924–1999), особенно быстро формировались нравственно. Для многих из них на войне закладывался фундамент будущего творчества, независимо от того, обращались ли они потом к теме войны или изображали мирную жизнь. Они служили в разных родах войск, имели разные воинские звания и военные специальности. Каждый из них выполнял

тяжелую, опасную работу, которую ему отводила война. Они с оружием в руках стояли рядом с солдатами в траншее, ползали по-пластунски, мерзли на морозе, исходили потом в бешеных марш-бросках, пробиваясь сквозь кольцо окружения. Заниматься любимым делом удавалось только в часы отдыха чаще всего лишь в форме быстрого рисунка-наброска, лишенного академичности и внешних эффектов. Часто беглый рисунок перерастал свои рамки и приобретал законченность не по форме, а по полноте самовыражения автора.

В рисовании Я. Т. Буймова – восторженно-го художника, влюбленного в жизнь, природу, глубоко чувствующего музыку и поэзию, в военной тематике просматриваются две главные тенденции. С одной стороны, он запечатлевает непосредственные боевые эпизоды, с другой – стремится показать бытовую сторону войны. Фронтные акварельные зарисовки художника заставляют нас как бы заново пройти по военным дорогам. Каждый рисунок несет в себе настроение, переданное скупыми, но выразительными средствами. На одном из рисунков – «Минирование моста» изображены бойцы при исполнении опасной работы (рис. 1), на другом – «Под Москвой» трагедия военной дороги (рис. 2), физически ощущаешь запах дыма и гари в зарисовке «Ст. Н-Иерусалим» (рис. 3). Но художник понимает, что следы войны – это не только трупы и разбитое оружие. Многие рисунки Буймова на бытовую тематику могли бы стать основой живописных работ. Художник видит мирные картины природы – первый снег покрыл крыши средневековой архитектуры города Львова, но война обрушивается на реку, дома, соборы гул бомбардировщиков, заставляя содрогнуться сердце (рис. 4). В этюде «Оттепель» художник смог в малом, как бы случайном эпизоде разглядеть нечто важное и

Рис. 10. А. Кирчанов. Болгария – Пахарь, 1944 год

Рис. 11. А. Кирчанов. На улицах Бухареста, 1946 год

Рис. 12. А. Кирчанов. Венгрия – весна, 1945 год

Рис. 13. А. Кирчанов. День Победы, 1945 год

Рис. 14. А. Кирчанов. Он хотел русской земли...

Рис. 15. П. Чернов. Артиллерист, 1945 год

значительное. В согретом весеннем солнце пейзаже мы видим израненные войной деревья, но на них сохранились скворечники – жизнь продолжается (рис. 5)!

Автора военных зарисовок, впоследствии заслуженного художника России Александра Николаевича Кирчанова лето 1941 года застало двадцатилетним. За плечами только семинары самодеятельных художников, проводимые на базе Дома народного творчества им. Н. К. Крупской в Москве. Его мировоззрение и характер формировались и мужали на фронте. Война стала тем временем, когда в самых неблагоприятных обстоятельствах пришло осознание своего призвания, понятия, что он – художник. В то время особенно удавался ему портрет и бытовые эпизоды, где за частным сюжетом угадывается судьба военного поколения. Встречаясь со многими людьми, он без усталости их рисовал. Внимательно всматриваясь в портретируемых, подмечал в каждом индивидуальные черты: неповторимость движений, жестов, манеру носить головной убор, держать самокрутку (рис. 9).

А. Н. Кирчанов прошел военными дорогами через всю Западную Европу и везде делал дорожные зарисовки, подчеркивая самобытность местности, характер людей. Особенно удавались художнику сюжетные натурные зарисовки, выполненные за считанные минуты. Немало эпизодов солдатского и мирного быта, запечатленных в конкретных местах, они настолько типичны, что видишь – художник был там, воевал рядом с ними (рис. 10, 11, 12).

Многие почитатели искусства в нашем городе знают талант художника-фронтовика, народного художника России Павла Афанасьевича Чернова, прошедшего большой творческий путь. В суровые годы войны Павел Чернов был защитником блокадного Ленинграда. На войну он ушел, будучи учеником школы юных

дарований при художественном институте им. И. Р. Репина. Сразу же после войны, в 1945 году, был принят на первый курс данного учебного заведения. После его окончания Чернов возвращается в Кузбасс и здесь становится первым профессиональным художником.

Портретные зарисовки художника, выполненные на войне, отражают состояние физического и душевного действия изображаемого человека. В этом главное достоинство работ художника. Карандашные портреты отличаются профессионализмом в технике исполнения. Художник лепит голову при помощи светотени, линии штриха также подчеркивают форму. Глубокая внутренняя сосредоточенность в облике фронтового товарища (рис. 16); неотразима психологическая заостренность портрета артиллериста (рис. 15); сложная работа мысли читается в глазах бойца (рис. 19).

Женские портреты фронтовичек-однополочанок Чернова перерастают в собирательный образ – не выдуманный, а увиденный художником в гуще военной жизни. Грубоватые, обветренные лица, немного настороженный взгляд. По-разному проявляют они свои эмоции, характеры, но у каждой остался атрибут гражданской жизни – прическа, не по-уставному распущенные по плечам волосы (рис. 17, 18).

Пожалуй, больше всех фронтовых зарисовок сохранилось у одного из старейших кемеровских художников Константина Алексеевича Цветкова. В 1939 году был призван в армию, не окончив Омское художественно-педагогическое училище, и сразу на фронт. Служить пришлось на Дальнем Востоке. «Эхо прошедшей войны» вновь и вновь долетает до нас, когда мы читаем дневники-воспоминания художника, любезно предоставленных его дочерью О. К. Цветковой. Это еще одна крупица документальных свидетельств всенародного подвига,

Рис. 16. П. Чернов. Фронтовой товарищ, 1945 год

Рис. 17. П. Чернов. Фронтовичка, 1944 год

Рис. 18. П. Чернов. Одиночка-связистка

Рис. 19. П. Чернов. Портрет бойца, 1945 год

Рис. 20. П. Чернов. Фронтвик

Рис. 21. П. Чернов. Артиллерийская тяга, 1945 год

новая страничка огромной летописи Великой Отечественной.

«На Дальнем Востоке назревали события, — пишет художник, — 8 августа 1945 года началась артиллерийская подготовка. Стоял невероятный гул, только огневые трассы снарядов «Катюши» показывали, кто куда стреляет. Сплошная канонада длилась до утра, а когда мы подходили к японским укреплениям — стало вечереть. До японцев было 200–250 метров. Разгорелся бой. Японцы понесли немалые потери. Утром в 10.08 похоронили троих наших погибших бойцов. С этими ребятами мы служили три года, они были как родные. Пошел дождь, в окопах стояла вода по колено. Мы провели двое суток на этой высоте. Затем получили приказ оставить высоту и прибыть на переправу. В городке Хутоу мы увидели настоящие следы войны, разрушены дома, разбросаны трупы людей и животных».

Душевное состояние, выплеснутое на страницы дневника, не мешало Цветкову четко и честно выполнять свои обязанности, а творчество стало для него продолжением выполнения воинского долга. Он получал удовлетворение тогда, когда его художнические работы находили отклик в солдатских сердцах. «Наступил момент массовой демобилизации из армии. Служба на Дальнем Востоке оставила в моей жизни глубокий след. В моем взводе были солдаты: вятичи, пензяки, тамбовцы, рязанцы. Совместная продолжительная дружба сдружила нас, мы расставались как братья. Многих сослуживцев я рисовал, думаю, что эти портреты до сих пор у них сохранились».

На большинстве зарисовок указаны дата, фамилия, поэтому легко представить и документальную ценность портретной серии Цветкова. Некоторые портреты просто поражают глубиной проникновения художника во внутренний

мир человека. Вот сидит мужчина в солдатской форме, не скрывающий сугубо «гражданской» фигуры – погоны свисают с его далеко не богатырских плеч, как-то совсем по-домашнему держит на коленях руки. Под рисунком лаконичная подпись – «Мамонтов Е. А., 44 г.» (рис. 23).

Портреты Цветкова очень важны для понимания человека на войне. Глядя на них, видишь не однообразную воинскую массу, а четко и ярко показанные автором личности. В каждом портрете запечатлена жизненная правда. Это – «Старший лейтенант Н. Кулинич» (рис. 24), «Санструктор Зина» (рис. 25). И, бывало, портреты оставались последними памятными изображениями, как это случилось с лейтенантом Пикаловым, погибшим в бою (рис. 26).

Об охране и неприкосновенности восточных границ в годы войны рассказывают работы «Пограничники на реке Уссури» (рис. 7), «На берегу залива» (рис. 28) и др.

Кроме перечисленных авторов и их произведений, в Кемеровском областном музее изобразительного искусства хранятся фронтовые зарисовки заслуженного художника России Александра Михайловича Ананьина – «На границе» (рис. 33), «Моряки-пограничники» (рис. 34), «В дозоре» (рис. 35) и другие; Ивана Даниловича Лячина – «Автопортрет» (рис. 40), «Комсорг полка» (рис. 41), «Подбитый немецкий танк» (рис. 42) и другие.

Сегодня эти наброски карандашом, углем, тушью, акварелью воспринимаются как бесценные художественные документы того времени, как уникальные произведения репортажа военной поры. Фронтовые рисунки помогают понять, что давало советским людям силы выдержать нечеловеческие испытания, что позволило им в трудных условиях остаться людьми и до конца выполнить свой патриотический долг. Поэтому значение этих работ со временем будет возрастать.

Рис. 22. П. Чернов. Мужской портрет

Рис. 23. К. Цветков. Е. А. Мамонтов

Рис. 24. К. Цветков. Старший лейтенант Н. Кулинич

Рис. 25. К. Цветков. Санинструктор Зина

Рис. 26. К. Цветков. Лейтенант Семен Пикалов

Рис. 27. К. Цветков. Пограничники на реке Уссури...

Рис. 28. К. Цветков. На берегу залива, 1942 год

Рис. 29. К. Цветков. Филатов, 1945 год

Рис. 30. К. Цветков. Володя Могучев, 1944 год

Рис. 31. К. Цветков. Витя Попов, 1942 год

Рис. 32. К. Цветков. Автопортрет, 1945 год

Рис. 33. А. Ананьин. На границе, 1943 год

Рис. 34. А. Ананьин. Моряки-пограничники

Рис. 35. А. Ананьин. В дозоре, 1945 год

Рис. 36. А. Ананьин. День Победы, 1945 год

Рис. 37. А. Ананьин. Дозорный, 1944 год

Рис. 38. А. Ананьин. Военнопленные японцы

Рис. 39. А. Ананьин. «Победитель»
приморских земель

Рис. 40. И. Лячин. Автопортрет, 1943 год

Рис. 41. И. Лячин. Комсорг полка

Рис. 42. И. Лячин. Подбитый немецкий танк

Виктор АРНАУТОВ

ПОЭТ, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Михаил Небогатов. Открываю хрестоматию «Писатели Кузбасса: поэзия и проза», подготовленную и изданную Союзом писателей Кузбасса в 2007 году. Пятьдесят три автора в этом сборнике, рекомендованном для внеклассного ознакомления и изучения региональной литературы школьниками и студентами. В одном алфавитном ряду с молодыми и малоизвестными прозаиками и поэтами глаза выхватывают знакомые имена и фамилии писателей старшего поколения: Евгений Буравлёв, Александр Волошин, Геннадий Емельянов, Игорь Киселёв, Владимир Куропатов, Владимир Мазаев, Валентин Махалов, Анатолий Саулов, Любовь Скорик, Зинаида Чигарёва, Софрон Тотыш, Геннадий Юров. И где-то посередине – Михаил Небогатов. Всех их можно без оговорок назвать «золотым фондом», «литературным достоянием Кузбасса», даже классикой!

Возьмём ещё один фолиант в 480 страниц: «Русская сибирская поэзия. XX век. Антология», изданный также у нас и получивший самую высокую оценку на всех уровнях Союза писателей России. Круг авторов в нём значительно расширен – до 435. И у каждого – от одного до десяти стихов. В первом сборнике поэту Михаилу Небогатову отвели 14 стихов, во втором – шесть.

Михаил Небогатов. Так кто же он? Одним словом здесь и не ответить: поэт, литератор, наставник, пропагандист, фронтовик, семьянин, друг, товарищ, гражданин, человек... И каждое из этих слагаемых можно писать с большой буквы!

Не полукавлю, если скажу, что лично для меня он открылся в таком многообразии не сразу. А ведь и я уже – далеко не юнец, шесть

десятков годков – вот они, не на дальнем горизонте...

Как только попал я в Кузбасс, в Кемерово, из Томской глубинки в середине августа 1969 года, так на меня просто обрушился поток новых слов и понятий: шахты, разрезы, комбинаты, заводы, новостройки, шахтёры, металлурги, химики. Едва ли не ежедневно покупал в киосках газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», жадно знакомился со всем необычным для меня, абитуриента только что открытого вуза – института культуры. И чуть ли не в каждом новом номере, если не на первой полосе, то в другом месте встречал стихи – ровные столбики – такие непривычные для газетной формы издания. И почти под всеми ними – Михаил Небогатов. Обращал внимание и на «подвалы», где разбирались стихи молодых авторов. И там встречалась всё та же фамилия. А недели через две я уже сидел перед приёмной комиссией на зачислении, и проректор-эстет Юрий Васильевич Изюмский, хитро улыбаясь, выпытывал: а кого из местных поэтов и прозаиков знаю? Что читаю из толстых журналов? Моя молодая память лихорадочно выхватывала из своих недр имена: Гарий Немченко (признаться, его-то одного из прозаиков я успел прочитать накануне), Евгений Буравлёв, Валентин Махалов, Игорь Киселёв и, конечно же, Михаил Небогатов. Назвав журналы «Юность» и «Новый мир», упомянул и «Огни Кузбасса», который, ещё не раскрывая, случайно заприметил в витрине одного из газетных киосков.

И потом, на протяжении многих лет, если не десятилетий, по крайней мере в семидесятые-восьмидесятые годы, с полос областных газет не сходило имя Михаила Небогатова. Призна-

юсь опять как на духу, стихи эти просматривал довольно бегло, даже с некоторым раздражением: казались они мне все какими-то неискренними, заказными, надуманными, а сам автор напоминал мне придворных пиитов. Увы, так я думал. А однажды, в одном из своих рассказов, в контексте о современных местных поэтах, упомянул и Небогатова – как «датского». «Датских» поэтов наша пишущая братия не читит, ставя их лишь одной ступенькой выше всяких графоманов. Каюсь, было...

Года два тому назад весенним солнечным днем брёл я по Советскому проспекту мимо дома, где жил Михаил Александрович Небогатов. На стене этого дома установлена мраморная мемориальная доска – с фотографией и датами проживания в доме Поэта. И доска эта была... расстреляна снежками. Каково?! Не думаю, что в том был глубокий умысел, скорее хулиганские выходки сорванцов-недорослей, не ведавших, что они творят. Но ведь – расстреляна! Не символично ли это?! Снежки те, разумеется, потом растают, а доска лишь отмоется и обновится. И всё же... В безответного Поэта, к тому же – фронтовика! Вроде, как в анекдоте: всякому хватит смелости дёрнуть за хвост неживого льва. Попробовали бы сделать такое при жизни...

А ведь доводилось. Ой, доводилось, и неоднократно, Михаилу Александровичу стоять под обстрелами. И далеко не под снежками. Стреляли в него и пулями, и снарядами, и авиабомбами. Это – в солдата. Да и поэт Небогатов выдерживал обстрелы, пусть и словесные. И от кого? Да от своих же собратьев-писателей, от друзей-товарищей, от нечистоплотных журналюг, от самоуверенных амбициозных графоманов, от многочисленных чиновников. И ведь стоял. И выстаивал, проявляя силу и мужество, терпение, такт и уверенность в своей правоте, ветеран, поэт и гражданин Михаил Небогатов!

А всего сильнее изменила лично моё мнение о Небогатове как поэте и человеке ещё одна замечательная книга, подготовленная его дочерью Светланой, изданная в 2006 году, – «Михаил Небогатов. Поэт (дневниковые записи разных лет)». Дважды уже пришлось мне воспользоваться этой книгой, готовя из неё подборки для номеров журнала «Огни Кузбасса». Вот и теперь буду прибегать к материалам именно из этой книги, основываясь на записях самого Михаила Александровича. По-моему, книгу-дневник далеко не все ещё оценили в должной степени. Дневниковые записи, что может быть ценнее для исследователя, биографа, литературоведа?! В них человек раскрывается без всяких прикрас. И пусть оценка происходящего носит зачастую эмоциональную окраску и несомненный элемент субъективизма, но сами-то факты, факты! Да через дневники Михаила Александровича прошла вся история возникновения, становления и развития писательской организации Кузбасса – в течение сорока лет, с начала пятидесятых и до самого конца восьмидесятых годов! И непременно – в контексте времени! В контексте событий нашей страны и Кузбасса!

В годовщину 65-летия Победы, пожалуй, следовало бы сделать акцент на фронтовой биографии воина и защитника Родины Михаила Небогатова! Но ведь не мною давно уже приравнено перо Поэта к штыку. И уже тогда, в двадцать с небольшим, в часы затишья и отдыха на передовой, рождались у Михаила Небогатова первые, пусть и не совсем умелые, но стихи.

Михаил Александрович Небогатов – коренной кузбассовец, родился в городе Гурьевске 5 октября 1921 года тринадцатым ребёнком в семье счетовода-бухгалтера металлургического завода. В пять лет он лишился отца, когда тот умер в одночасье, поехав в лес за дровами. К этому времени на попечении матери оставались в семье ещё двое несовершеннолетних детей. «Нужда была настолько безысходной, что я ино-

гда неделями не ходил в школу – не было обуви», – вспоминает поэт.

Между тем атмосфера в семье оставалась доброжелательной. Малограмотная мать, Клавдия Степановна, знала много стихов, особенно Некрасова и Кольцова; её речь была насыщена пословицами и поговорками. Видимо, это и послужило одной из первопричин, что мальчик стал сам сочинять стихи, сначала переделывая на свой лад всё того же Некрасова.

В 1937 году семья Небогатовых переехала в Кемерово, где юноша вынужден был оставить учёбу и начать самостоятельную трудовую жизнь техником-инвентаризатором.

«В апреле 1941 года меня призвали в армию, а в июне вспыхнула Великая Отечественная война. Вначале я был рядовым красноармейцем, потом – весной 1943 – попал на трёхмесячные курсы в военное училище, откуда вышел младшим лейтенантом. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. Осенью того же 1943 года был демобилизован по ранению и вернулся в Кемерово», – такие строки оставил Михаил Александрович из своей фронтовой биографии. Всего-то!

Парадоксально, но факт: очень многие фронтовики-ветераны, вспоминая о войне, не любят красоваться своими подвигами и заслугами. А ведь два года рядовым – не в штабе отсидеться! Обратите внимание на строку о трёхмесячных курсах младших офицеров. Был направлен весной, предположим, что в марте. Через три месяца выпущен младшим лейтенантом, следовательно, где-то в июне-июле. А уже осенью – демобилизован по ранению. Не трудно догадаться, что ранение было не из лёгких. И ещё, кто такой младший лейтенант? Командир взвода – на самой что ни на есть передовой линии. А командиров взводов хватало, по горькой военной статистике, всего на один-два боя... Орден Красной Звезды просто так в первые годы войны никому не жаловали...

За два военных года Небогатов написал менее десятка стихов: «...говоря откровенно, завидую тем поэтам, которые даже в боевой обстановке, в самых неподходящих условиях не прекращали творить». Очень самокритично, не правда ли? И всё же обратимся к ним, этим стихам, датированным 1943 годом: «Встреча с Героем Советского Союза», «Письмо», «Русский человек». Внимательно прочитав и перечитав их, честно признаюсь, не обнаружил тут пока ещё высокой поэзии – в них больше пафоса и ремесла. Но уже заслуживает положительной оценки отточенность рифм, ритмика и размер стихотворений. Замечу, забегая вперёд, что чувство ритма вообще присуще небогатовской поэзии, она напевна, потому-то и написаны на его стихи позднее десятки песен. А тогда – откуда было и взяться большому мастерству у 22-летнего парня, да ещё и без профессионального литературного образования? Но и в тех строках наверняка можно отыскать хотя бы небольшие, но поэтические искорки и даже находки, особенно в концовках. Как в этом:

*Увидать Героя всяк мечтает.
Но в бою случается порой –
Человек дерётся и не знает,
Что он сам и есть живой герой.*

И уже тогда, когда до Победы оставалось ещё два тяжелейших года боёв и сражений, поэт-воин верил и мечтал о том, что «пробьёт победный час», что «обязательно приеду», что «опишет в будущем историк неповторимый путь борьбы». И ещё – «будет памятник поставлен, незабываемый вовек». А далее строки – и впрямь пророчески-ясновидящие – всё о том же памятнике:

*Стоит, бессмертия достоин,
Непобедимый, грозный воин –
Великий русский человек!*

И ведь поставили – по всей Руси великой. Да что Руси?! По всей Европе! Взять хотя бы тот же Трептов-парк – с советским воином-освободителем, держащим на руках немецкую девочку, или «Алёша» в Болгарии – русский солдат...

Война. Два года из семидесяти, одна тридцать пятая часть жизни – вроде, не так уж и много. Зато какие годы! И к годам этим поэт-ветеран будет возвращаться всю оставшуюся жизнь, по-новому осозная и осмысливая их – в стихах и беседах. Одних стихов о войне у Михаила Небогатова набралось на целый сборник.

Редкий очередной День Победы или канун его не бережил душу и раны ветерана. И появлялись новые стихи, и печатались они на первых полосах газет, и читались они автором в школах, библиотеках, по радио, на телевидении. В качестве примера приведу лишь два фрагмента из дневников:

«1965 год, 30 апреля. Принял участие в передаче по радио «Люди одного поколения» ... брали у меня как фронтовика интервью, потом я (сам уже) прочитал новое стихотворение «Вновь над Россией журавли трубят» – воспоминания о тех, кто не пришел с войны».

«7 мая по радио был на передаче «Писатели-фронтовики у микрофона». В ней приняли участие Молостнов, Измайлов и я. Передача была сделана в форме беседы. Прозвучала неплохо».

А взять хотя бы такой факт: 26 февраля 1960 года «Комсомолец Кузбасса» опубликовал две главы из поэмы о Вере. Именно во многом благодаря поэту-фронтовику многомиллионный Кузбасс узнал о своей землячке-кемеровчанке Герое России Вере Волошиной!

...Попытка наладить семейную жизнь с первого раза не удалась: брак с Тоней и рождение дочери Нины не принесли радости и душевного спокойствия фронтовику.

Зато уже в мае 1946 года Михаил Небогатов повстречал свою судьбу и музу у кемеровского

кинотеатра «Москва», как Мастер свою Маргариту. Звали её Марьяна (Марианна, Мария Ивановна), жила она недалеко от города, в деревне Мазурово, работала учительницей. Мусик – так ласково стал называть её 25-летний Михаил. Вскоре появился и первенец, дочь Светлана, а за нею – двое сыновей, Саша и Володя. Прожили они вместе почти 45 лет!

Семью нужно было на что-то содержать, и вчерашний фронтовик устраивается работать сначала военруком, затем культмассовиком, после чего – литсотрудником областной газеты «Кузбасс». Профессиональное занятие литературой даже по тем временам давало возможность лишь жалкого существования.

Своеобразной отдушиной становятся стихи, когда можно забыться, уйти в созданный мир, излить свои чувства. А ещё – рыбалка: «Не знаю летом лучшего занятия, как посидеть над водою с удочкой в руке и смотреть на поплавок. Целый день могу не уходить с реки, даже не до еды».

И стихи слагаются, и считает Михаил Александрович, что «не было бы многих хороших стихов, особенно о природе, если бы не те четыре года, что прожил на Искитимской набережной, в двух шагах от полей и перелесков – вблизи от дорогого с детства пейзажа». В 1946 году он приступает к созданию поэмы о молодёжи военных лет. Поэму высоко оценивает его приятель и поэт Алексей Косарь.

А вскоре появляются и первые публикации в толстых журналах и газетах. Третий номер «Сибирских огней» за 1946 год напечатал подборку его стихов. По этому поводу Небогатов запишет: «Сколько сил и бодрости вливает это! Я готов сейчас день и ночь не выходить из-за стола, чтобы каждое стихотворение моё было новым шагом в большую литературу».

К началу пятидесятых годов у него уже написано столько стихов, что набирается не на один сборник. В 1952 году выходит первая книга Ми-

хаила Небогатова «Солнечные дни», а в следующем ещё одна – «На берегах Томи». Эти-то книги сам Михаил Александрович не без основания считает началом всей кузбасской литературы, поскольку вышли они до первых книг и Евгения Буравлёва, и Александра Волошина, и других именитых кузбасских писателей. С появлением своих детей поэт начинает писать и детские стихи, которые были изданы отдельной книжкой «Юным друзьям» в 1957 году.

Уже в это время Небогатов очень много и часто задумывается над предназначением поэзии и поэта. «Безликая лирика надоедает, хочется сделать что-то более значимое. Очевидно, вся моя поэзия держится на чувствах. Перестаю волноваться – и стихи не рождаются».

Самооценка своего творчества, сомнения в его значимости и совершенстве – постоянные спутники даже большого писателя. Автор – лучший судья своих стихов: «Я сам понимаю, что у меня хорошо, что плохо. А постоянное чувство моё – неудовлетворённость всем, что я делаю. Всё что-то не то. И вроде знаю, как должно быть, а сделать не могу».

Поэтическое вдохновение и трудолюбие – без этого не рождаются стихи, по крайней мере, у Небогатова: «Напишешь одно стихотворение – и кажется: ну, всё, выдохся. Оказывается, ничего подобного. Отдохнул немного, освежился, смотришь, снова появились новые мысли и чувства».

О том, как и по сколько писал Михаил Александрович, расскажем ниже. Но изнуряющая работа профессионального литератора доводила его порой до отчаяния: «До чего же нелёгко писательский труд! Даже для создания лирической миниатюры требуются такие усилия, которые даются ценой постоянного напряжения и систематической тренировки... Проклятая необходимость добывать насущный хлеб! Имей я ещё какую-нибудь специальность, не стал бы навязываться своими рукописями нашим газетам, не

раздражался бы из-за равнодушия редакционных чиновников».

Нужда и нищенские заработки доводили поэта до крайности и в относительно благополучные пятидесятые, и даже шестидесятые годы. В конце пятидесятых семья Небогатовых улучшила свои жилищные условия – переехала в трехкомнатную квартиру. Казалось бы, радоваться надо, а Небогатов сокрушается, что за неё теперь придётся платить порядка 200 рублей ежемесячно. «Главная моя трудность – безденежье, – запишет он в своём дневнике 1 декабря 1959 года. – Просто ума не приложу, чем кормить ребятишек».

А 12 января нового 1960 года в почтовом ящике Небогатовых оказался квиточек на почтовый перевод на тысячу рублей: «Сегодня неожиданная радость! Пришел почтовый перевод из Москвы. Из литфонда, с короткой припиской «Высылаем пособие по решению Правления от 29.12.59 г.». Эта тысяча для литфонда – не стоит и гроша, а для меня – целое состояние, которое заткнёт многие дыры!»

Заметим между прочим, что к этому времени Михаил Небогатов ещё не был принят в Союз писателей СССР, но знали о нём уже как о поэте не только в Кузбассе и Сибири, но и в Москве.

...Существует иронично-расхожее мнение, что писатель пишет, а читатель читает. А ещё, что если писатель и читает, то только им же и написанное. Сия сентенция совершенно не подходит к Михаилу Александровичу Небогатову. Пожалуй, тут вполне можно сравнить его с таким писателем, как Максим Горький, который очень и очень многое постиг за счёт самообразования и чтения чужих книг.

Как на службу, едва ли не ежедневно, Небогатов заходит в центральный книжный магазин, интересуясь новинками поэзии и покупая всё сколько-нибудь ценное (это при той-то нужде!). С ручкой в руках он прочитывает эти книги, делая пометки, и говорит о них со своими кол-

легами, друзьями, родными, оставляя записи в дневниках. Он помнит наизусть стихи многих поэтов, считая, что книжки, которые не обогащают, – ничто, пустой звук.

Приведу лишь ничтожно малый перечень фрагментов записей, которые он оставлял в своих дневниках о прочитанных книгах:

«23 мая 1958 г. Читаю Джека Лондона. До чего это цельный писатель!»

«12 июня. Вчера дочитал «Войну и мир». До чего же мудро писал Лев Толстой! Читаешь его – и с каждой страницей обогащаешься, начинаешь разбираться в той каше – человеческой жизни...»

«24 июня. Знакомлюсь с Ф. И. Тютчевым. Староват по стилю и словарю. Но глубина чувств и мыслей всей лирики – поразительная!»

«...Дочитал сегодня том чеховских писем. Впечатление такое, будто побеседовал с человеком умным, шутливым, деликатным, образованным».

«...Дочитал «Братьев Карамазовых»... Достоевский – замечательный, единственный в своём роде писатель, гордость России...»

«...Читаю Блока. Упиваюсь музыкой его стихов, яркостью его чувств...»

«...Прочитал Расула Гамзатова в переводе В. Солоухина. Гениальный человек этот Расул! Всю мудрость своего народа впитал в себя, сконцентрировал, обобщил и теперь дарит людям...»

«...Читал Бунина «Жизнь Арсеньева». Восхищение моё им как художником слова беспредельное...»

Евтушенко, Рождественский, Вознесенской, Ахматова, Цветаева, Василий Фёдоров, Павел Васильев, Василий Шукшин, Виктор Астафьев, Михаил Шолохов... Сотни имен поэтов и прозаиков отечественных и зарубежных, прошлого времени и современности так и полонят страницы дневниковых записей Михаила Небогатова. И не просто мелькают, абы покрасоваться – всякому своя оценка, и не всегда со-

впадающая с общепринятой или официальной. Поистине – литературная энциклопедичность знаний и суждений!

...Рыбак рыбака видит издалека – гласит половица. Добавлю: и писатель писателя – тоже. Без преувеличения скажу, что на протяжении пятидесяти лет Михаил Небогатов, как магнитом, притягивал к себе пишущую братию – от вполне зрелых и именитых и до самых юных и начинающих.

Были у него и свои литературные кумиры. Из множества назову лишь А. Т. Твардовского и В. М. Шукшина. Долгие годы вёл он с ними переписку, посылая свои книги и получая от них письма с отзывами и книги с доброжелательными автографами. Твардовского он считал не только своим кумиром, но и учителем. Не без участия Александра Трифоновича получил Небогатов и ту самую тысячу литфондовских рублей. В «Новом мире» Твардовского появляются и подборки стихов сибирского поэта. А с Шукшиным, хотя и прозаиком, – и того лучше. «Три дня жил в мире шукшинских героев. Этот мир настолько интересный, многообразный, глубокий, что создаёт иллюзию, будто ты побывал где-то в другой жизни. Душевная обнаженность Шукшина поразительная!» А 14 августа 1966 года от Шукшина пришло письмо, в котором он делится с Небогатовым замыслами создания разговорного сибирского языка и просит Михаила Александровича посодействовать в этом.

Невозможно без Небогатова представить и Кемеровскую областную писательскую организацию. Он стоит у самых истоков её создания, хотя его не успели принять в Союз писателей СССР на момент образования отделения (14 июня 1962 г.). Зато уже в октябре 1962 года по рекомендации Евгения Буравлёва, Сергея Маркова и Ковынёва Михаил Александрович был принят в Союз писателей СССР, и к пятёрке первопроходцев (Е. Буравлёв, А. Волошин,

Г. Молоstown, Т. Ян и Г. Генке) добавляется шестой член – Михаил Небогатов.

А задолго до этого, с самого послевоенного времени, в Кемерове образуется неформальное литературное объединение, в котором Михаил Небогатов сближается с поэтами Алексеем Косарем, Владимиром Измайловым, Евгением Буравлёвым, прозаиками Виталием Рехловым, Александром Волошиным. И уже тогда о кузбасских писателях узнают не только в Сибири, но и в Москве. В июле 1947 года их приглашают принять участие в конференции писателей-сибиряков, которая состоялась с 27 ноября по 2 декабря в Новосибирске. «Нас целая «банда» – Ерошин, Алексеев, Косарь, Усольцев, Волошин и я. Вызваны также шорский поэт Фёдор Чиспияков и Замятина. Выходит, Кузбасс будет представлен восьмёркой». Сколько их ещё будет на веку Михаила Александровича – этих конференций, съездов, совещаний, семинаров!

«Помочь человеку – не последнее дело», – пишет он в дневнике. Пожалуй, это – кредо поэта и гражданина Небогатова! «Не в моей натуре поворачиваться к человеку спиной, когда он приходит к тебе с открытой душой». И он помогает. Чаще всего бескорыстно: кого-то переводит с национального языка на русский, кому-то пишет рецензию на новый сборник или даже подборку стихов, кому-то способствует вступлению в Союз писателей, кого-то просто поддерживает добрым словом или письмом.

Он искренне радуется приёму в Союз писателей каждого нового литератора. Буквально за два-три года пополняется и отделение писателей Кузбасса новыми членами Союза писателей СССР: в 1963 году принят Виталий Рехлов («Я – за него, заслуживает!», 16 января 1964 года – Владимир Измайлов и Александр Ворошилов; 16 июля – Гарий Немченко и Анатолий Соболев; в 1965 году – Виктор Баянов...

Довольно долгим оказался путь в СП для Валентина Махалова – недавнего выпускника

журфака ЛГУ, которому ещё в ноябре 1963 года Небогатов по просьбе Буравлёва даёт рекомендацию для вступления в Союз. И лишь в 1975 году строптивый, неуёмный и неугодный верхним чиновникам от литературы поэт Махалов получил членский билет.

Очень тепло отзывается Михаил Александрович о стихах ещё одного молодого поэта – Геннадия Юрова, вернувшегося в Кузбасс после Томского университета. В 1964 году у Юрова вышла первая книга стихов «Синий факел». «Он подарил мне её. Думаю над рецензией. Хорошие стихи». Много позднее, когда в газете «Кузбасс», в двух номерах за январь 1985 года, будет опубликована поэма Г. Юрова «Планета Кемерово», Небогатов напишет: «Не вижу, кто бы из наших собратьев-поэтов мог написать такую хорошую вещь, разве что Игорь Киселёв... В поэмах Гена нашел себя, утвердился как отличный поэт!»

Тёплые и дружеские отношения завязываются у Небогатова с поэтом-фронтовиком Владимиром Измайловым, редактором-издателем Павлом Бекшанским, поэтом-сатириком Владимиром Матвеевым, прозаиком Владимиром Мазаевым, публицистом-краеведом Иваном Балибаловым, журналистом Юрием Баландиным, поэтом-машинистом Виктором Баяновым. Семьями дружат Небогатовы с Буравлёвыми и Волошиными, частенько гостя друг у друга – под непременное хлебосольство. С ними можно было откровенно говорить обо всём, а паче всего о литературе, писателях и делах в писательской организации.

Не будет преувеличением, если замечу, что более половины принятых в Союз поэтов получили рекомендацию Михаила Александровича. Среди таковых: Валентин Махалов, Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Владимир Иванов, Александр Ибрагимов, Любовь Никонова.

Редкий новый поэтический сборник кузбасских авторов оставался без внимания Небогатова. Да что сборники – подборки стихов,

отдельные публикации в газетах или журналах волновали его как поэта и критика. Перечислю здесь лишь некоторые имена авторов: Алексей Косарь, Евгений Буравлёв, Казимир Лисовский, Степан Торбоков, Фёдор Чиспияков, Софрон Тотыш, Владимир Измайлов, Геннадий Юров, Валентин Махалов, Анатолий Саулов, Павел Майский, Олег Павловский, Илья Ляхов, Виктор Баянов, Владимир Матвеев, Игорь Киселёв, Иван Полунин, Виталий Крёков, Николай Колмогоров, Александр Ибрагимов, Владимир Иванов, Валерий Ковшов, Анна Каптарь и многие другие.

Широкие познания в области литературы, а особенно – поэзии, постоянная практика собственного стихосложения развили в Небогатове как внутренние, так и внешние критерии понимания и оценки поэтического творчества других авторов. Сборники стихов и поэтические подборки собратьев по Союзу – лишь малая толика в общем объёме литературной критики Михаила Небогатова. С пятидесятых годов хлынула просто лавина стихотворной и стихоподобной массы. И всякий пишущий непременно желал бы получить профессиональную оценку своего творчества. Тут-то и пригодились опыт и навыки Михаила Александровича. Добрым, но не добреньким оказывался он для всех пишущих как критик-литконсультант областных газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Десятки, сотни писем приходят в его адрес – как благодарных и доверительных, так и агрессивно-амбициозных. И почти все они не остаются без его внимания.

«Для меня всегда была важна истинность дарования, это та природная основа, без которой всякий разговор о поэзии становится бессмысленным... Мы только запутываемся, если рядом с понятием «поэзия» введём ещё понятие «стихотворство». Если стихи тебя трогают, считал он, это уже один из признаков поэзии. Далее идёт мастерство. Вот ему-то и придаёт Небогатов осо-

бое значение в своих ответах-литконсультациях. В подтверждение приведу некоторые записи, говорящие о том, каким напряженным и нелегким оказывался труд консультанта: «За неделю написал 54 консультации для «Кузбасса» (запись от 11.02.76 г.); «Работал вусмерть – за восемь дней ответил на сто с лишним рукописей. Из них только две заслуживают внимания» (21.03.67 г.); «С консультациями в «Кузбасс» я опять сплеховал – сдал на оформление оплаты слишком большое количество и, как всегда в таких случаях, их обесценили – за 73 консультации получил всего 54 рубля. Выходит, меньше рубля за ответ, большинство из которых по одной, по полторы страницы». Заметим между прочим: для того, чтобы написать толковую литконсультацию-ответ, немало времени следует потратить на чтение и анализ стихов того или иного автора. Нередко Небогатов бывал и жестковат в оценках, мотивируя тем, что «графоманов не следует поощрять публикациями, это не принесёт пользы никому. К любому начинающему надо относиться требовательно, оценивая его поэтическую работу строго, без каких-либо скидок».

У меня в руках сильно пожелтевший от времени номер газеты «Комсомолец Кузбасса» от 11 июля 1972 года. На третьей полосе, в «подвале», рубрика «Факультет молодого литератора», где Небогатовым подробно анализируются присланные стихи трёх авторов. С двумя из них он полемизирует, критикует, отмечает слабые стороны стихов, зато стихотворение студентки первого курса филфака КемГУ Ирины Барышниковой он печатает полностью, отмечая как явную удачу и вынося первую строку стиха даже в заглавие статьи «О чём-то шепчет о своём трава...». Сопровождает его словами: «Ничего не скажешь, хорошее стихотворение, чёткое по форме, цельное по содержанию и настроению. Можно с уверенностью сказать, что Ира Барышникова – одарённый автор, что мы вправе ждать от неё больших творческих удач». И ведь как в

воду глядел: именно Ирина (ныне Фролова) из тех троих стала незаурядным поэтом, членом Союза писателей России – со своей тематикой и неповторимым творческим лицом.

Работоспособности Михаила Небогатова – и как поэта – можно только позавидовать. Редкий день у него проходил без того, чтобы он не написал стихотворение, а то и несколько. Я не берусь в данном очерке за анализ поэтики Михаила Александровича – это дело критиков и литературоведов-филологов. Однако вполне соглашусь с тем, что лучшие стихи его – негромки, мягки, благородны. Это – исповедальная лирика, открытая ладонь, протянутая другу. При этом тематика его творчества необычайно широка. Его волнует всё, что он видит, чем живёт он сам, его Кузбасс, его страна и народ в ней. И в плане формы ему удаётся многое: миниатюры в 4–6 строк, многостраничные оды, эпиграммы, литературные шаржи и пародии, поэмы, сонеты. О самом стихосложении и замысле стиха он пишет: «Стихи невозможно писать по строчкам: одну строчку написал, теперь буду думать о другой строке. Стихи – это блочное строительство». Он строг к себе и своим собратьям по творчеству: «Все ли мы активно пишем? Большинство из нас тратит время впустую, на пустопорожнюю болтовню, на всякие заседания, собрания. Это простительно людям рядовым, но не творческим... Не умеем ценить мы время, надо переламывать себя, заставлять работать ежедневно... Перейду я, кажется, на ночную работу – только ночью по-настоящему сосредотачиваешься». И всё это – не красивые и высокопарные слова, дабы выставить себя более привлекательно, нежели других. Красноречивее всего по этому поводу говорят сами дневниковые записи, тут и комментарии никакие не нужны:

«18 сентября 1958 г. Оказывается, за год я написал около двухсот мелких стихотворений – лирических, публицистических, детских, юмористических, шуточных...»

«16 февраля 1960 г. Уже больше недели пишу каждый день по стихотворению...»

«12 апреля 1960 г. Почти два месяца писал по одному стихотворению в день. Задача нелёгкая, но выполнимая...»

«16 января 1964 г. За последние дни написал десяток стихотворений. Какое сложное это дело – творчество...»

А в начале семидесятых годов Михаил Александрович находит для себя, казалось бы, старомодную форму самовыражения – средневековый сонет. Мало того – прибегает и к написанию венка сонетов – особой формы, которая в блоке включает 15 сонетов: центральный (магистрал) и 14 «рядовых», каждый из которых «завязан» с магистральным, а первая строка нового сонета в венке начинается с той, которой закончился предыдущий. «Насколько я знаю, в русской поэзии – «венки сонетов».

«16 августа 1971 г. В пятницу я здорово поработал – за день написал сложнейшую вещь – венок сонетов» (15 сонетов по 14 строк каждый. – В. А.) «...Ночью очень плохо спал... А всё потому, что помешался на сонетах, всё время думаю о них, в голове постоянно звучат его ритмы, во сне и то снятся какие-то строчки...»

«10 января 1985 г. ... совершил творческий подвиг: за два дня (6, 7 января) написал второй за свою жизнь венок сонетов, весь посвященный войне...»

В этот период Небогатов задумывает создать целую книгу, включающую в себя не одну сотню стихов-сонетов. И за три месяца, к январю 1973 года, ему это вполне удаётся!

Сонеты – сонетами, что называется, для души, но в Небогатове всегда жил и поэт-публицист, который просто не мог не откликаться на все волнующие его события. И на каждое такое событие, едва станет о нём известно Михаилу Александровичу, он тут же пишет стихотворение, а уже на следующий день оно появляется в газетах. Запускают в космос

корабль с первым человеком на борту – восторженное стихотворение-отклик; вышел наш земляк А. А. Леонов в открытый космос – не менее восторженное стихотворение; едва отгремели выстрелы на острове Даманском на советско-китайской границе – гневный отклик; погибла бортпроводница Надя Курченко – негодующее соболезнование; произошел в Чили государственный переворот – стихи поэта-гражданина; присвоили Героя соцтруда шахтёру-передовику – стихотворные поздравления...

Особая страница в творческой биографии Михаила Небогатова – сотрудничество с местными композиторами. Столько песен, написанных на его стихи, пожалуй, нет ни у одного кузбасского поэта. По скромным подсчётам, основанным только на его дневниковых записях, мне удалось обнаружить более тридцати песен!

Среди композиторов, писавших музыку на стихи Михаила Небогатова, следует назвать Р. Желиховского, Ковалёва-Троицкого, Б. В. Ковбасова, Николая Угрюмова, Николая Кудрина, Евгения Дубова, Феликса Марка. Особая дружба связывала поэта с композитором Владимиром Игнатовым. Только с ним было написано более десятка песен, исполнявшихся на всевозможных концертах, по местному радио, телевидению. О чём эти песни? Да всё о том же: о шахтёрах и людях труда, о героических буднях и ратных делах Советской армии, о минувшей войне, о любви, о Кемерове, о Кузбассе.

Четырнадцать стихотворных сборников было опубликовано у Михаила Небогатова при жизни, ещё два – уже после того, как его не стало. И тиражи большие. А ещё – книга дневников поэта, послужившая основой для написания этого очерка.

Не будем ханжами: каждый автор хотел бы получить признание своего творчества и таланта ещё при жизни. С признанием Михаила Александровича Небогатова как незаурядно-

го поэта-фронтовика, поэта-песенника, поэта-публициста и патриота, как принципиально-го критика и трудоголика обстоит не так уж и плохо. Его знали и помнят, читали и читают, его чтили и чтят собратья по перу. От поклонников его поэтического дара шли письма со всей страны, об этом свидетельствует целый раздел дневниковых записей. Ему дарили цветы после публичных выступлений и приносили целые букеты домой, присылали подарки, говорили искренние добрые слова... Не обошли вниманием его и многие известные писатели и редакторы, среди которых: Александр Твардовский, Василий Шукшин, Сергей Баруздин, Елизавета Стюарт, Иван Ветлугин, Анатолий Софронов, Сергей Викулов, Александр Казинцев, Александр Горшенин и многие другие. Не говорю уже здесь о писателях Кузбасса.

Однако самым почётным признанием его поэтического дара было присуждение Михаилу Александровичу премии и лауреатства журнала «Наш современник» за 1986 год! – «За циклы стихов «Сибирское лето» (№ 6) и «Времени река» (№ 11)» – так гласила лауреатская формулировка.

Была и ещё одна важная награда – Почётная грамота Союза писателей СССР – за активную творческую и общественную деятельность и в связи с 25-летием образования Кемеровской писательской организации, датированная 10 июня 1987 года. В торжественной обстановке вручил ему её в Доме литераторов Кузбасса ответственный секретарь Геннадий Евлампиевич Юров.

Не стало Михаила Александровича Небогатова 21 марта 1990 года.

И, наверное, многие бы из ушедших и нынешних административных работников Кемерова и Кузбасса, а также писателей, знавших поэта, смогли бы подписаться под словами Зинаиды Александровны Чигарёвой: «...Шахтёры – это Кузбасс, химики – Кузбасс... И Небогатов – это тоже Кузбасс!»

Михаил НЕБОГАТОВ

Стихи разных лет

Читатель! Друг мой неизвестный!
Ты стал судьбой в моей судьбе.
Едва родится в сердце песня,
Я вспоминаю о тебе.
Такой, как есть, всегда со мною
Сидишь ты рядом за столом:
С открытой, щедрою душою,
С живым, бесхитростным умом.
С любовью к людям, с вечной жаждой
Работы, нового всего...
Тебе служил я строчкой каждой,
Всей страстью слова моего.
Пусть наш союз живёт и дальше!
Порви его – и между строк
Вкрадётся тень невольной фальши
И равнодушья холодок...

* * *

Рано поколенью моему
Испытанья выпали на долю:
Жизни путь начать в огне, в дыму
По насквозь прострелянному полю...
Как ни тяжело было на войне,
Как мы там ни мучились, страдая,
Дорого навек то время мне,
Потому ль, что молод был тогда я?..

* * *

Всю жизнь перед глазами, как живой,
Увиденный впервой солдат убитый.
Кругом движение, гул, моторов вой,
А он у дома – всеми позабытый...

Был первый день войны. И первый он,
Ничком лежащий, весь в пороше пыли.
Поздней я видел многих вечный сон,
А этот – всех живее в страшной были.
И чувство в сердце жуткое, как стон:
Уйдя, мы разбудить его забыли.

* * *

О, сладкое слово
Команды: «Привал!»
Прилёт – и готово,
И в сон – наповал.
Но это другие,
Но это не я:
В минуты такие
Мне нет забытья.
Смыкаю упрямо
Глаза. Ни к чему!
Мне видится мама
В родимом дому.
Её полушалка
Вдыхаю тепло...
Себя мне не жалко,
Пусть мне тяжело.
Ведь я же со взводом
И с ротой родной.
А ей какво там,
Старушке, одной?
Мучительно снова
Представить свой дом...
О, сладкое слово
Команды: «Подъём!»

* * *

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро и зло?
Зачем растёт трава,
Что никнет под косой?
Зачем цветёт, жива,
Под солнцем и росой?
...И снова синева,
И жаркий блеск в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.
Чтоб дождь на ней блестел,
Как искорка в очах,
Кузнечик свиристел
И лютик не зачах.
Чтоб кто-то здесь прошел,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчёл
Нарвал букет цветов!

* * *

Посетив места родные,
Что оттуда я привёз?
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берёз.
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого края
Проплывают в Салаир.
Всколыхнул
Мне снова память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замять –
Где ребята ждут девчат,
Чёрный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Вновь увидел все дороги,

О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на юру...
Край любимый, этой дани
Я не ждал, к тебе спеша,
Пусто в лёгком чемодане,
Но зато полна душа.

* * *

Опустело на просёлке,
Спит охотник у костра.
Только голос перепёлки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь она, как мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать.

* * *

Бор – зелёная обитель.
Словно сосны, день высок.
– Митю видел? Митю видел? –
Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве: «Видел, видел!» –
Я ответить птичке рад.
Митя – друг её, наверно,
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Мол, не видел ли его?

* * *

Я люблю, как всякий русский:
Если лето, так уж зной,
Если снег, так чистый, хрусткий,
Если дождь, так проливной.
Вечер, день ли на примете,
Вьюги шорох, листьев медь –
Всё должно на этом свете
Лишь своё лицо иметь.

Фёдор ЯГУНОВ

ПОЭТ, НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ

Пытаюсь себе объяснить, почему по прошествии почти семидесяти лет с того дня, когда в сражении на Курской дуге поэт и воин, наш земляк Владимир Чугунов в последний раз поднял в атаку свой взвод – в атаку, из которой он живым не вернулся, почему на его родине, в Кузбассе, так и не вышла книжка его стихов? То, что это был несомненный талант, доказывают посмертные публикации его стихов, в том числе – и в известном московском издании «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», где его имя соседствует с такими именами, как Муса Джалиль, Михаил Кульчицкий («Не до ордена / Была бы Родина...»), Павел Коган – автор знаменитой и по сей день «Бригантины».

Почти пятьдесят лет, как в Кемерове действует отделение Союза писателей России работают разные издательства.

Ну да, Владимир Чугунов еще перед войной уехал вслед за своей любовью – актрисой театра оперы и балета имени Абая Марией Чугуновой-Гришиной, в Алма-Ату. И призван на фронт был не из Кузбасса. И имя его не в кузбасской, а в алма-атинской «Книге Памяти». Всё так.

Но становление его как поэта произошло в Кузбассе – на шахте и в газете «Борьба за уголь» города Анжеро-Судженска. И стихи, которые он писал, даже живя в Казахстане, были о Кузбассе: «Шумно гонит воды Яя. / Дикий камень, тальники. / И журчат, в неё впадая, / Три таёжные реки...»

Из биографической справки: «Владимир Михайлович Чугунов родился в 1911 году в семье железнодорожного врача на станции Иланской. Шести лет остался без отца. Детство было трудное. Школу пришлось бросить. Владимир поступает на одну из шахт Анжеро-Судженска. Был коногонном, потом забойщиком. Окончив в 1930 году Анжерское горно-промышленное училище, стал машинистом врубовой машины. Потом его пригласили в городскую газету...»

Но еще задолго до этого его стихи, написанные для себя, для своих друзей, растекались по молодёжным рукописным альбомам. Было такое, теперь забытое, увлечение. Парни и девушки заводили особые тетради, куда

их друзья вписывали «на память» стихи (не обязательно свои), какие-то значительные слова, делали рисунки... У части зрителей была популярна телевизионная передача «В нашу гавань заходили корабли», бытует такое понятие «дворовая песня» как альтернатива официальной, профессиональной песне. Тогда были «альбомы», в них можно было встретить стихи Надсона, Сергея Есенина (книги его не печатались). В таком вот альбоме в военном, кажется, 1943 году, я и увидел стихи, подписанные «Вл. Чугунов». Стихотворение, остановившее моё внимание, называлось «Последний запев Сербиянки» («Сербиянка» – популярный тогда у молодежи танец).

*Ты осталась на шумной вечеринке,
Грянули гармоники, и вновь –
На высоком каблуке ботинки,
Воротник, голубенький от синьки,
Губы, как на алой ране кровь.
В пляс ушла, заламывая руки,
С кем плясала, другу расскажи...*

На этом месте стихи обрывались, дальше – листы были потеряны. Я огорчился. В мой газетный очерк вошли только эти уцелевшие строки. Как же я был удивлен, когда в очередном письме из Израиля, где живет теперь мой друг Гриша Грумберг, я вдруг прочел: «Спасибо тебе за статью о В. Чугунове (видно, я послал тогда ему вырезку из газеты. – Ф. Я.). И потому что мне тоже дорога память о нём. Уже и пятьдесят лет минуло со времени встречи с его стихами, а я всё еще при случае вспоминаю ту, «оставшуюся на шумной вечеринке», и то, как «по садам, как кровь, течет малина», и, кажется, что всю жизнь я любил ту, что «в пляс ушла, заламывая руки...» И потому, что статья хорошая – с любовью, с драматургией, мыслью и романтикой. Узнаю в этом тебя, которого люблю еще больше лет, чем поэта...» И так далее.

С Гришей мы познакомились и подружились в войну, когда он был в Кемерове, в эвакуации. Мы работали с ним на разных военных заводах и ходили в один

драмкружок. После войны он возвратился в Харьков. Учился. Много лет был художественным руководителем Харьковской филармонии. Теперь он известный в Израиле театральный режиссёр, бессменный постановщик ежегодных праздничных концертов в честь Дня Победы в Тель-Авиве. Меня поразило, что он до сих пор помнит чугуновскую «Сербиянку», что прислал мне её текст, восстановленный по памяти:

Расстались мы (так я помню. – Ф. Я.) на шумной вечеринке

.....

*С кем плясала, другу расскажи.
У парней в кармане, словно шуки,
Спали острые зубастые ножи.
И огни зелёные в глазах их,*

*Над глазами складки глубоки.
Ходят рядом с парнями девахи,
Заправляют им, шутя, рубахи
И за финские берутся черенки.*

*Знался я с компаниями блажными
И бывал на вечеринках тех,
Сквозь вино смотрел глазами злыми
Полупьяный и ревнивый смех...*

*Но в твою любовь, теряя веру,
Я ушел, по-прежнему любя,
И с каким восторгом вот теперь я
Встретил в этом городе тебя!*

*Где тот парень, бравый запевала,
Видно, парня погубила страсть...
Ты припомни только, как бывало
Двух парнишек в вечер целовала,
Третьему случайно отдалась.*

*А теперь, приглашенная ветром
И зенитным мечена лучом,
Ты идешь, студенты и поэты,
В майки физкультурников одеты,
Греют руки о твоё плечо!*

*По садам, как кровь, течет малина,
Бродит ветер, кудри теребя,
Ты сними со стенки мандолину,
Спой мне песню новую, Галина,*

*Песню, возродившую тебя.
Продолженьем этой новой песни,
По дорогам светлым бытия
Прохожу товарищ твой, ровесник,
Рядом с нами полыхает песня,
Как любовь, как молодость твоя!*

Слышал, что в Алма-Ате вскоре после войны по-смертно вышла книжка стихов Вл. Чугунова. В нашей областной библиотеке нашел восьмой номер журнала «Простор» за 1990 год, издаваемый писательской организацией Казахстана. Во вводной статье к подборке стихов Вл. Чугунова автор, известный русский писатель Юрий Домбровский, вспоминает, как познакомился с поэтом, как он выглядел тогда, как читал свои стихи.

«Широкоплечий, крупный, приземистый до мешковатости, с очень светлыми рыжими волосами, с несколько замедленной и даже, пожалуй, затрудненной, но плавной речью, он представляется мне настоящим образцом человеческой положительности...

Для понимания поэта и всего его творчества часто бывает очень важно услышать, как он читает свои собственные стихи... Чугунов прочел мне всего несколько стихотворений, но это чтение его я помню до сих пор... Чугунов стоит, привалившись спиной к печке, и читает. Голос у него низкий, глуховатый и даже какой-то нутряной, но читает он всё-таки очень хорошо. Суховато, но точно, чётко, выразительно. И самое главное, – действительно читает свои стихи, а не поёт, как многие поэты...»

Своё введение к подборке стихов в алма-атинском журнале «Простор» Юрий Домбровский заканчивает пожеланием:

«Чугунова после его смерти издавали не раз, но писать о нём почти что не писали. Я знаю только две статьи о нём. Вернее, не статьи даже, а два введения, открывающие его посмертные сборники. Всё это, конечно, совершенно нетерпимо. Чугунова необходимо как можно скорее собрать и издать вновь. Этого требует не только одна героическая биография поэта, но наши кровные читательские интересы».

Целиком согласен в этом с автором статьи. Резануло только, что нигде не упомянуто, кто он и откуда. Похоже, русский поэт, кузбассовец Владимир Чугунов, его творческое наследие считаются теперь безраздельным достоянием суверенной Республики Казахстан.

Владимир ЧУГУНОВ

Стихи разных лет

СОСНА

На склоне дня в червонной позолоте
Стоит сосна, стройна и высока.
Над ней летят, сверкая, самолёты
И белогрудые кочуют облака.
Её вершину молнией могучей
Гроза разбила. И у той сосны
В бессильном гневе бронзовые сучья
Над голою землей занесены.

Хранит сосна на смуглом теле знаки
Далеких встреч и чьи-то имена.
По вечерам в сыром и плотном мраке
Ей грезились былые времена.

Ей вспоминалась прелесть диких вёсен,
Когда в корнях рождаются ключи
У одиноких лермонтовских сосен,
Когда рычат потоки, бьются косачи.
И вновь трубит весна...

Опять в овраге,
Беснуясь, мчится бурная река,
Горят костры, и вспыхивают флаги,
По полювому шпату бьёт кирка;
И режет землю звонкая лопата,
И злые корни рвёт в глуби земли...
Здесь будет парк. Весёлые ребята
К сосне недаром песню принесли.
Они поют о Муромской дороге,
Они поют: «Стояло три сосны,
Со мной прощался милый...» И о многом

Поют они, хмельные от весны.
И зашумели ветви, закачались,
Пролётный ветер наклонил сосну.

Под нею тоже, может быть, прощались
И назначали встречу на весну.
И вот сосна совсем по-человечьи
Навстречу людям ветви подала,
Чтобы при новых и счастливых встречах
Под нею наша молодость цвела.

1935

* * *

Просишь ты лирических стихов,
Чтобы строки сердце волновали,
Чтоб на каждый затаённый вздох
Все слова любовью отвечали.

Что же, принимаю вызов твой!
И не ставлю над стихом названья.
Свежею весеннею травой
Этих строк наполнено дыхание.

О, как величав язык любви!
Бьётся сердце, щеки пышут ало.
Ты меня по имени зови,
Как в далёком детстве называла.

Я опять читаю наизусть
Первое своё стихотворенье.
В нём такая искренняя грусть,
Буря чувств, черёмухи цветенье.

Осыпаются с черёмухи цветы,
Затаит она дыхание на год.
На тяжелых ветках видишь ты
Гроздья крупных и созревших ягод.

Ты пила черёмуховый сок,
Золотой от солнечного света.
Потому весёлый твой зрачок
Вечно мне напоминает лето.

1937

* * *

Что лицо твоё туманно,
Нет улыбки, голос тих,
Золотой песок Алдана
Не блестит в глазах твоих?

А припомни, как, бывало,
Выходила в тесный круг,
И смеялась, и плясала,
И задорила подруг.

А припомни, как, бывало,
Только лад гармони тронь,
Ты частушки напевала
Под весёлую гармонию.

А припомни, как, бывало,
На рассвете золотом
В первый раз поцеловала
Парня с пасмурным лицом.

Ты припомни по порядку
Светлой юности дары:
Голосистую двухрядку,
Игры, песни и костры.

Всё припомни, дорогая!
Вспоминая, улыбнись,

Чтобы искра золотая
Засияла у ресниц.

1937

* * *

Срезал я свистульку эту
И у розовой воды,
Сам подсвистывая лету,
Трогал чуткие лады.

Ты на берег выходила,
Молода и весела.
Ты с собою выносила
Два подкрашенных весла.
И на лодке остроносой,
Уезжая в тальники,
Заплетала в черны косы
Лилий белые венки.

Наши лилии завяли,
Лодка дремлет кверху дном,
И снежинки залетали
Белой стаяй над прудом...

.....
Ты припомни день июльский,
Тальником заросший вал,
В тростниковую свистульку
Ветер песни напевал.

СТО БЕРЕЗ

По рельсам Турксиба, путями степными,
Проносится поезд в оранжевом дыме.
За степью на небе вечерний закат
Похож на цветной полосатый халат.
Бесплодные степи... Багровый восток...
Сухой солонец и колючий песок.
Курганы, и ветер, и синие дали...
Две длинные кромки накатанной стали.
Я слышу сквозь гулкое пенье колёс

Название станции «Сто берёз».
Но спрыгнув на землю с подножки вагона,
Гляжу на окрестности изумлённо:
Деревьев не видно, лишь ветер колючий
Пыль поднимает, как чёрную тучу.
Пророчество вижу в названии этом –
Хорошая тема даётся поэтам.
Те люди, что станцию так называли,
Смотрели уверенно в ясные дали.
И время покажет – мы этому верим –
Шуметь здесь широким тенистым
деревьям.

Упорные люди эпохи великой
В бесплодные степи направят арыки.
1939

* * *

Заволокло туманом горы,
И низко хлопья туч висят.
Лебяжий пух покроет скоро
Осенний сад.

Листы на дубе заржавели,
И облетел озябший клён.
А я в тебя, как и в апреле,
Еще влюблён.

Я помню каждое движенье,
Походку, голос нежный твой.
В саду осенним пахнет тленьем,
Сухой травой.

Уже варенье наварила
Соседка на зиму давно,
Уже в бочаре забродило
Моё вино.

На тёплом ватном одеяле,
Заждавшись дочь, уснула мать.

А мы еще не всё сказали.
И что сказать?..

Мелькнешь и скроешься за домом.
Уснешь и будешь видеть сон:
Тропинку в садике знакомом.
Озябший клён.

Меня иль, может быть, другого –
Ведь разные бывают сны.
Так знай: я не сказал ни слова
Лишь до весны...

Заволокло туманом горы,
И низко хлопья туч висят.
Лебяжий пух покроет скоро
Осенний сад.

1940

* * *

Мне тебя прельстить сегодня нечем –
Песня задушевная не в счёт.
Над степным, над горным Семиречьем
Разыгрался ветер, снег идет.

Сад покрыт серебряной попоной,
На привалках облака висят.
Но завидев ясность небосклона,
Петухи цветные голосят.

Значит, будет славная погода
И узор на стёклах расписной.
В декабре сорокового года
Снова пахнет в воздухе весной.

С полдня начинаются капли,
Ноздреватым делается снег.
Если б соловьи еще запели
Над страной семи студёных рек!

1940

НА ЗАГОРОДНЫХ ДАЧАХ

Вспыхнуло окно в оконной раме.
Поздний вечер тишиной богат.
Далеко за чёрными горами
Умирает бронзовый закат.

Деревя стоят в волшебном страхе,
И туман ползет в сырые рвы,
И костры зеленые запахи
Горьким дымом тлеющей травы.

Чёрный пёс у старого дувала
Вздрагивает и рычит во сне.
Яблоко созревшее упало...
Ясно видно горы при луне.

Тишина. Чего-то не хватает,
Кажется, что всё это не то,
И почти бесшумно пролетает
По пустынной улице авто.

Потому что ослепили фары,
Ночь совсем становится темна.
Слышны равномерные удары –
Бьют часы. И снова тишина.

Лишь шумит всю ночь река Казачка,
Размывая каменистый ров.
До утра на загородных дачах
Пахнет дымом тлеющих костров.

ЯЯ

Шумно гонит воды Яя.
Дикий камень, тальники.
И журчат, в неё впадая,
Три таёжные реки.

1

Голубой волне навстречу
Из болот, как ночь, глухих

Выгибает спину речка
В тальниках береговых.
Баял парням дед горбатый,
Что у яра под кустом
В речке плавают усатый,
Почитай, саженный сом.
Вентеря срывает с кольев,
Попадётся – сети рвёт
И гуляет по раздолью
Мутной речки взад-вперед.
Дед, конечно, рыбой бредил,
Сома видел с пьяных глаз,
Ради памяти о деде
Речка Пьяной назвалась.

2

А в тайге, где мгла лежала,
Из колдобин и ключей
Брал певучее начало
Голубой, как день, ручей.
Над ручьем пихтач и сосны;
Размывая тёмный лог,
Он несёт золотоносный
Ослепительный песок.
И затерянной тропой
Мимо сосен вековых
Лоси ходят к водопой
На копытцах золотых.
Хохотушки-зимородки
Вместе с перьями цветными
Носят в клювах самородки,
Украшая гнёзда ими.
Из таких ручьёв в Сибири
Воду черпают руками.
Раздувая ноздри шире,
Пьют короткими глотками.
Потому ребята крепки,
Коренасты, конопаты,
Золотые кудри кепкой
Не закроешь – маловата...

3

Меж крутыми берегами
 Третья плещется река,
 О горячий чёрный камень
 Трёт упругие бока.
 В речке тёплая водица
 Гальку тащит волоком,
 Если в речку заглядится,
 Тучей станет облако.
 И над чёрной речкой тотчас
 Загорается гром,
 Вспыхнет огненная роспись
 Под невидимым пером.
 Там шахтёры в час заката
 Ждут возлюбленных своих
 У гремучих перекатов,
 В тальниках береговых.
 Парней метит чёрный уголь –
 Ночи тёмной он черней, –
 Чтоб их помнили подруги
 Да любили горячей.

Шумно гонит воды Яя,
 Дикий камень, тальники...
 И журчат, в неё впадая,
 Три таёжные реки.

1940

ФОРЕЛЬ

Поднять не в силах лап мохнатых,
 Стоит у водопада ель.
 Серебряная, в чёрных пятнах,
 Меж валунов плывет форель.

Не страшно ей воды кипенье!
 Пosporyт с быстринной реки
 В четырёхцветном оперенье
 Из тонкой плёнки плавники.

Куда плывёт? И что ей надо?
 В равнину б заводи плыла.
 Но по стремнине водопада
 Форель взлетает, как стрела.

В горах, где вечный снег искрится,
 Она не думает о том,
 Что проплывает выше птицы
 В потоке гневном и седом.

1941

ЛИСТ

Такой воздушный, ломкий, яркий
 На ветке удержался лист.
 Он помнит ветра пересвист,
 Пушистый снег, мороз январский.

Взлететь готовый к небесам,
 Чтобы не видеть смерть растений,
 Он не упал на землю сам –
 Один встречает день весенний.

Набухли почки, и смола
 К нему, вскипая, потекла,
 И дрогнул лист, весну приемля.
 Другая жизнь кипит у крон,

И, уступая место, он,
 Как мотылёк спорхнул на землю.

1941

ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Посвящается другу и писателю
 Ивану Шухову*

Оглушенные гармоникой замолкли
соловьи,
 По садам идут товарищи веселые мои.

То ли пчелы загудели в перепутанной
траве,
То ли брага золотая зашумела в голове.

Не шуми, река Казачка! Не бунтуй.
Угомонись.
Ведь друзья ко мне сегодня не напрасно
собрались.

Нет чудесней русской песни
под гармонику твою,
В жаркий полдень воскресенья я с тобою
запою.

Прилипают, словно пчелы, пальцы
чуткие
к ладам,
Мёд зернистый собирает наша песня
по садам.

Знаю я, тебе здесь скучно
в семиреченских садах,
Про степные ты просторы нам играешь
на ладах.

А близ мальвы-медуницы шмель,
смирив свой полёт,
Сладкий сок из чаш тюльпанов,
запрокидываясь, пьёт.
Ветра нет, но песен наших подголоски,
голоса
Раздувают в дальних окнах занавесок
паруса.

Улыбаются казачки. Старики затылки
трут,
Значит, наши с тобой песни многих
за душу берут.
Значит, песни наши будут верным
спутником в боях:

Мы слова их с тобой выбьем
на отточенных клинках.

И когда аллюром грозным полетим в огонь
и сечь,
Слово песни нашей яркой будет нас в боях
беречь.

Лето 1941 года,

Алма-Ата

СЧАСТЛИВЫЙ ПУТЬ

Прошлой ночью вокруг месяца
Было жёлтое кольцо.
Нынче злая выюга бесится
И швыряет снег в лицо.

Замело тропинки узкие,
Все дороги замело.
И мороз в просторы русские
Бросил синее стекло.

Мимо дымных, ладно срубленных,
Хлебом пахнувших домов
Земляки в тулупах дубленых
Шли в буран без лишних слов.

Шел обоз. Копыта цокали,
Пели скаты у саней.
«Земляки мои, далёко ли
Вы торопите коней?

Что ни дальше, тем морознее
И убродней зимний путь.
Вы устали, время позднее,
Не пора ли отдохнуть?..»

Ударяя рукавицами
О тулуп, сказал старик:

«Не должны остановиться мы
И поедem напрямик, –

И взглянул вперед спокойно,
Щелкнул смерзшимся бичом, –
Вещи тёплые для воинов
Красной Армии везём!»

Путь счастливый вам, товарищи!
И в разгар родной зимы
Нас зовут войны пожарища –
Сокрушаем немцев мы!

1942

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

Тёплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рукав.
Что скажу я в этот миг, ребенка
На коленях нежно приласкав?

Что не скоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь...
Так закон диктует в деле ратном:
«Умирая, всё-таки не трус!»

Может быть, в журнале иль в газете,
Что хранили боль наших времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,

Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану,
Сердце не грубеет на войне:
Часто дочь трёхлетняя Светлана
Мысленно является ко мне.

1943

КУКУШКА

Над головою пуля просвистела;
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.

Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье успокоив мне,
И в тот же час в лесу закуковала
Весёлая кукушка на сосне.

Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напополам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата Русская земля.

15 апреля 1943 года,
Северный Донец

В РАЗВЕДКУ

Памяти Леонида Нуриева

С суровым озабоченным лицом
Он у сосны надламывает ветку.
Сегодня ночью уходить в разведку,
Искать «язык» за Северным Донцом.

Сегодня ночью...
А пока что синий
В бору сосновом шел на убыль день.

И в чаще, смешивая чёткость линий,
Ложилась фиолетовая тень.

Комбат спросил: «Как думаешь, Нуриев,
Удастся ли разведка в этот раз?»
Он, думу невесёлую развеяв,
С улыбкой ясной посмотрел на нас.

«Пойду», – сказал он с твёрдостью солдата,
Опять по-детски весело смотря.
Таким весёлым был он до заката,
Не зная, что сулит ему заря.

Разведчики ушли...
Над ними месяц новый
Глядел из золоченой полумглы.
Светящиеся пули в бор сосновый
Влетали и впивались в стволы.

Друг не мечтал об орденах и славе,
Отважным был он – Родины солдат.
И в этой вот последней переправе
В решениях был твёрдым, как всегда.

Когда у ног его рвалась граната
И падал он на землю вниз лицом,
Знал сердцем чутким: храбрые ребята
Остались там, за Северным Донцом.

*23 апреля 1943 года,
Северный Донец*

* * *

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроём –
Равно бедны, равно богаты, –

Грустим, смеемся и поём
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,
Но жаворонок будет петь,

Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над жизнью власть,
Ток животворных сил почую,
Всю поэтическую страсть
В четыре строчки заключу я.

*1 мая 1943 года,
с. Первомайское*

ПОСЛЕ БОЯ

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое –
Облака плывут над головой.

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

1 мая 1943 года

Юрий СКУДАРНОВ

ДЕТИ ВОЙНЫ

Мы – дети войны. Мы пока еще живы. Со всем немало наших одноклассников, чуть постарше и помладше, лежат в могилах. Нас легко узнать: согбенная пожилая женщина с протянутой рукой у входа в Центральный универмаг (я всегда стараюсь подать ей милостыню); пожилой мужчина с бодожком, которому не спешат уступить место в автобусе; топчется на остановке седовласый профессор, возвращающийся с ученого совета, мимо на БМВ, «мерседесе», «ауди» лихо мчатся его студенты, он сегодня утром читал им лекцию по истории Отечества. Нас еще много. Страшно вспоминать, но забвение ещё страшней. Пока живы дети войны, память о ней священна.

Помню кусочек мирной жизни перед войной: папа приходил с работы в приличном темно-сером костюме (в лихие времена мы обменяли этот костюм на жмых). Нина, старшая сестра, ей было 8 лет, я с младшей сестрой Галей – 6 и 3 лет. Папа, когда был арбузный сезон, приносил огромный сладкий арбузище (умел выбирать). Ужинали за большим столом все вместе. Пугали: кто не ест суп, тому не будет компота и арбуза. Галя не любила суп. Но компот и арбуз ей все равно доставались – младшая, обижать нельзя.

Начало войны помню, будто это случилось вчера. Было жаркое, июньское воскресенье, самый длинный день в году. Мариинск, куда мы переехали перед самой войной из Прокопьевска, расположен в основном на левом берегу. Однако мы любили купаться и загорать на правом – там песочек, пологий берег,

хорошее дно Кии. Часов, понятно, ни у кого не было, но мы желудком ощущали время – пора по домам, обед.

Когда переходили по мосту, слышали непонятные, тревожные звуки вдруг откуда-то взявшихся динамиков и среди нагромождения слов – короткое, как удар хлыста, слово «война»! Мы не очень понимали, что означало это страшное слово (пацаны от 4 до 8 лет), но кумекали, что нас ждет что-то смутное, злое, непереводимое. Когда перешли на левый берег, на улицу Рабочую, прилегающую к Кии, увидели толпы людей у столбов, к которым прикреплены громкоговорители и на разные голоса – шепотом, стоном, вскриком – «война»! Мы, обычно озорные и шкотовые, вмиг притихли и чухнули по домам. Было страшно. Нам чудилось, что эта самая «война» сию минуту разразится здесь, на Рабочей улице Мариинска. Дома же не страшно – там мама, папа, крыша над головой и толстые стены купеческого дома, крытого железом, где ютились четыре семьи.

Нет! Дома было ещё ужасней. Мама, всегда спокойная и уверенная в себе, в этот миг уязвимая и беззащитная, выкрикивала: «Ты уйдешь на фронт, я останусь на погибель. Что я буду делать с тремя ртами?» Отец угрюмо молчал. «Ой, лишеньки, ой, лихо!» Эти слова, тревожные, как набат, я много раз слышал потом. Они всегда означали горе, безысходность, боль и страх за сегодня, завтра, послезавтра. Галя, которая, по-видимому, с детства не боялась брать на себя ответственность, всем сообщила: «Был бы Гитлер маленький, я бы сама его убила!»

...В сентябре отец ушел на фронт. Наше счастье, что ровно за неделю до начала войны родители купили молодую, резвую корову Зорьку. Если бы не Зорька, трудно сказать, что было бы с нашей семьей. На первую военную зиму папа успел заготовить Зорьке сена, завез полную кладовку торфа и дров. Угля у нас (наверное, и у других тоже) не было ни комочка. И вот она пришла, первая военная зима. Но не суровая сибирская природа угостила нашей незащищенной, но дружной семье грозное испытание, а люди. Вернее, один человек, который занял должность нашего отца. Песин – вот имя этого «налетчика», мечтавшего в глубоком тылу получить боевую награду «за взятие квартиры» на Рабочей, 73. Не вышло. Медали «За оборону квартиры» получили бы мама и мы, дети. Когда вместе с клубами мороза в дверь вошел Песин с двумя мужчинами, когда они «распечатали» дверь спальни (мы зимой все обитали на кухне с целью экономии тепла), и от теплого воздуха рухнула штукатурка, мама поняла, в чем дело.

– Значит так, гражданка Скударнова, руководство Госстраха (там работал отец. – Ю. С.) решило, что эта служебная квартира должна принадлежать мне и моей семье.

Мама с распущенными по пояс волосами, бледная, с побелевшими сжатыми кулаками развела мужиков руками, шагнула к печке и достала из закутка топор. Все ошалели. Вышла в центр кухни:

– Вот тебе топор, руби мне голову, живая я отсюда не уйду. Или я отрублю тебе башку.

Угроза была так страшна и реальна, что мы испугались, заплакали, бросились к матери, повисли у нее на руках, закричали: «Мамочка, миленькая, не руби дяденьке голову!»

Что же ты, Песин, выбрасывал женщину с тремя малолетними детьми на мороз? Ведь их отец в это время защищал Москву. Три месяца лютой зимой 1942 года солдаты не заходили в помещение. Наш отец был ранен, а сколько сибиряков 75-й Красногвардейской

Сибирской дивизии полегли там навсегда!

Отстояли мы свою квартирку, снова заклеили дверь в спальню, а рухнувший потолок так и остался лежать на полу до весны 1942 года.

Лето сорок второго для нас было суровым испытанием. Мы вмиг повзрослели. Как-то незаметно подступила сенокосная пора. Покос – в таежных неудобьях километров за тридцать от Мариинска. Мама отоварила три хлебные и продуктовые карточки (крупы, соль, сахар, мыло), благословила нас и Зорьку и уехала на покос. От первого взмаха литовки до последнего навильника в стог мы жили самостоятельно, без какой-либо опеки. Родственники были только в Прокопьевске и Киселевске. На оставшуюся на троих одну карточку – хлеба 300 грамм. А вечером приходила из стада Зорька. Нина с подойником идет в стайку, а через несколько минут вместо молока несет слезы. И к тете Гере Афраимович:

– Тетя Гера, Зорька молоко не отдает!

Идет на поклон к Зорьке тетя Гера. И тоже зря. Выдоили корову другие «млекопитающиеся». Злые люди знали, что некому за нас заступиться. Может, у них доля была еще хуже нашей, может, совсем маленькие дети, может, на отца пришла похоронка. Бог с ними, не умрем до утра. Так всегда о похожих случаях рассуждала мама.

У тети Геры было двое детей – Борька и Баська, они из Прибалтики. Еще одна соседка – тетя Аня Аракчеева, тоже эвакуированная, из Ленинграда, с сыном Вовкой, моим ровесником. Она была стройная и красивая. Поскольку мужиков в городе было мало, стесняться было некого – тетя Аня «рассекала воздух» до Кии и обратно в трусах и лифчике. Воду она носила без коромысла, ведра в руках – стройная, гордая, ядреная. Она держалась особняком, в «артель» не вставала.

И третий сосед – Литувев с женой и 14-летней дылды Галькой. Говорили, что он «туберкулезник», потому и не на фронте. Мужик знал толк в рыбалке и имел снасти. Постоянный запах

вареной или жареной рыбы от их двери сводил нас с ума, кружилась голова. В самые скучные моменты тетя Гера доставала каменные мятные пряники (наверное, еще прибалтийские запасы) и угощала нас. Мы размачивали их в холодной воде и проглатывали не жуя. Литувей был нелюдим, всегда грустен, неразговорчив. Ему было глубоко наплевать на всех нас. Эх, Литувей, Литувей, неужели ты не видел, что семья фронтовика, твоего, Литувей, защитника, погибает от голода? Неужели ты, русский мужик, не мог подарить какой-нибудь вшивый крючок пацаненку, показать ему, как насаживать червяка. Мог же ты хоть иногда отдавать нам рыблю голову, чтобы у нас состоялась шарба. Жлоб ты, Литувей. Еврейка тетя Гера делилась с нами последним куском. А еврей Песин чуть не выбросил нас, как щенят, на мороз. Выходит, не в национальности дело...

Летние дни длинные, но голодные дни были нескончаемы. На озерке и на Кии мы каким-то непостижимым образом ловили гальянов и съедали сырыми. Днями пропадали у голубятников Витьки Васина и Лёвки Тюменцева. Заходили в дом к Петровым, Мелашюнас – почти нигде, ничего не «отламывалось». В нашей компании однополок 6–8 лет был один «атаман» по кличке Бобер, постарше, лет 11–12 ему было. Гнилой пацан, «проверял» чужие погреба, кладовки, огороды. Пытался и нас приловчить к этому «ремеслу». Не вышло. Однажды в болотной луже мы увидели утку с её детенышами, совсем крохотными желтыми комочками. У Бобра хищно сверкнули глаза: словим, поджарим, сожрем! Мы, младшенькие, завопили: «Нет! Нет! Нет!» И шуганули утку. Она поняла сигнал тревоги и скрылась вместе со своим детсадом среди камышей.

У кого-то из соседей были похороны. Незнакомая бабушка посоветовала нам присоединиться к процессии. С ней же, с процессией, вернуться и, может быть, удастся сесть за поминальный стол. Мы выполнили все условия, но, увы, на поминки нас не пригласили. Та же

бабушка вынесла нам в подоле по пирожку из хилой муки с морковкой. Да ещё на кладбище мы поклевали боярки, правда, незрелой.

Все наше горемычное военное детство в глубоком тылу пронизывал голод. Голод был главным всепобеждающим чувством. Голод хватал за детское горлышко круглые сутки. От него не было спасения. На продукты, в том числе и хлеб, ввели карточки. Иждивенческая норма – 300 грамм.

А ведь и в войну некоторые жрали в три горла. В нашем бараке (это уже в сорок третьем году в Киселевске) жила с родителями, отцом и матерью, Светка сопливая. Я знаю её фамилию, но из брезгливости не стану пачкать бумагу. В самый разгар наших игр на голодный желудок (жмурки, прятки, чика, пристенок, зоска) Светка выходила из дома с толстым куском белого (белого!) хлеба, жирно намазанного настоящим маслом и обильно посыпанного сахаром, демонстративно чавкала, распустив соплю минимум до нижней губы, а то и до подбородка. Она их не вытирала, не сморкалась, а ловким движением носа шмыгала, и они, как по команде, возвращались на исходную позицию.

Мы запросто, ну, делать нечего, могли отнять у Светки хлеб. Но надо же, голодные, как узники Освенцима, но гордые! Кто-то из нас вбивал хлеб в грязь (зимой она не выходила, наверное, боялась соплю заморозить), соплю тут же в знак обиды выползали во всю длину, Светка ревела и мчалась домой. Через мгновение с точно таким же куском она паялилась в огромное, до земли окно и жрала, жрала, жрала свой, наверное, сворованный отцом хлеб. Отец работал в ОРСе «Киселёвскуголь» и тырил хлеб для своей прожорливой семилетней соплячки. Он – единственный на 12 барачных квартир мерзкий мужичонка.

Были и хорошие девочки. Почти всех помню. Жили они на улице Кирова, как бы сейчас сказали, в элитном трехэтажном доме. Ухоженные. С косичками, но недоступные, недосыгаемые для голытьбы, к коей относился в те

годы я. Лена Соловьева хорошо пела. Когда появился новый Гимн СССР, она во всех классах пела его без аккомпанемента, знакомила с мелодией и со словами. Все, абсолютно все знали Гимн своей страны. Говорят, потом, в своей взрослой жизни, Лена пела в Рижской не то опере, не то оперетте. Лариса Ермакова – чудо! Теперь она Темерханова – генеральный директор 5-й поликлиники города Кемерово, заслуженный врач России.

Голодное лето рано или поздно кончалось. Приезжала с покоса мама, вся изъеденная комарами, оводом и гнусом. И начиналась другая жизнь. Что-то вырастало на огороде. Мама привозила кедровые орешки и варила суп, из ничего делала мятный пряник. Мама устраивала нам тщательный санитарно-гигиенический осмотр – вши, «цыпки», только держись. С баней был завал – не было денег и не было мыла. А так хотелось помыться. Подойдешь к бане: «Дяденька, проводи!..» Раз-а три-четыре за лето, а последний раз накануне маминого приезда с покоса меня вместе с Борькой и Баськой приглашала тетя Гера.

– Юра, собирайся, пойдем в баню.

Тетя Гера мыла вначале Борьку, потом меня. Сама она была в трусах голубого цвета о трех резинках и в шелковом лифчике. Помыла душистым мылом (точно из Прибалтики!) голову, продраила спину, живот и все остальное, окатила из шайки теплой водой. Сказка! Я стал чистенький, румяненький. Борька переоделся во все свежее, а мне пришлось надевать то, в чем пришел.

Радио у нас не было, но все сводки Совинформбюро мы знали наизусть. «...От Советского информбюро...» Где бы ни заставляли эти слова, произнесенные Юрием Левитаном, все, от мала до велика, бросали дела и прилипали к «тарелкам». Дикторы войны – Юрий Левитан и Ольга Высоцкая говорили Правду, только Правду: сдали город, значит сдали, одержали верх над какой-то безымянной высотой, значит, так оно и было. Мы, дети войны,

долго верили радио, а потом и телевидению. Говорили: это правда! Я слышал это по радио, это правда, я видел это по телевидению, это правда, я читал это в газете. Теперь, рядом с правдой можно услышать, увидеть, прочесть откровенную, постыдную ложь. Я врач с сорокалетним стажем, когда слышу, что каким-то аппаратом лечат сто болезней, мне стыдно. Стыдно перед людьми, которые отдают последние, часто «гробовые» копейки за безделушку, а рекламодатели получают бонусы, гонорары, халявные деньги. Радио перестало быть источником правды. Хотя наряду с халявным враньем есть хорошие, правдивые передачи, в основном кемеровского радио. Спасибо!

Главная тяжесть нашего военного детства легла на плечи Нины, нашей старшей сестры, которой к началу войны было 8 лет. Взгляните сегодня на восьмилетнюю девчушку – что она может, что умеет? Нина не знала и не слышала про компьютер, мобильный телефон и другие достижения нашего времени. Но Нина хорошо знала лопату, тяпку, грабли, подойник. Нина тащила на своих плечах нас, младших. Тащила все наше хозяйство – Зорьку, грядку на огороде, колодец, стайку. Отоваривание карточек в магазине тоже была её забота: хлеб, крупа, мыло. Господи! Да, фантазирую я за давностью лет! Ничего, кроме хлеба-то и не было. Сахар – мокрый красный сырец, жидкое мыло, горсть крупы на одну карточку, на три рта.

Нина начала учиться в 1941 году в 4-й школе Мариинска, была круглой отличницей. Очень любила читать, а так как зачастую не было света, она читала перед печкой, в которой горел торф. Научила ещё до школы читать меня. Мы с Галей (она ещё совсем маленькая) помогали Нине как могли: собирали в тайге хворост, пололи и поливали единственную грядку. Мы были рядовые солдаты, по той военной терминологии, а Нина – командир, отвечающий за все. Эта субординация сохранилась надолго.

го – «старшая», «сама», и мы беспрекословно ей подчинялись. Нине приходилось выполнять работу, которая и взрослому-то не под силу. Нина с мамой носила на себе барду Зорьке по той «дороге жизни» – от Мариинского спирт-комбината.

Когда мама на все лето уехала на покос, Нине пришлось наняться к Синекольским полоть картошку – огромное поле, заросшее осотом и пыреем. Несколько дней Нина сначала полола все руками, потом – тяпкой. За работу она получила кусок свиной кожи. Что же вы, Синекольские, не дали девочке кусочек мяса? Ведь не из одной же шкуры с плохо опаленной щетиной была свинья.

Осенью сорок третьего приехал к нам в Мариинск раненый папин брат, дядя Яша. Привез чемодан еды, даже настоящую колбасу. Это был праздник! Дядя твердо решил забрать нас к себе в Киселевск. И уехал. А в октябре собирать нас и сопровождать в дороге приехал папин отец, наш любимый дедушка Степан – фельдшер, родоначальник нашей обширной медицинской династии. Когда мама с дедушкой уводили со двора Зорьку, мы ревели, обнимая и целуя нашу кормилицу, нашу спасительницу, по сути, члена семьи.

7 ноября 1943 года по улице Ленина в Мариинске шла хилая, продрогшая, безжизненная демонстрация. А в арьергарде демонстрации – замороженная лошадь тащила телегу с совершенно унылым и скудным скарбом и с нашей (на телеге же) отбывающей навсегда из этого города в поисках лучшей доли семьей. Было очень морозно, а снега мало. Из моих глаз текли ручьем и тут же замерзали слезы. Мне было жалко Зорьку, моих друзей – пацанов, провожающих нас, тетю Геру Афраимович, тетю Аню Аракчееву. Литувев провожать не вышел.

В Киселевске дядя поселил нас в бараке по улице Базовой, дом 7, недалеко от третьей шахты, потом она станет тринадцатой. Приютила нас тетя Нина, папина сестра, она жила с дочкой Верочкой в бараке в две-

надцатиметровой комнатенке. Мы, конечно, крепко уплотнили тетю и полуторогодовалую сестричку. Дядя дал нам картошки, свеклы, морковки, полмешка пшена. Во дворе была хорошая стайка, и вскоре там поселилась наша новая кормилица – корова Марта. Эта была уже совсем другая жизнь.

...В Киселевске, на отшибе, среди шахтных обвалов, на улице Громова приютилась беленькая, маленькая, как игрушечка, избушка бабушки Марьи и дедушки Степана. Туда мы любили ходить со своей барачной Базовой. Бабушка, царствие ей небесное, не была очень уж хлебосольной. Но все-таки иногда из заветного сундучка нагребала тарелку семечек. Ни до, ни после таких семечек я не видывал и не щелкивал. Крупные, светлосерые, атласные, с белой полоской по горбушке, с огромными вкусными ядрами. Тарелка опустошалась мгновенно, но «на бис» вымолить вторую даже не пытались – пустой номер.

У бабушки Марьи был своеобразный юмор, как она сама бы сказала – «пондрав». Однажды нас собралось человек пять-шесть внуков. Разговоры, тары-бары. И в одну из пауз встрял я. Дело в том, что мне как отличнику и участнику художественной самодеятельности (пел «Артиллеристы, Сталин дал приказ», «Землянку») «вырешили» отрез плохонький, цвета хаки, из которого мама сшила пальтишко «на выход». Для постоянной носки была фуфайка – прообраз, праматерь всех теплорешных курток и пуховиков. Вышла и рубашка, на которую мама посулилась пришить не пуговицы, а замок-молнию, если буду хорошо себя вести (а это для меня было ой как трудно) и если этот замок добудем. Я возьми да и скажи об этой моей проблеме всем «кузенам» и бабушке. Бабушка, не долго думая, рванула в сени и тащит оттуда что-то тяжелое, огромное. «Вот этот не подойдет?» – и показывает мне, всем нам полупудовый амбарный замок. Толпа родственников смеялась. А я, озорной, шkodливый и веселый пацан, – заплакал.

С фронта шли хорошие вести. От папы регулярно приходили треугольники, писали ему и мы. Победу, конечно же, ждали, а пришла она неожиданно. 9 мая 1945 года мама рано утром провожала Марту в стадо. Нас разбудила соседка:

– Дети, вставайте, Победа!

Мы вскочили, что-то кричали, плакали, я несколько минут стоял на голове. Вскоре пришла мама, обняла нас, заплакала. Все из бараков высыпали на улицу, слез было море! Особенно сильно и безутешно рыдали женщины, которые совсем недавно получили похоронки. Этот святой день в памяти до могилы. Мы праздновали и радовались на равных с солдатами, фронтовиками. Мы, прожившие военные годы в далеком тылу, узнавшие цену хлеба, дружбы, щедрости и жадности. Мы, четыре с лишним года прожившие в горе, в холоде и нужде, навсегда полюбили наши города, наши реки, которые, как живые существа, тоже исстрадались за время Великой Отечественной войны.

27 ноября 2009 года в Мариинске, в дом на Рабочей, 73в, с огромной корзиной гостинцев пришла моя младшая сестра. Комната, в которой жили мы, была закрыта. Хозяйка (наверное, наша ровесница, так как её называли бабушкой) болела, лежала в больнице. Сестра зашла в комнату, где жили Литуевы. Встретила молодая женщина с девочкой лет трех. Сестра протянула ей корзину с гостинцами и сказала, что девочкой (такого же возраста, как её дочь) она встретила здесь войну. Женщина растерянно улыбнулась, взяла корзину и, по-видимому, не знала, что сказать. Где-то в подсознании сестра понимала, что эту корзину-символ она принесла своей старшей сестре Нине, брату Юре, всем детям военного времени, забывшим, как выглядит булочка, кусочек колбасы, настоящая конфета. Она принесла эти гостинцы Вале Втюриной, сидевшей на русской печи, прикрытая тряпьем, потому что её единственное платье из грубой

мешковины, по швам усыпанное вшами, прожаривалось в той же печи, Валиному брату Васе, сестрам Кате и Лиде. Она принесла эти гостинцы детям фронтовика Федосова и тети Капы Прадедовой из нашего барачного дома в Киселевске, моему другу Толе Янчилину, жившему в землянке по Коммунистической в Кемерове, и многим, многим другим.

Сейчас моя младшая сестра, та полуголодная девочка, которая часами простаивала в «Колокольчике» только потому, что там пахло Хлебом, доктор медицинских наук, профессор, действительный член двух академий, почетный профессор Кузбасса, заслуженный врач России Ушакова Галина Александровна. Моя старшая сестра, Скударнова Нина Александровна, – кандидат философских наук, доцент. Я – врач высшей категории.

Есть еще один, священный для нас дом, – отчий дом в Усятах (Прокопьевск), на улице Валерия Симбирцева. В этот дом привел свою юную жену, нашу бабушку, Феклисту Егоровну Атучину, наш дедушка Сергей Орфьевич Усов. Здесь родилась наша мама Усова Евдокия Сергеевна, отсюда повел её под венец наш папа Скударнов Александр Степанович. Здесь родился я. Сейчас в этом доме живет наш двоюродный брат Усов Василий Филлипович, инвалид 1-й группы, с ампутированными по середине бедра ногами (сахарный диабет), 40 лет проработавший на шахте «Красногорская». За ним преданно ухаживает жена Валя. Её отец погиб на фронте в первые дни войны, вскоре умерла мать. Она росла «деревниной дочкой», никто никогда её не обидел, не сдал в «сиротский дом».

Мы никогда не переставали любить свою землю, где покоятся наши предки – дедушка Степан, бабушка Марья, баба Пея, баба Уля, тетя Дуня, дядя Филя, дядя Илларион, наши родители – все, кто позволил нам родиться на этой земле, не дал сгинуть в лихую её годину.

Дети войны, мы пережили со своей страной все тяготы того лихолетья. Заменили у станка

ушедших на фронт отцов; сыны полка, мы погибали на передовых и в партизанских отрядах; утопали в грязи и в болотах в горькие дни отступления, попадали под бомбежки во время эвакуации; умирали от голода в блокадном Ленинграде, жили «под немцем» в оккупации, томились в фашистских застенках и сгорали в газовых камерах.

Это мои сверстники, дети войны, Юрий Гагарин и наш земляк Алексей Леонов первыми в мире вырвались в космос; Василий Шукшин, Валентин Распутин, Чингиз Айтматов и Евгений Евтушенко написали лучшие свои книги; Ролан Быков и Эльдар Рязанов сняли лучшие свои фильмы; Нонна Мордюкова, Кирилл Лавров, Михаил Ульянов, Вячеслав Тихонов сыграли лучшие свои роли; Галина Вишневская, Елена Образцова исполнили лучшие свои партии; это мои сверстники, дети войны Лидия Скобликова, Лариса Латынина, Эдуард Стрельцов стали неоднократными олимпийскими чемпионами, а физик Жорес Алферов был удостоен Нобелевской премии. Сколько добыли угля, сварили стали, вылечили больных, выпустили в большую жизнь учеников мои сверстники. Это мои сверстники, дети войны, подняли целину, накормили страну хлебом и построили Братскую ГЭС.

Нашему поколению чего только не сулили: в восьмидесятые – коммунизм, к 2000 году – каждому отдельную квартиру. Мы всему верили и ждали, ждали. Это «светлое будущее» так и не наступило.

Мы не вписались в реформы девяностых годов: растерялись, не сумели, не сообразили, а скорее всего, не захотели разворовывать, распродавать свою страну, выкачивать недра, которые принадлежат, по сути, не нам, а грядущим поколениям.

...Ушли из жизни наши отцы-фронтовики, ушли наши матери-красноармейки, уходят подранки-подростки. Подошло к последней черте мое поколение – детей войны. Мы прожили жизнь бедно, но достойно. Никогда ни в

помыслах, ни в делах своих мы не предавали свою Отчизну.

Сегодня мы вправе спросить у власти: почему 65 лет нет войны, а в родильных домах оставляют детей и их усыновляют на чужбине? Почему разрушается образование? Почему с экранов телевидения грязным потоком льется непотребство, разрушающее души наших детей? Почему эталоном жизни стали гламур и тусовки? Почему мы проваливаемся на Олимпийских играх?

Мы писали на оберточной бумаге и довоенных конторских бланках, но научились прекрасному русскому языку и родной речи. Мы учились считать на палочках, но и сейчас легко посчитаем в уме. Мы изучали историю и знаем, кто такой Суворов и Кутузов. Мы изучали географию и знаем, где дрейфовали папанинцы.

Ответ, наверное, такой: прервалась связь времен, связь поколений. Где? Когда? В чем? Почему?

Думаю так и потому, что люди, в том числе дети, вынесшие все тяготы того времени, были преданы властью забвению. Помнить – это не только возвращаться к кадрам военной кинохроники. Помнить – это уважительно относиться к людям, пережившим это страшное время, достойно оплачивать их труд и предоставлять им достойную пенсию. Когда они станут немощными – обеспечить им ухоженную старость.

Новым русским легко достались несметные богатства великой страны. Можно безжалостно выкачивать недра, вырубать леса, губить рыбу, сносить исторические памятники, растлевать молодежь. Не жаль, потому что не строили, не защищали, не голодали в глубоком тылу.

Скоро 9 Мая – самый дорогой, самый горький наш праздник. Все в этом мире тленно. Нетленна Земля, где ты родился, и людская память.

С Днём Победы, дорогие мои сверстники, дети Войны! С Днём нашей Победы!

Игорь УСКОВ,
кандидат исторических наук

МОЙ УЧИТЕЛЬ БЕЛОЗЁРОВ

В школьные годы у большинства людей определяется дальнейший жизненный путь. Безусловно, на протяженном образовательном пути основа знаний и отношение к окружающим закладывается в начальных классах первой учительницей, имя которой помнит каждый из нас. В дальнейшем на выбор будущей профессии, в числе прочего, влияет и личность учителя-предметника.

Первым моим учителем истории в 1984 году был фронтовик, заслуженный учитель РСФСР Петр Дмитриевич Белозеров. К сожалению, для четвероклассника, впервые столкнувшегося с предметной классификацией учителей, первые уроки истории не остались в памяти. Однако в них было то, что повлияло на мой выбор в следующем учебном году. На следующий год учитель истории у нас сменился, однако именно с этого времени Петр Дмитриевич становится для меня Наставником, определившим профессиональный выбор. С 1985 по 1991 год я работал в музее боевой славы, последний учебный год – председателем штаба красных следопытов. Работа в музее дала многое: поиск сведений о ветеранах прививал навык исследовательской работы; рассказы участников Великой Отечественной войны «вживую» приобщали к истории своего Отечества; поездки по местам боев дивизии (Ленинград, Псков, Рига, Киев) не только расширяли представление о нашей Родине, но также приобщали к великой истории нашего государства. И все это под руководством Петра Дмитриевича.

В 1980-х годах в школе существовал целый ряд организаций, в которых каждый ученик мог найти применение: пионерия, комсомол, клуб политинформаторов (которым также руководил Петр Дмитриевич), туристический клуб, музей боевой славы 376-й Кузбасско-Псковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Для меня таким местом, в котором проводилось наибольшее количество внеклассного времени, становится музей. Музей объединял единомышленников, случайные ученики долго не задерживались. Кроме поисковой работы, следопыты организовали в музее кружок любителей шахмат. Одним из самых азартных игроков был... Петр Дмитриевич. А уж

какие шахматные баталии проходили в поездах во время длительного пути в Москву или обратно! К ним присоединялись даже пассажиры из соседних плацкартов.

В отличие от многих учителей, Петр Дмитриевич никогда не кричал, не приказывал, не стыдил учеников. Я не помню, чтобы Петр Дмитриевич был когда-то кем-то недоволен. Особенностью его руководства был принцип уважения ученика. Как следствие – во всех мероприятиях, организовываемых Петром Дмитриевичем, принимала участие вся школа.

Мои встречи с Петром Дмитриевичем не прекратились после окончания школы и поступления на исторический факультет Кемеровского государственного университета. Только теперь они проходили у него дома. И опять Петр Дмитриевич делился планами об организации поездок, встреч с ветеранами. Появилась возможность показывать в музее видеокассеты с военными фильмами. Меня восхищала неугасаемая энергия, вдохновение Петра Дмитриевича.

К сожалению, с поступлением в аспирантуру, подготовкой диссертации, началом трудовой деятельности встречи с Петром Дмитриевичем стали происходить реже. Проблема индустриального общества – нехватка времени! Последняя моя встреча с Петром Дмитриевичем произошла накануне празднования 55-летия Великой Победы. Вспоминали о совместной работе, Петр Дмитриевич рассказывал о предстоящих мероприятиях, связанных с праздником. Гостеприимно нас с супругой встретила дочь Петра Дмитриевича – Светлана Петровна. Петр Дмитриевич всегда уважительно говорил о своей семье: жене Валентине Федоровне, дочерях, внуках. Светлана Петровна ездила с отцом по местам боев дивизии. Она же сообщила нам и о последних днях жизни Петра Дмитриевича.

Светлая память о дорогом Петре Дмитриевиче останется навсегда среди бывших следопытов!

Балибаловские чтения:
материалы второй науч.-практ. конф.
Кемерово, 2001. С. 98–100

Анатолий ЛОПАТИН

Пять орденов Коломейцева

30 июня 1953 года в перестрелке с преступниками погиб старший лейтенант милиции А. Н. Коломейцев. Решением исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 20 октября 1965 года «В честь увековечивания памяти о погибшем в борьбе с преступниками старшем лейтенанте милиции Анатолии Никитовиче Коломейцеве» улица Барнаульская областного центра переименована в улицу Анатолия Коломейцева.

Большинство кемеровчан знают эту небольшую улицу в центре города. Знают, что название этой улицы связано с подвигом милиционера. Но мало кто знает, что наш земляк в феврале 1942 года добровольцем ушел на фронт из Новокузнецка, прошел дорогами войны более трех лет и в возрасте 21 года за подвиги во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов был награжден пятью боевыми орденами.

В музее управления внутренних дел области хранятся наградные листы на разведчика гвардии лейтенанта А. Н. Коломейцева, полученные из центрального архива Министерства обороны. Лаконичные представления старших начальников, под командованием которых служил Анатолий Коломейцев, скупно передают фронтовые подвиги этого в общем-то молодого человека.

Давайте и мы прочитаем эти записи, узнаем, за что давали ордена на войне.

Первый орден – Отечественной войны I степени. Из приказа по Северо-Западному фронту от 2 октября 1943 года: «Тов. Коломейцев А. участвовал в боях с немецко-фашистскими оккупантами на Северо-Западном фронте. Был ранен четыре раза».

Второй орден – Красного Знамени. Из приказа по 31-й армии от 16 апреля 1944 года: «Тов. Коломейцев в боях за Советскую Родину проявил образцы мужества и бесстрашия. 14 апреля тов. Коломейцев получил задание от командования части произвести скрытую разведку обороны противника в районе деревни Сметни Витебской области... захватить «языка». Полученное задание он выполнил с честью. В ночь с 14 на 15 апреля, бесшумно подкравшись к немецкой траншее, с группой бойцов своего взвода и внезапно напав на станковый пулемет противника, тов. Коломейцев первым бросился в траншею и в упор убил немецкого пулеметчика, а второго с помощью двух старших сержантов захватил в плен и доставил в штаб части. Захваченный пленный дал ценные сведения. Тов. Коломейцев, несмотря на полученное ранение, лично сам с двумя старшими сержантами своего взвода в течение 20 минут прикрывал огнем группу, доставлявшую «языка».

Третий орден – Красной Звезды. Из приказа по 192-й стрелковой дивизии от 5 августа 1944 года «26 июня 1944 года гвардии лейтенанту Коломейцеву было приказано с тремя разведчиками провести в тыл противнику группу армейской разведки в районе Муллы (Польша). Передний край немцев проходил по озеру. Достав лодку и посадив армейских разведчиков, ... Коломейцев быстро переправил их на противоположный берег. Тем же путем наши разведчики возвратились на свою сторону и благополучно без потерь гвардии лейтенант Коломейцев привел их в расположение наших войск».

Четвертый орден – Отечественной войны II степени. Из приказа по 11-му стрелковому корпусу от 28 сентября 1944 года: «Гвардии лейтенант Коломейцев в ночь на 28 сентября 1944 года в районе Чабаша... Литовской ССР руководил разведпартией по захвату контрольного пленного. Благодаря умелому и решительному действию группы «язык» был взят».

Пятый орден – Красной Звезды. Из приказа 192-й стрелковой дивизии от 18 декабря 1944 года: «В ночь на 08.12.44 года тов. Коломейцев лично руководил действиями разведпартии, захватившей 2-х пленных, во время действий

партии поддерживал ее снайперским огнем... и подавил пулю противника. Успех действий был обеспечен умелым выбором объекта и времени действий, тщательным наблюдением и подготовкой».

Старшему лейтенанту милиции А. Н. Коломейцеву было 30 лет, когда не на войне и не фашистская, а бандитская пуля оборвала его жизнь. Это случилось в июньскую ночь в районе Кемеровской ГРЭС. Много дней и ночей разыскивала милиция Кемерова бандитскую группу, за которой числилось немало убийств, грабежей, крупных краж из магазинов. В операции по задержанию преступников участвовал вместе с другими сотрудниками и заместитель начальника отделения милиции Анатолий Никитович Коломейцев.

...Бандиты блокированы, им некуда деваться. Но в ответ на окрики работников милиции: «Стой! Бросай оружие!» – из-за кустов раздались

выстрелы. «Ложись!» – крикнул Коломейцеву кто-то из сотрудников. Однако было уже поздно. Шальная пуля сразила Анатолия – бандит, парализованный страхом, стрелял не целясь.

В личном деле Анатолия Никитовича Коломейцева появилась последняя запись о награде: «В ночь с 29 на 30 июня 1953 года непосредственно участвовал в проведении по ликвидации бандитско-террористической группы Лаптева – Фролова. В момент задержания Лаптев и Фролов, будучи вооруженными, оказали сопротивление. Товарищ Коломейцев, проявив мужество и отвагу, вступил в открытую борьбу с бандитами-террористами. В процессе перестрелки товарищу Коломейцеву бандитами было нанесено смертельное ранение в грудь. Достоин награждения правительственной наградой – медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» – посмертно».

● У мемориальной доски Анатолию Коломейцеву

Из фондов МУЗЕЯ

Владимир и Ольга СУХАЦКИЕ

Клумбы под картошку

*(глава из книги «Чем богаты, тем и рады.
Питание кемеровчан в XX веке»)*

Принято считать, что в годы войны труженики тыла голодали, поскольку основные продовольственные ресурсы направлялись в Красную Армию. В мемуарах кемеровчан, которые пережили военное лихолетье, можно часто встретить строки о том, как рабочие падали в обморок от недоедания, как полуголодные шахтеры рубили уголь.

Нисколько не сомневаясь в правдивости слов ветеранов, мы все-таки хотели бы рассказать о продовольственном рационе горожан в годы Великой Отечественной войны.

Сразу заметим, что он был скудным, но вовсе не таким, как в начале тридцатых годов, когда в стране свирепствовал голод.

К началу войны Кемерово уже был крупным индустриальным центром. Практически все главные предприятия города – шахты, комбинаты, заводы

входили в различные наркоматы тяжелой промышленности, которые, в свою очередь, были тесно связаны с оборонной. Работая на оборонку, кемеровчане имели различные привилегии, в том числе и по части продовольствия.

Из чего же состоял продуктовый набор кемеровчан в военные годы?

Прежде всего, из тех продуктов, которые выдавались по карточкам: хлеб, мясо, жиры, рыба, крупы, сахар, макаронные изделия.

Кроме карточного набора, многие рабочие и служащие получали дополнительные продовольственные пайки, состоявшие из мясных и молочных продуктов, а также круп, которые производились на подсобных хозяйствах кемеровских заводов и шахт.

И наконец, настоящим кормильцем в годы войны

был огород! Домашнее подворье спасло кемеровских полурабочих-полукрестьян от голода.

Карточная система распределения продуктов была введена в Кемерове осенью 1941 года. Нормы постоянно менялись. Например, в 1944 году в Кемерове ежедневная норма хлеба работающего человека составляла 500 грамм, иждивенца – 300. На месяц выдавали 600 грамм крупы, 200 – сахара, столько же жира, 500 – мяса. Часто случалось, что вместо мяса выдавали субпродукты, вместо крупы – макароны. И только хлеб замене не подлежал.

Хлебные карточки выдавались горожанам ежемесячно. Можно было купить хлеб на один день вперед, но по просроченному талону хлеб не отпускался. Так как многие рабочие обедали в столовых, продуктовые карточки на хлеб, мясо, рыбу, жиры и крупы состояли из дробных талонов. Например, при норме отпуска 600 грамм хлеба имелось три талона: на 300, 200 и 100 грамм. Человек сам мог выбрать необходимое количество хлеба. За талоны на крупу в столовых давали суп или кашу.

Существовали различные виды карточек. У шахтеров и рабочих оборонных предприятий, а также у партийных функционеров и сотрудников НКВД – одни карточки. У работников иных отраслей – другие. Кроме того, существовали еще так называемые рейсовые карточки. Их выдавали тем, кто отправлялся в командировку. Свои продуктовые карточки имелись и у работников железнодорожного транспорта. По ним на любой крупной станции можно было приобрести хлеб, сахар и даже колбасу.

Особые льготы существовали для директоров заводов, партийных и советских работников, которые, кроме карточек первой категории, имели еще и лимитную книжку. Ее обладатели могли приобрести в спецмагазине практически любые продукты сверх установленной нормы.

Карточная система была настолько сложной, что в ней плохо разбирались даже сотрудники Наркомторга – министерства, которое ведало распределением продовольствия. Не будем разбираться в этой запутанной системе и мы, поскольку нас прежде всего интересует один простой вопрос: как питались кемеровчане в годы войны?

Например, шахтеры. В течение всей войны они снабжались продуктами по карточкам первой категории. Для тех, кто работал под землей, были установлены довольно высокие месячные нормы отпуска продовольствия. Каждый шахтер получал ежемесячно: 30 килограмм хлеба, 3,2 – мяса, 0,9 – жиров, 2 – крупы, 0,5 – сахара, 8 – картофеля.

У шахтеров-забойщиков нормы были еще выше: 4,5 килограмма мяса, 1 – жиров, 3 – крупы, 12 – картофеля.

Давайте представим, что вы – шахтер-забойщик. Каждый день у вас на столе имеются: 2 булки хлеба (прежде булка весила 1 килограмм, сегодня – 500 грамм), 150 грамм мяса или колбасы, 2–3 отварные картофелины, тарелка каши (гречневой, овсяной, перловой, в которую добавлена ложка подсолнечного масла), чай и 3–4 кусочка сахара.

Кроме этого шахтер, выполняющий норму добычи угля хотя бы на 80 процентов, получал так называемый «холодный завтрак»: 100 грамм хлеба, ломтик соленого сала (30 грамм) и один кусочек сахара. После смены он ел в шахтерской столовой горячий суп, который готовился из расчета 60 грамм мяса, 10 – жиров и 10 – крупы на одну порцию. Не густо, но тоже – еда.

Совершенно очевидно, что на питании шахтеров власть не экономила. Но тут возникает вопрос: а что ели их семьи?

Допустим, в семье был только один кормилец – отец. Мать – домохозяйка, трое ребятишек. Согласитесь, 1 килограмм хлеба и 150 грамм мяса – это не так уж и много для семьи из пяти человек.

С 1 июля 1943 года советское правительство предоставило особый статус членам семей горняков. Они стали получать продовольственные карточки, по которым раз в месяц каждый иждивенец мог приобрести 500 грамм мяса или рыбы, 200 – жиров, 600 – крупы и 200 – сахара.

Вроде и немного. Но сложите все в одну корзину, добавьте картошку и овощи с собственного огорода, молоко от любимой буренушки, яйца – прокормиться можно.

Итак, кемеровские шахтеры, рабочие коксохимического, азотно-тукового, военных заводов на

правом берегу, а также вся партийно-хозяйственная номенклатура и милиционеры имели карточки первой категории. А это довольно значительная часть населения города.

В 1942 году на всех предприятиях Кемерова была введена система поощрения за ударный труд. Передовики производства получали сверх нормы картофель, капусту, лук, свеклу, редьку. Работники вредных и горячих цехов – молоко. В основном эти продукты производились на подсобных хозяйствах предприятий. Коксохимический завод, например, выращивал картошку на 155 гектарах, зерновые – на 600, а также имел свыше тысячи голов крупного рогатого скота. (Любопытная деталь: самой ценной премией за перевыполнение плана коксохимии считали творог.)

В годы войны в системе общественного питания Кузбасса насчитывалось около 250 городских и рабочих столовых. Если в 1940 году в этой сфере обслуживания был дефицит кадров, то с началом войны от желающих кашеварить не было отбоя. Профессия повара сразу стала востребованной и даже престижной. Всякому было понятно, что повара в голодные обмороки не падают. Однако попасть на «хлебное место» мог далеко не каждый. Поваром мог стать только тот, кто имел профессиональную подготовку. Так как лучшие кемеровские повара ушли на фронт, требовалось обучить новые кадры.

В 1943 году при ОРСе треста «Кемеровоуголь» были открыты четырехмесячные курсы поваров, на которые принимали женщин с образованием не ниже 5 классов. Но это было не единственное требование к поступающим. Брели на курсы только членов семей фронтовиков. Работа в столовой рассматривалась как льгота.

Сегодня трудно восстановить полный список блюд, которые подавали в рабочих и городских столовых. Однако о некоторых кушаньях и их качестве можно узнать, ознакомившись с жалобами рабочих.

«У нас на шахте «Северная» есть столовая № 3. Творящимся здесь безобразиям нет границ. Качество приготавливаемой пищи чрезвычайно плохое. На завтрак, обед и ужин всегда подают одни и те же

неотъемлемые щи, в которых кроме капусты и воды никогда ничего не бывает.

Столовая имеет достаточное количество всех необходимых продуктов, тем не менее, хороших обедов она не приготавливает. Странно то, что, как правило, с 12–15 числа столовая совершенно не имеет жиров. Неизвестно также, куда девается во второй половине месяца необходимая норма мяса и крупы.

Не лучше и в зале столовой № 2, для ИТР. Очень часто бывает так, что в меню значатся и суп, и котлеты, и колбаса, а подают все те же щи и оладьи, приготовленные из недоброкачественной муки».

Подпись: рабочие В. Козунов, А. Юрьева.

В другой жалобе рассказывается «о безобразиях, творящихся в столовой № 10 при автобазе Правобережного комбината».

«В столовой наблюдается обмеривание и обвешивание рабочих. Весы в хлеборезке неточные, жиров в обедах не чувствуется, а за последнее время за капусту вдруг стали брать крупяные талоны».

Некий кемеровчанин П. Чернышев требует навести порядок в одной из городских столовых:

«В кемеровской столовой № 13, где заведующая Живаго, систематически обвешивают и обсчитывают рабочих. Вместо 700 грамм хлеба здесь выдают 650, получая за них по 1 рублю. Если обед стоит 2 р. 30 к., то рабочий вынужден платить за него 3 рубля. «Сдачи нет», заявляют работники столовой. Однажды член комиссии рабочего контроля тов. Остапчиков обнаружил 3 кг сливочного масла, оставшегося от обеда. Составили акт, тов. Остапчиков передал его председателю строительного комитета тов. Леонтьеву, но последний положил акт под сукно».

Нетрудно заметить, кемеровчане обращались с жалобами в вышестоящие инстанции только потому, что в столовых вдруг резко ухудшилось качество приготовления блюд, а некоторые кушанья вообще исчезли. Они требовали навести порядок, потому что прежде эти учреждения общепита соблюдали стандарты, а теперь – нет.

Из этого можно сделать вывод, что в меню кемеровских столовых имелись не только мясо-овощные и крупяные супы, но и котлеты (!), которые всегда ели с гарниром (отварная картошка, тушеная капу-

ста или каша), колбаса (!), оладьи, а также сливочное масло.

С апреля по июнь городские столовые регулярно получали свежие огурцы, зеленый лук, редиску, петрушку и укроп, которые выращивали в кемеровском теплично-парниковом совхозе. В это трудно поверить, но именно так оно и было. Во время войны совхоз имел три теплицы и производил каждую весну 6 тонн ранних овощей. Безусловно, мало для города с населением 150 тысяч человек. Но на 2–3 дольки огурца к гарниру мог рассчитывать каждый горожанин.

Читатель спросит: ну а как питались кемеровчане, которые не имели карточек первой категории, не пользовались услугами заводских столовых? Например, служащие, учащиеся ремесленных училищ, студенты?

Вот заметка, опубликованная в газете «Кузбасс» 10 февраля 1943 года:

«Столовая Кемторга № 19 похожа на многие столовые города: помещение ее не больше, чем у других, такой же штат работников, получает такие же продукты питания, как и другие столовые. Но все же работа этой столовой отличается от других.

Столовая имеет большой контингент столующихся: здесь получают трехразовое питание учащиеся двух ремесленных училищ, сюда же прикреплены студенты химико-технологического института, ученики педагогического училища и работники целого ряда других учреждений...

Из той же капусты, картофеля и других продуктов, что отпускаются в равной степени другим столовым, здесь готовят вкусный питательный обед...

Однако и эта столовая имеет еще целый ряд вполне устранимых недостатков. Так, первое блюдо могло быть лучшим, если бы в нем содержались лук, морковь или томат – продукты, которыми снабжать столовую Кемторг почему-то не находит нужным».

Обычные щи из свежей или квашеной капусты являлись главным горячим блюдом в столовском меню. Как видно из статьи, зачастую их готовили без лука, моркови и томата. (От себя заметим, что в настоящие русские щи ни картофель, ни морковь, ни тем более томаты не кладут.)

Щи преобладали в меню кемеровских столовых в течение всей войны, поскольку сырья для его приготовления было предостаточно. К тому же этот традиционный русский суп был прост в готовке и не приедался. «Родной отец надоест, а щи – никогда!» – гласит пословица. Если отсутствовало мясо, в щи добавляли говяжий, свиной жир, маргарин, маргоуселин или растительное масло.

Труднее всего в годы войны приходилось детям. До ноября 1943 года дети до 15-летнего возраста получали 400 грамм хлеба в день. Потом норму урезали до 300 грамм. Правда, в школах ежедневно, включая праздники и каникулы, ученики получали (без зачета по карточкам) завтрак: стакан чая, 10 грамм сахара, 50 грамм хлеба. Но что значит столь скудный завтрак для растущего организма?

Власти как могли старались помочь ребятишкам. На так называемые «детские карточки» можно было приобрести селедку, конфеты, сливочное масло. Однако выдавались они не всегда. Случалось и так, что эти продукты в город своевременно не завозились.

Любимым лакомством кемеровской детворы был жмых. На левом берегу располагался небольшой заводик артели «Пищепром», который вырабатывал растительное масло из льна, конопли и подсолнуха. Самым вкусным был жмых подсолнечника, по сути – халва, только несладкая. По свидетельству коренного кемеровчанина, кузбасского поэта Геннадия Юрова, «эта «военная халва» была необычайно вкусна, лучше нынешней».

Как вспоминают старожилы, которые во время войны были школьниками, «кушать хотелось всегда, не могли уснуть, потому что хотели есть, продуктов по карточкам не хватало».

* * *

В первые месяцы войны кемеровчане питались относительно нормально. Летом 1941 года многие продукты еще можно было купить в магазине. Селяне по воскресеньям привозили сельхозпродукцию на рынок. Осенью горожане собрали хороший урожай картошки и овощей.

Имелись у кемеровчан и некоторые запасы. Отдельные предусмотрительные горожане незадолго

до войны стали заготавливать сухари, сахар, соль, спички, мыло. Об этом говорит тот факт, что в 1940 году кемеровская милиция провела кампанию, направленную на выявление лиц, скупающих в большом количестве хлеб. Прокуратура возбудила сразу несколько уголовных дел против несознательных граждан. У одной из жительниц города милиция обнаружила 3 пуда сухарей. На суде эта женщина сказала, что сухари сушила на случай войны. Гражданке Мироновой присудили 5 лет лагерей за скупку хлеба и паникерство.

Посадив два десятка человек в тюрьму, милиция успокоилась, полагая, что горожане извлекли из этого урок. Но люди стали просто осторожнее и продолжали прятать мешочки с мукой, крупами, сахаром, солью, бутылки с растительным маслом в укромных местах. Многие кемеровчане имели небольшой НЗ, который пригодился им в 1941 году.

Одним словом, первый год войны кемеровчане более или менее пережили.

Проблемы с питанием обострились в 1942 году, когда в стране началась тотальная мобилизация продовольственных ресурсов. Продуктов стало не хватать.

Понимая, что карточки, пусть даже первой категории, не смогут обеспечить людей едой в достаточном количестве, весной 1942 года местные власти обратились с призывом: каждый горожанин должен выращивать картошку!

Людям стали раздавать землю. Например, родители вышеупомянутого нами поэта Геннадия Юрова получили 5 соток на лужайке у соснового бора, там, где сейчас находится ДК шахтеров. По словам литератора, только благодаря картошке, которую выращивали на этой делянке, семья из четырех человек и выжила.

О том, что обычная картошка имеет военно-стратегическое значение, поняли и в Кремле. Именно в 1942 году всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин обратился к советскому народу со словами: «Если хочешь участвовать в победе над немецко-фашистскими захватчиками, то должен как можно больше посадить картофеля!»

Весной 1942 года на всех крупных предприятиях города были образованы отделы рабочего снабжения (ОРС). Им вменялось в обязанность создать овощеводческие подсобные хозяйства. Однако далеко не все это сделали. Некоторые не успели распахать поля под посевы, другие не смогли достать семена, третьи – просто понадеялись на авось.

Кемерово спасли от голода индивидуальные огороды. В 1942 году 55 тысяч рабочих и служащих засеяли картошкой 4 тысячи гектаров. Осенью они собрали урожай примерно 20 тысяч тонн.

Таким образом, каждый горожанин, включая детей и стариков, имел в своем распоряжении примерно 140 килограмм картофеля. Вроде бы – достаточно. Но поскольку других продуктов в рационе было мало, то картошку ели и на завтрак, и на обед, и на ужин. Кроме того, она шла на откорм свиней. А еще нужно было отдать часть урожая в фонд Красной Армии, в фонд помощи семьям военнослужащих. Ну и, разумеется, требовалось что-то оставить на семена.

Некоторые горожане, съев за зиму все запасы картофеля, шли на поля искать оставшиеся с осени клубни. «Весной, – вспоминал кемеровчанин Георгий Головацкий, – мы собирали на полях мерзлую картошку, пекли из нее «тошнотики», ели разные травы – лебеду, крапиву, пучки, колбу, пестики, петрушки, саранки».

В 1943 году к весенней посевной кампании город подготовился гораздо лучше. В горисполком поступило 80 тысяч заявок от кемеровчан, которые пожелали выращивать картофель и овощи. 18 апреля в газете «Кузбасс» была опубликована статья «Каждый свободный клочок земли – под огороды». В ней говорилось: «Секретарь горкома партии тов. Сифуров поставил задачу, чтобы в Кемерово в этом году не было ни одного рабочего и служащего без огорода. Для увеличения огородной площади можно оттеснить зерновые посеы за пределы города».

Горсовет разрешил кемеровчанам сажать картошку в скверах, на обочинах дорог и даже цветочных клумбах. (Забегая вперед, скажем, что только в 1945 году незадолго до окончания войны местные

власти потребовали от граждан прекратить выращивать картофель в центре города).

Теперь картофелеводством и овощеводством занимались буквально все. Весной 1943 года кемеровские учителя обратились с призывом:

«К учителям и руководителям школ Кемеровской области.

Мы, учителя и руководители школ гор. Кемерово, берем на себя и призываем всех учителей нашей области взять следующие обязательства в предмайском социалистическом соревновании:

Обеспечить все школы участками под огороды. Тщательно подготовиться к весеннему севу на пришкольных участках, максимально расширить их площадь, изыскать семена силами широкой общественности, родителей и учеников».

Но одного энтузиазма было недостаточно. Требовались семена. Особенно в них нуждались подсобные хозяйства заводов и шахт. Делиться семенной картошкой с государством кемеровчане не хотели, самим не хватало. Тогда у руководителей торговли возникла идея обмена картофельных ростков на продукты питания.

«Облторготдел доводит до сведения населения, что местными торгами и райпотребсоюзами производится с 10 апреля по 5 мая с. г. приемка от населения срезок верхушек клубней картофеля. За каждый принимаемый килограмм срезок картофеля сдатчикам взамен отпускается килограмм продовольственного картофеля, или 800 грамм квашеной капусты, или 500 грамм соленых огурцов».

Принятые меры дали результат. В 1944 году подсобные хозяйства перестали использовать срезки. А еще через год торговые учреждения города уже продавали излишки семенного картофеля всем желающим.

Какие же еще продукты имели жители города, кроме тех, что получали по карточкам?

Вот что о военных годах написала в своих мемуарах кемеровчанка Елена Хохлова:

«...Иногда сеяли просо и гречку. На левом берегу Томи, сразу около воды, была мельница, где можно было превратить зерно в крупу. У некоторых жителей Красной Горки были коровы, ведь молока в

продаже не было вообще. У нас тоже была корова... Молока у нас в доме было достаточно, но творога и сметаны не было. Во-первых, потому, что нас в доме было шестеро, во-вторых, в молоке нуждались наши соседи, в-третьих, на коров был огромный налог, как в денежном, так и в натуральном выражении».

Известно, что в 1940 году в личном пользовании кемеровчан было свыше 5 тысяч коров. При горисполкоме даже создали Управление индивидуального животноводства, которое занималось организацией городских пастбищ, выращиванием молодняка, государственной регистрацией скота.

Предполагаем, что примерно такое же количество коров оставалось у жителей города и во время войны. Было бы глупо в тяжелую годину пустить своих кормилиц под нож и остаться без такого питательного и полезного продукта, как молоко.

По воспоминаниям другой жительницы Кемерово Инны Маметьевой, «коров тогда держали многие. И в войну, и после войны распространенными преступлениями были кражи домашнего скота. Коров воровали ночью, вскрывали стойки, зимой укладывали на длинные сани и увозили. Утром в пострадавших семьях плакали как по покойнику, проклинали грабителей».

Держали кемеровчане и свиней. Сало являлось очень ценным продуктом! Совсем маленький кусочек этого продукта давал человеку много калорий. Кроме того, шпик можно было долго хранить. Дети любили кушать его не меньше, чем конфеты, и сосали сало, как леденец.

Кормить свинью было делом нетрудным, если имелась картошка. Однако, как и в случае с коровами, содержание свиней в личном хозяйстве облагалось большим налогом. Поэтому некоторые люди прятали чушек в погреба. Боялись и милиции, и завистливых соседей, которые могли «настучать» куда следует. По словам директора музея «Красная Горка» Натальи Шелеповой, ее бабушка в годы войны держала свиней в подполье (погреб под домом). Мясо и сало «подпольных» кабанчиков ели сами, делились с родственниками, но не выносили на базар. За торговлю нелегально произведенными продуктами грозила уголовная ответственность.

В очень трудном положении оказались семьи фронтовиков. Лишившись кормильца, многие женщины пошли работать на шахты и заводы.

В 1943 году на шахтах Кемеровского рудника работали 1314 женщин, из них 321 – в забоях. Половину рабочих коксохимзавода составляли женщины.

«В годы Отечественной войны, – писала газета «Кузбасс» – женский труд на заводе завоевал прочное место... До войны в некоторых цехах завода работали только мужчины. Проводив мужей на фронт, их жены-патриотки пришли на завод, стали машинистами коксовыталикателя, дверекэкстрактора, загрузочных вагонов».

Мы не склонны думать, что «жены-патриотки» стали горняками или коксохимиками только из-за желания встать на трудовую вахту вместо ушедших на фронт мужей. Скорее всего – другое. Чтобы прокормить себя и ребятишек, надо было иметь продуктовую карточку первой категории.

«Что делать, когда муж воюет, а у тебя на руках четверо детей мал мала меньше?» – вспоминала кемеровчанка, ветеран труда Н. Серова.

«Хлеб, вернее, рабочая карточка, были главным стимулом, побуждавшим школьников оставлять свои парты, а женщин – своих малолетних детей», – вторит ей известный кемеровский телережиссер Федор Ягунов.

Для того чтобы помочь семьям фронтовиков, вдовам, инвалидам, городские власти совместно с военкоматом создали специальный фонд. Люди добровольно сдавали хлеб, мясо, сливочное масло, просо, мед, картофель, овощи, сено, а также обувь и одежду, которые затем передавались в семьи красноармейцев. Участвовали в пополнении фонда и промышленные предприятия города.

Начальник политотдела Кемеровского облвоенкомата майор Лопушной писал:

«Дирекция и парторганизация Кемеровского ордена Ленина коксохимического завода в 1944 году выдали семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны 495 пар кожаной и валяной обуви и отремонтировали 730 пар. Кроме того, специально детям выдано 970 пар обуви, 2575 предметов одежды. Отремонтировано больше сотни квартир, вы-

дано единовременных пособий в сумме 108 тысяч рублей. В 1944 году вспахана большая часть земли под индивидуальные огороды семей фронтовиков, выдано 40 тонн картофеля и других семян».

По свидетельствам старожилов, многие семьи фронтовиков сводили концы с концами только благодаря помощи фонда.

Другой возможностью для кемеровчан получить продукты сверх нормы стала сдача донорской крови. В ней очень нуждалась армия.

В Кемерове сбором крови занималась санбаклаборатория, которая располагалась на улице Н. Островского, 38. Доноры снабжались сухим пайком, хлебной карточкой первой категории на один день (то есть 1 килограмм хлеба) и обедом. За 100 кубических сантиметров крови платили 50 рублей.

Обычно люди сдавали по 400–450 кубических сантиметров крови 2–3 раза в год. Некоторые – чаще. Некая кемеровчанка Ирина Алексеевна Голдырева посещала станцию переливания крови каждые 2 месяца.

«Я даю регулярно по 400–500 граммов крови... В дни, когда даю кровь, чувствую какой-то особый подъем. Конечно, тут и сознание выполненного долга перед родиной, сознание того, что отдаешь все, что можешь, на разгром врага. Но и физически я чувствую какую-то необходимость дать кровь и успокаиваюсь, только вернувшись с донорского пункта. На службе я никогда не устаю».

Существовали и другие способы пополнения продовольственного рациона. Например, обмен. На кемеровском конном базаре всегда можно было поменять мыло на мясо, яйца, масло. Мыло в годы войны являлось самой «твердой» и распространенной валютой. Шахтеры, которые получали его бесплатно, отрезали от каждого куска небольшую часть и несли домой. За 300–400 грамм мыла в деревне можно было получить шматок сала.

Как известно, во все времена, при какой бы то ни было общественной формации, кулинария разделяется на кухню простолюдинов и кухню господствующих классов. Советское общество – не исключение. Власть имущих всегда заботилась о себе. Мы уже говорили о том, что партийные и советские чи-

новники в годы войны имели карточки первой категории и получали продовольствие в том же объеме, что и шахтеры. К тому же у высокопоставленных чиновников были на руках лимитные книжки, по которым можно было приобрести дефицитные товары в спецмагазинах. А еще существовали специальные сверхнормативные обеды, так называемые «литерные», которые делились на 3 категории: литер «А», «Б» и «В».

Поначалу кемеровская бюрократия имела доступ к обедам только категории «В». Но с середины войны в соответствии с постановлением Совнаркома СССР № 216-75 и приказом Наркомторга СССР № 119 от 16 марта 1943 года для руководящих работников крупных промышленных предприятий (директоров и их заместителей, главных инженеров, начальников производств и парторганизаторов ЦК ВКП(б)) был введен отпуск обедов литер «Б», который включал 200 грамм хлеба, суп, второе мясное или рыбное блюдо, чай, компот или кисель.

Любопытная деталь. В мемуарах простых кемеровчан, которые пережили войну, непременно есть строки о том, как они питались в суровые годы. Люди пишут о «тошнотиках», о солидоле, который использовали при выпечке хлеба вместо масла, о саранках, о подпольных кабанчиках, о подсолнечном жмыхе. Люди делятся своим *личным* опытом, рассказывают, как им удалось выжить в тяжелейшее время. Другое дело – «литературное наследие» местной номенклатуры. Мы не нашли ни одного упоминания о том, как жила эта категория граждан во время войны. Если почитать статьи и доклады чиновников, опубликованные в газетах в тот период, можно многое узнать о бедственном существовании рядовых тружеников тыла, но ни слова о своем собственном материальном положении.

Для нас было настоящим откровением, когда в мемуарах уже упомянутого Федора Ягунова мы прочитали: «...я по наивности полагал, что все молодые люди моего возраста либо воюют, либо работают на военных заводах. А как же иначе? «Весь советский народ, как один человек...» Мое мышление не могло вырваться из пределов государственной пропаганды. Оказалось, все не совсем так. В на-

шем городе в переломном для войны, но и труднейшем 1943 году было немало праздной молодежи. Существовали вполне благополучные семьи, их не затронула война. Они не голодали. Молодых людей призывного возраста, принадлежащих к таким семьям, не беспокоили военкоматы, девушки вполне спокойно обходились иждивенческими хлебными карточками, для них приобретались где-то дорогие наряды, украшения. Им хотелось красоваться, блистать, покорять...»

Комментарии – излишни. «Кому – война, а кому – мать родная». Одни ели «тошнотики», а другие антрекоты, копченую кету и американский шоколад.

Рассказывая о питании кемеровчан в военные годы, мы не можем обойти еще одну важную тему. Дефицит продуктов способствовал широкому распространению краж и махинаций.

Самым простым способом было обвешивание. Хлеб в магазинах и столовых отпускался на вес. Чтобы обмануть покупателя, использовались фальшивые гири, которые весили меньше номинала. Кто заметит, что такая гиря на миллиметр тоньше стандартной? А благодаря такой уловке продавец воровал 2–3 килограмма хлеба ежедневно.

Еще один способ воровства – приписки. Составлялся акт о том, что лучшим работникам производства выдали премию – продуктовые наборы. В список награжденных вносились имена не только ударников, но и других людей. На крупном предприятии проверить, кто получил премию, а кто нет – совсем не просто.

Громкую огласку в 1943 году получило дело о хищении продуктов в ОРСе завода «Пластмасс» («Карболит»). Начальник отдела некий Межберг украл 148 килограмм кондитерских изделий. Следствие установило, что на протяжении нескольких месяцев он занимался спекуляцией продуктами питания.

Вместе с Межбергом на скамью подсудимых села и буфетчица столовой № 2 шахты «Центральная» гражданка Калабина, которая украла 352 килограмма хлеба. Наказание – 5 лет тюрьмы.

Однако самые крупные махинации творились не в магазинах и ОРСах, а в карточных бюро. Работни-

ки карточных бюро и домоуправлений присваивали карточки людей, уезжающих из города, выписывали продуктовые талоны на вымышленных лиц или на несуществующих иждивенцев.

Кладовщик-кассир областного картбюро Кемеровской области Науменко похитила талоны на 1800 килограмм хлеба, а также 44 тысячи рублей. (Заметим, что самый лучший токарь КЭМЗа в то время имел зарплату в размере 1900 рублей.) Правда, и наказание было весьма суровым – 25 лет тюремного заключения с конфискацией имущества.

Еще более масштабными были махинации с рейсовыми продуктовыми карточками. Кемеровчане содрогнулись, когда в феврале 1945 года прочитали в газете «Кузбасс» сообщение:

«В областном суде. Органами милиции была разоблачена группа лиц, работавших в карточном бюро Центрального района г. Кемерово, занимавшаяся хищением рейсовых карточек на хлеб и продукты.

Следствием было установлено, что бывшие работники карточного бюро Центрального района г. Кемерово Болдычева, Макеева, Кичигин и другие причинили своими преступными действиями ущерб государству на сумму 1 500 000 рублей.

Кемеровский областной суд в судебных заседаниях 14–19 февраля с. г. под председательством т. Луганской разобрал дело и осудил главных виновников расхищения рейсовых карточек Болдычеву О. А., Макееву А. В. и Кичигина П. С. по закону от 7 августа 1932 года к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего принадлежащего им имущества».

Мы привели этот факт не для того, чтобы клеймить имена воров, а для того, чтобы показать масштабы черного рынка. Барышники и воры, спекулянты и казнокрады в какой-то мере тоже восполняли дефицит продовольствия в городе. По словам Федора Ягунова, «барахолка на базарной площади особенно оживилась в войну, когда государственная торговля оскудела, перешла в закрытые, по талонам, распределители».

Мы прекрасно понимаем, что кто-либо из кемеровских старожилов, прочитав эту главу, скажет:

«Вранье! Все было по-другому!» На наш взгляд, было по-всякому. Жизнь и тогда, и сегодня – пестрая. И в наше время есть люди, которые кушают селедку только по праздникам, а другие считают ее плебейской едой.

Многие наши знакомые, которые, как и мы, родились после войны, убеждены, что полуголодные «кемеровские труженики тыла сутками стояли у станков, работали без выходных по 16–18 часов в день и спали прямо в цехах».

Если это так, то тогда кто же ходил на танцы, концерты, в кино?

Каждую неделю в Кемерово приезжали самые лучшие советские театральные артисты, музыканты, циркачи.

Летом 1943 года, когда исход войны определялся на Курской дуге, в городе прошли концерты Леонида Утесова, Эдди Рознера, Юзефа Скоморовского, Клавдии Шульженко и Владимира Коралли.

Очень часто в кинотеатре «Москва» концерты артистов проходили не только вечером, но и после 12 часов ночи, чтобы люди, работающие в вечернюю смену, могли побывать на представлении. А если не было концертов, то после полуночи в кинотеатре устраивались танцы.

Любимым местом отдыха был горсад. Вот объявление, которое летом 1943 года не сходило со страниц газеты «Кузбасс»:

«Горсад. Ежедневно большое гуляние. Играет духовой оркестр. Начало гуляний с 7 до 12 ночи».

За 4 года войны экономический потенциал Кузбасса вырос в 2 раза! Согласитесь, что полуголодные, обессиленные труженики тыла никогда не смогли бы достигнуть такого высокого результата.

Власти это очень хорошо понимали и делали все, что было в их силах.

А закончить эту главу мы хотели бы объявлением, которое было опубликовано в газете «Кузбасс» 24 апреля 1945 года, за две недели до конца войны:

«Требуются:

Кемеровскому молкомбинату: продавцы мороженого. Обращаться: г. Кемерово, Советская ул., 13, тел. 5-65».

Ирина ВАСИЛЬЕВА,
зав. сектором учета фондов
музея-заповедника «Красная Горка»

Врач Божьей милостью

Почти двадцать лет во главе здравоохранения Кузбасса стояла Мария Нестеровна Горбунова. В Кемерове она проработала с 1936 года по 1982-й. Да и потом, уже на пенсии, двенадцать лет была активным деятелем областного совета ветеранов. В Кемерово ее, уроженку белорусского села, в 1936 году направил Наркомздрав после окончания с отличием медицинского института в г. Сталино (ныне Донецк). И с нашим городом она связала свою жизнь навсегда – без малого на шестьдесят лет.

Её знали если не все, то, во всяком случае, очень многие кемеровчане. Врач-терапевт Кировской больницы, зав. врачебным участком шахты «Пионер», врач-ординатор Рудничной больницы, акушер-гинеколог. В июле 1942 года – призыв в ряды РККА – рабоче-крестьянской Красной Армии и назначение начальником эвакогоспиталя №1230.

– Тётя, вас мамой зовут?

Этот наивный вопрос двухлетнего Юрочки мог бы рассказать о многом: о том, что маму он практически не видит дома, а встречается с ней только в военном госпитале, куда его приводит дедушка; о том, что ему очень хочется быть с ней все время, ведь мама лучше всех на свете умеет играть с ним, о том, что он очень сильно скучает без нее... Но разве могла Мария Нестеровна тогда дать волю своим желаниям, поддаться эмоциям?

1941–1942 годы – начальный период Великой Отечественной войны, трудно было не только тем, кто сражался на фронте, но и тем, кто находился в глубоком тылу. Конечно,

она отвечает за судьбу своего маленького сына, но разве только за него? Ведь именно она, Горбунова Мария Нестеровна, начальник эвакуационного госпиталя № 1230, сформированного в городе Кемерове, и на ней лежит весь груз ответственности за лечение шестисот раненых бойцов и офицеров. Когда Марии Нестеровне сообщили об этом назначении, целый вихрь сомнений пронесся в голове, ведь ей только 29 лет, врачебного опыта еще недостаточно, да и специальность у нее самая что ни на есть мирная – акушер-гинеколог, но в ответ прозвучало: «Член партии, значит, справитесь». Организовывать работу госпиталя пришлось с нуля: приспособить к требованиям медучреждения помещение бывшего педтехникума, формировать персонал госпиталя, заниматься вопросами оборудования, обустройства быта и питания раненых. Не обходилось без курьезов, в первое время, когда катастрофически не хватало кроватей и матрасов, было решено сшить из подручных материалов наматрасники, набить их сеном и разместить прямо на полу, по поводу чего пришлось выслушать много нареканий от раненых.

На лечение в госпиталь поступали те, кто имел серьезное ранение: первая врачебная помощь им оказывалась в полевых условиях, а на долечивание отправляли в тыл. Это уже был второй этап – оказание квалифицированной медицинской помощи. Но как часто сотрудникам госпиталя (бывшим терапевтам, педиатрам) прежней квалификации было не-

● **Мария Нестеровна Горбунова среди соратников
в госпитале военных лет (в первом ряду)**

достаточно, и тогда в роли консультантов выступали медицинские учебники, атласы. При этом вера в свои силы, настойчивость, энтузиазм, стремление сделать все наилучшим образом были огромны, и это определяло хорошие результаты работы. Характерный пример: в госпиталь на лечение поступил Григорий Яковлевич Яненко, музыкант-аккордеонист, с ранением руки, потребовалось сшивание поврежденных тканей. Мария Нестеровна подобного опыта не имела, но вооружившись теоретическими знаниями, провела операцию так, как считала нужным, соединив сухожилие с сухожилием, кожный лоскут с кожным лоскутом и т.д. Результат оправдал самые смелые

ожидания – рука полностью сохранила все свои функциональные возможности, и музыкант смог заниматься любимым делом. После выписки из госпиталя он остался в Кемерове, создал и долгие годы возглавлял отделение народных инструментов во вновь открытом музыкальном училище.

Оперировать приходилось очень много, в госпитале было всего два хирурга, и Мария Нестеровна – одна из них. В фондах Кемеровского областного краеведческого музея хранится справка о том, что за годы работы в госпитале врачом М. Н. Горбуновой было сделано 303 операции. Не меньшее значение придавали и этапу выхаживания пациентов:

● Мария Нестеровна в белом халате, 1970 год

все без исключения сотрудники госпиталя относились к раненым с большой заботой и вниманием, старались поддержать в питании. Медики и горожане несли в госпиталь продукты, в основном то, что было выращено на своем огороде или собрано в лесу. Горбуновы тоже не остались в стороне, им как семье военнослужащего (муж Марии Нестеровны, горный инженер, имевший бронь, добровольцем ушел на фронт), к тому же имеющей малолетнего ребенка, была выделена дойная корова. Молоко и в семье пили, и в госпиталь носили, в металлическом бидоне. Для маленького Юры это была редкая возможность увидеть маму, потому что Марии Нестеровне приходилось большую часть времени проводить на службе. Все силы и мысли были о том, чтобы как можно скорее вылечить и по возможности вернуть в строй раненых, поступающих в госпиталь.

Часто на лечение требовалось несколько недель или даже месяцев, и сотрудники госпиталя предложили для выздоравливающих организовать своеобразные курсы по боевой и политической подготовке. Такие занятия были организованы на базе бывшего детского лагеря в районе деревни Журавли, людей туда доставляли на грузовике, который выделяли по заявке эвакогоспиталя. Дороги в то время были грунтовые, с огромными выбоинами, глубокой колеей, часто с большим уклоном, водители не всегда обладали достаточной квалификацией. Неудивительно, что в таких условиях однажды грузовик перевернулся вместе с людьми. Когда об этом сообщили Марии Нестеровне, она пережила неимоверную тревогу и беспокойство за судьбы людей – пассажиров этого грузовика. Но, к счастью, все обошлось без жертв и даже без серьезных травм, отделались ушибами и синяками.

Занятия по строевой и политической подготовке, которые проводили кадровые военные, шли по плану, и многим бойцам это было крайне необходимо, ведь на фронт ча-

сто призывали людей, не имеющих должной военной подготовки, а так им было гораздо легче адаптироваться к боевым будням после длительного перерыва на лечение.

Всего за годы работы госпиталя через него прошли 25 тысяч раненых, 84 процента которых после лечения возвратились в строй. Для справки: средний показатель по эвакогоспиталю в то время составлял 76–78 процентов. Казалось бы, незначительная разница в несколько процентов, но за каждым процентом стояли живые люди, чьи-то сыновья, отцы, мужья, братья.

В 1944 году по просьбе Кемеровского облздравоотдела Мария Нестеровна Горбунова была переведена на другую работу – начальником лечебного сектора облздрава, а с 1955 года возглавила Кемеровский облздравоотдел и работала на этом посту почти два десятилетия. Так завершилась военная служба и начался новый этап в ее биографии, неразрывно связанный с развитием и становлением здравоохранения в Кемеровской области. Задачи приходилось решать самые разные, система медицинской помощи населению еще не была выстроена должным образом, не хватало квалифицированных специалистов, помещений для размещения больниц и поликлиник, недостаточно было и учебных заведений для подготовки медицинских кадров. Одной из приоритетных задач в середине 1950-х годов Мария Нестеровна определила следующую: борьба с инфекционным заболеванием глаз – трахомой, которой страдало почти половина взрослого населения Кузбасса. В течение 2–3 лет удалось справиться с этой проблемой.

Секретарем обкома КПСС в то время был Афанасий Федорович Ештокин. Так получилось, что именно он определил основной принцип работы руководителя областного здравоохранения. Однажды поздним вечером в рабочем кабинете Горбуновой раздался телефонный звонок, это был А. Ф. Ештокин, он задал вопрос: «Что вы делаете в кабине-

те, да еще в столь поздний час?», Мария Нестеровна стала было подробно рассказывать о том, какими делами она занята, но в ответ услышала: «Ты не кабинетный работник, отвечаешь за всю область, ты должна быть на местах, знать, где и что делается, как идет работа». Вот так и был определен основной девиз работы. С тех пор Мария Нестеровна постоянно бывала в командировках по области, ее знали в каждой больнице, в каждом сельском здравпункте, она вникала во все, знала о проблемах и помогала их решать.

В 1950-е годы строительство новых медицинских учреждений было практически невозможно, страна восстанавливала разрушенное войной хозяйство, но уже в 1960-е начинается активная работа в этом направлении. Приходилось часто ездить в Москву, каждый раз доказывать в Министерстве здравоохранения РСФСР необходимость для области строительства того или иного объекта. Мария Нестеровна обладала особым даром убеждения, всегда умела найти такие слова, так обосновать потребность области в строительстве лечебного учреждения или открытии медицинского учебного заведения, что всегда возвращалась из столицы в Кузбасс с положительным результатом. Доказывала это не только в Москве, но и в области, во время визита в Кемерово министра здравоохранения РСФСР.

Один такой эпизод – историю открытия педиатрического факультета в Кемеровском медицинском институте – невозможно вспомнить без улыбки. Дело было так: в Кузбассе на тот момент не просто ощущался недостаток в специалистах педиатрических специальностей, их катастрофически не хватало, а министерство затягивало с решением об открытии факультета. И вот во время очередного визита министра здравоохранения РСФСР в Кемеровскую область его повезли в г. Прокопьевск для знакомства с жизнью шахтеров. Медики предварительно договорились с горняками, и когда

министр стал спрашивать шахтеров о том, как им живется, люди наперебой стали отвечать, что, когда они спускаются в забой, их больше всего беспокоит здоровье детей. Министра пригласили в забой. Мария Нестеровна также была в этой группе. Они спустились в выработку, а когда настало время подниматься на-гора, то подъем устроили не в клетки, как обычно, а через лаз. Лаз этот представлял из себя вертикальный колодец прямоугольного сечения с лестницей. Причем лестницу через определенные промежутки (порядка десяти метров) пересекали поперечные люки (по соображениям техники безопасности, если человек вдруг сорвется, такой люк остановит падение).

Нужно учесть, что сам лаз достаточно узкий, лестница совершенно отвесная, люки за тобой закрываются с громким металлическим лязгом, путешествие по такому колодцу вряд ли доставит большое удовольствие. К тому же министр имел комплекцию довольно солидную, и подобный подъем стал для него непростым испытанием. Чувствуя себя крайне неудобно, он постоянно спрашивал: «Скоро поднимемся?», Мария Нестеровна ему в ответ: «Откроешь педиатрический факультет? Молчишь? Значит, лезем дальше». На пути они пересекли горизонт, перейдя на который можно было подняться на-гора в клетки, но группа продолжала подъем по лазу.

В конце концов министр дал согласие на открытие педиатрического факультета, и трудный подъем был завершен. А на поверхности их уже ждали накрытые столы. Мария Нестеровна объявила о решении открыть педиатрический факультет в Кемеровском мединституте. Министру не оставалось ничего другого, как подтвердить свое согласие в присутствии шахтеров, администрации предприятия и всех приглашенных.

Добиваясь строительства того или иного объекта здравоохранения, Мария Нестеровна четко представляла себе цель – приблизить медицинскую помощь к населению об-

ласти, сделать ее общедоступной не только в крупных городах, но и в самых отдаленных поселках. Благодаря этой работе, открывались все новые и новые участковые больницы, фельдшерские пункты в сельской местности, здравпункты на крупных предприятиях. Каждое такое учреждение требовалось оснастить необходимым медицинским оборудованием, укомплектовать специалистами, обеспечить медикаментами. Все эти задачи успешно решались.

О многом из того, что делалось под руководством Марии Нестеровны, можно говорить со словами «впервые в области». Строительство больниц и клиник, корпусов мединститута и института усовершенствования врачей, зданий для медучилищ и медлабораторий, организация скорой медицинской помощи и многое, многое другое. Вот один из примеров: когда в 1969 году талантливый хирург Теодор Израилевич Шраер выдвинул идею о проведении операции по пересадке почки, впервые в Кузбассе, он нашел всестороннюю поддержку со стороны М. Н. Горбуновой.

Когда была осуществлена вся необходимая подготовка к подобной операции и уже был определен больной, из Московского центра трансплантологии пригласили одного из ведущих специалистов для консультирования. Мария Нестеровна пригласила хирургов к себе в гости, согласно русским традициям был накрыт стол, за угощением все оживленно общались, но никто не притрагивался к спиртному. Продиктовано такое поведение было чувством ответственности: в любой момент могли доставить донорский орган, а значит, каждую минуту надо быть готовыми к операции. И операция была успешно проведена, правда, несколькими днями позже. В дальнейшем количество таких операций постоянно возрастало, в Кузбассе был создан Центр трансплантологии почки.

Все силы, практически все свое время Мария Нестеровна отдавала работе. Сегодня многие спросили бы, а какова была матери-

альная оценка такого труда? Чтобы понять и оценить уровень материального благосостояния человека, почти два десятилетия возглавлявшего здравоохранение области, достаточно будет такого факта: в 1974 году дочь Наталья решила выйти замуж. Встал вопрос о проведении свадебного торжества, особых материальных накоплений у семьи не было, но выход был найден – Мария Нестеровна отнесла в скупку золотые часы, которые друзья подарили ей на 60-летие. На эти деньги и отметили праздничное событие.

Но материальная составляющая отнюдь не единственная в оценке человеческого труда. Об истинном значении деятельности Марии Нестеровны Горбуновой можно судить по государственным наградам: 1944 год – орден Красной Звезды; 1946-й – медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 1957-й – медаль «За освоение целинных земель»; 1960-й – орден «Знак Почета»; 1966-й – орден Ленина; 1971-й – орден Трудового Красного Знамени; юбилейные медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда». Кроме того, 16 мая 1961 года Горбуновой Марии Нестеровне было присвоено звание заслуженного врача РСФСР.

В знак признания заслуг Марии Нестеровны Горбуновой перед Кузбассом в 2002 году было принято решение о награждении М. Н. Горбуновой (посмертно) медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» I степени и учреждении ведомственной награды Кемеровской области – звания «Лауреат премии имени М. Н. Горбуновой».

**Елена ФУКС, главный хранитель
музея-заповедника «Красная Горка»
Нелли МАМЕТЬЕВА, дочь И. Г. Вольфа**

Был кочегар на Красной Горке

Вольф Иннокентий Георгиевич родился в 1907 году в городе Томске. Отец его был очень обеспеченным человеком – владел несколькими ресторанами и был директором Томского пароходства. Иннокентий с двумя младшими сестрами были детьми от первого брака. После смерти жены отец женился на молодой, которая приняла в семью только девочек, а Иннокентий после окончания начальной школы был отправлен жить в деревню...

Приехав в Щегловск, Кеша стал работать, как он сам говорил, «у Рутгерса» – возил на лошади работникам обед на поля, забирал с фермы молоко. Довелось ему работать и начальником автогужтранспорта на шахте «Центральная» треста «Кемеровоуголь». Потом решил профессионально выучиться на шофера и пошел на курсы. Они определили его судьбу и на войне, и после нее. До самой пенсии Иннокентий Георгиевич проработал шофером третьего класса. За 1945–1967 годы – ни одной аварии, всегда лучший и ответственный водитель, всегда его имя на Доске почета, в какой бы организации ни работал: ОРСе треста «Кемеровоуголь», автохозяйстве № 2 Кемеровсовнархоза, автобазе комбината «Кузбассуголь», Кемеровском грузовом автохозяйстве № 5.

В Щегловске женился на дочери портного Анне Матвеевне, родились детки: дочери Антонина (1924 г. р.), Галина (1928 г. р.), Нелли (1937 г. р.) и сын Анатолий (1930 г. р.).

Через неделю после объявления войны ушел на фронт, дочке Нелли было всего три с половиной

годика. Но в каждом письме с фронта Иннокентий, рассказывая о своих опасных «приключениях», свое спасение всегда приписывал дочурке: «Счастлива ты, Нэлюшка, что я жив остался». Автотранспорт всегда был для врага основной целью, за войну у Иннокентия Георгиевича разбомбили три машины, а сам он буквально чудом оставался в живых. Не понаслышке знал, что при бомбежке ни в коем случае нельзя оставаться вблизи – у него на глазах погиб командир, спрятавшись от налета под машину.

Один случай он часто вспоминал в послевоенные годы: «За 20 километров от Берлина спустило колесо. Я упрямил командира оставить со мной друга. Только поменяли, сел за руль, смотрю, назад возвращаются всего две машины. Всех остальных немцы разбомбили, только этим и удалось вырваться и нас предупредить. Иначе – верная смерть». Действительно, счастливая ты, Нелюшка!

Резервные войска главнокомандующего, в которых был и Иннокентий, бросали туда, где прорывы. Довелось ему воевать под Москвой, в Вязьме, Орле, Ленинграде («Дорога жизни»), под Сталинградом (с Рокоссовским), в Киеве, Прибалтике, Курске, Брянске, Сухиничах, Нарофоминске, Польше, Германии. Всю войну Иннокентий прошел в составе 486-го артполка. И везде с ним была его верная подруга – гармонь. Довелось играть на ней даже в Рейхстаге.

Когда стояли в Орле, ездил в Москву к старшей дочери (она училась в железнодорожном институте), подарил ей кирзовые сапоги, и Антонину стали считать самой богатой студенткой. Нелли вспоминает, что Тоня не удержалась и без спроса приехала к отцу в Орел, а на следующий день началось наступление. Отец еле упрямил офицеров отвезти дочку обратно в Москву.

После Победы его отправили воевать на Восток, в Японию. Но, доехав до Байкала, узнал, что война закончилась и можно возвращаться домой. На поезде добрался до Притомска, там пересел на лошадь, которую специально для него прислали из

● И. Г. Вольф. Встреча отца с дочерью
Антониной в Москве, 1943 год
● Фронтовые дороги. И. Г. Вольф справа

Кемерова, с прежней работы. Пришел домой 7 ноября. Дочка Нелли училась в 1-м классе и очень хорошо запомнила тот день: «Я не поверила, спряталась и всем говорила, что мой папка на фронте. Он подошел ко мне, сказал: «Я твой папка», посадил на колени и научил понимать время по часам». А 8 ноября сразу в гараж, опять за баранку.

Характер у него был добрый, веселый. В Польше поляки подарили ему новое портмоне, которое он всегда с собой носил и стер буквально до дыр. Жена и дети хотели купить новое, стыдно с таким ходить. Но отец не разрешал: «Это память – мне на войне подарили». Когда жена спрашивала о немцах, всегда говорил: «Да ну, мамка, там такие

же люди живут, такие же дети. Они не виноваты. Это Гитлер виноват. А разве простые люди хотели воевать? Нет, конечно». А внучка Ирочка запомнила, как дед про шинель рассказывал: «Снимаю я шинель после боя, а она вся – в мелких дырочках, как решето. А на мне – ни царапины».

Иннокентий Георгиевич никогда ничего для себя не просил. «Мамка, без нас еще тяжелее люди живут». Только один раз сходил в обком, чтобы телефон поставили.

Когда вышел на пенсию, устроился работать в кочегарку Дома техники (сейчас музей-заповедник «Красная Горка»). В то время в этом здании находились детский сад, библиотека, буфет ОРСа, здесь проводили выборы, показывали кино (билет стоил 10 коп.). После выборов всегда кто-то говорил: «Кеша, иди за гармошкой». Взрослые пели и танцевали на площадке у дома, дети по тропинке бегали к реке, и всюду вокруг цвели ароматные кусты сирени.

Десять лет проработал Иннокентий Георгиевич кочегаром, каждую смену вместе с ним ходил на работу и кот. Все, как кота увидят, сразу знают, что дядь Кешино дежурство, и радуются: «Дядя Кеша дежурит, значит, тепло будет в детском саду».

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Иннокентий Георгиевич Вольф награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейными медалями «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Шестьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Семьдесят лет Вооруженных Сил СССР».

Умер Иннокентий Георгиевич в 1995 году. Памятную гармонь и личные документы в музей принесла его дочь Нелли Иннокентьевна Маметьева.

**Мария АБРАМОВА, научный сотрудник
музея-заповедника «Красная Горка»**

Не женское дело

Большой вклад в изготовление боеприпасов и взрывчатых веществ внесли предприятия Кировского района города Кемерово. Так получилось, что это тяжелое, а главное, опасное производство в годы войны поднимали в большинстве своем женщины, заменяя мужчин, ушедших на фронт. Много было и подростков, окончивших только семь классов. При подготовке выставки о жизни города Кемерово в годы войны я узнала много необычных, но во многом и трагичных историй от самих очевидцев той нелегкой поры. Среди них Ефросинья Петровна Сурнаева, Мария Николаевна Болотникова, работавшие на комбинате № 392 Наркомата боеприпасов (НКБ) (ныне «Прогресс»), и Евдокия Елизаровна Поторокина с завода № 319 НКБ (ныне «Коммунар»).

Долгое время деятельность заводов «Прогресс» и «Коммунар» была засекречена. По словам Ефросиньи Петровны, даже при вопросе «Где ты работаешь?» отвечали: «На заводе по производству макарон». Этот ответ был обусловлен тем, что порох на определенной стадии производства похож на макароны.

Некоторые рабочие жили на левом берегу. До работы они добирались в вагонах по стальмосту (железнодорожный мост через реку Томь) или на лодке (даже зимой, поскольку от теплых стоков КХЗ образовывалась полынья). При переправах происходили несчастные случаи. Так, одна женщина встала на кромку полыни с целью ближе подобраться к лодке, а подтаявший лед рухнул. Как крылья, распласталась телогрейка, и только пальцы короткое время безуспешно пытались схватить хотя бы лед. Ее тело нашли весной под Юргой.

Опоздания на работу строго наказывались. За них снижали заработную плату или выносили выговор. При неоднократном опоздании садили на «губу».

Гауптвахта, или «губа», располагалась недалеко

от завода, в бараках. Заключенных на работу, в столовую и обратно сопровождал конвой. В помещении были нары, которые убирали днем. Если заключенный работал в ночную смену, ничего не оставалось, как спать на полу.

На комбинате № 392 НКБ формой были халат и платок, на заводе № 319 НКБ – куртка и штаны из серого солдатского сукна, сапоги, противогаз. На комбинате № 392 работали по 12 часов через смену с получасовым перерывом на обед. На заводе № 319 работали по 8 часов без обеда, через 12 часов. Иногда после ночной смены на грузовиках заводчан увозили на сельскохозяйственные работы, поскольку у завода № 319 НКБ было свое подсобное хозяйство.

Есть хотелось всегда. На заводе № 319 обеда не было, кормили после работы, поскольку нельзя было остановить производство. Еда состояла из трех блюд. На первое давали постный суп из овощей, выращенных на приусадебном хозяйстве. На второе – картошку или кашу, 200 грамм хлеба, маленький кусочек масла или тоненький кусочек американского сала, чай немного сладкий или два кусочка сахара к чаю, молоко. По талонам брали еще килограмм хлеба, уже не на территории завода.

На комбинате № 392 на обед давали крапивный суп или пшенку. За отличные производственные показатели полагалась двойная порция или немного мяса. Ефросинья Петровна вспоминает, как жевали свежий порох, пахнувший эфиром, гудрон или битум. От этого выпадали зубы. На день выдавали килограмм хлеба.

Сложно было с получением информации. Поскольку репродукторы в годы войны изымались, на комбинате № 392 регулярно начальник цеха или мастер оглашал краткую сводку о положении дел на фронте. На заводе № 319 такое тоже было, но не всегда. Узнавали все по «сарафанному радио».

Часть зарплаты (аванс) отдавали на создание танковой колонии и эскадрильи.

Несмотря на тяжелую работу, молодость брала свое. Влюблялись, танцевали, дружили. Не всех молодых людей забрали на фронт: работающим на предприятиях и в шахтах давали бронь. Ходили на танцы. А иногда просто брали музыкальные инструменты, выходили во двор и танцевали польку, краковяк, вальс.

Работа была тяжелой, нормы большими, но самое страшное – это аварии, уносившие жизни многих заводчан. Так, на комбинате № 392 в 1943 году случилось возгорание при внедрении нового аппарата «Дозер». Он должен был автоматически дозировать порох при формировании зарядов. Но изобретатели не до конца его апробировали и не учли того, что пороховые зерна, попав между вращающимися барабаном и охватывавшей его лентой транспортера, нагревались и могли загореться. Так и произошло.

Мария Николаевна Болотникова вспоминает, что в эту смену она была на работе. За некоторое время до аварии ей удалось отпроситься. Она не успела дойти до проходной, как здание цеха загорелось. Оттуда побежали люди, многие горели, бросались на снег. Некоторые скончались на месте, другие впоследствии умерли от ожогов в больнице. Погибли ее подруга, бригадир и сослуживцы.

В другой раз она также была свидетельницей аварии. Это был взрыв, который произошел между сменами. После смены сослуживицы позвали Марию Николаевну в душ, но она решила пойти домой. Взрывная волна настигла ее за проходной. Взрыв был столь сильным, а воронка настолько огромной, что ее заполняли мусором в течение 10 лет.

На заводе № 319 тоже происходили аварии. Евдокия Елизаровна Поторокина была свидетельницей одной из них. Она, молодая девушка, окончив курсы аппаратчиков, строила завод, а потом работала на нем. Ее окружали девушки-одногодки, знакомые с техникой безопасности только по инструкции. Одна работница пролила химический продукт. По технике безопасности его необходимо было просмотреть, удалить из него мусор и вернуть обратно. Девушка так и сделала. Но, видимо, очень мелкий мусор остался. Из-за этого, когда продукт поставили на сепаратор,

где температура была 120 градусов, произошло возгорание, пошел дым. Тушить было нечем. Девушки не решались покинуть рабочие места и ждали другую смену, которая вот-вот должна была прийти. Увидев дым, пришедшие начали выбегать из помещения. Растерявшись, Евдокия Елизаровна не последовала за ними. Ее спас бригадир: «Утекай, пока цела!» Эти слова Евдокия Елизаровна запомнила на всю жизнь.

При другом взрыве погибла команда пожарных. Одного нашли только спустя много лет под кирпичным завалом, который оставили для устрашения молодых сотрудников, чтобы они всегда соблюдали технику безопасности. Когда приехала комиссия из Москвы, кучу приказали ликвидировать. На дне воронки нашли останки пожарного, который числился дезертиром со дня трагедии.

Однажды девушка сама предотвратила взрыв. Это случилось в 1944-м, ей тогда было шестнадцать лет. Она принимала нитросмесь. По правилам, когда смесь доходила до определенного уровня, нужно было сообщить по телефону работникам хранилища, чтобы они прекращали подачу. Она так и сделала. А в хранилище забарахлил насос. После его починки забыли отключить подачу. Через некоторое время Евдокия Елизаровна слышит голос аппаратчицы: «Смесь льется!» Но было уже поздно. Она разлилась и попала в колодец, где накопились другие горючие смеси, произошел выброс, пламя поднялось до потолка.

«Хорошо, была зима, – вспоминает Евдокия Елизаровна, – крыша не загорелась из-за снега, а то все кончилось бы трагично». Девушка, укрывшись курткой, побежала через пламя, включила систему, открыла воду, присоединила пожарный рукав. В нормальном состоянии слабой девушке такое сделать не под силу, но в чрезвычайной обстановке силы берутся ниоткуда. Так и потушили пожар. В раздевалке все смотрели косо, предполагая, что она была главной виновницей происшествия. Потом был военный трибунал. Разобравшись, осудили мастера, который забыл, согласно звонку, закрыть подачу нитросмеси.

Победа завоевана дорогой ценой, и не только на фронте, но и в тылу. Война как обстоятельство чрезвычайное обнажает нутро человека, и если он не ломается, то становится сильнее. Думаю, люди, перенесшие войну, – герои.

Никита АНУЛЬЕВ

ФОТОПОВЕСТВОВАНИЕ О КРАСНОЙ ГОРКЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Г. В. Корницкий. Праздник, нас объединяющий.....	4
И. Ф. Федорова. Главная забота.....	6

УРОКИ ГОРОДА

А. Б. Коновалов. Кемерово: всё для фронта!.....	8
И. Д. Горьковская. Верные воины тыла.....	14
Е. Н. Будилова. Город принял.....	26
Группа авторов. Во имя правопорядка.....	29
Ю. И. Дьяков. Шахта «Северная» на переднем крае.....	33
Л. Ф. Кузнецова. Артельный труд в годы войны.....	36
Группа авторов. Ради детей военного лихолетья.....	39
А. А. Фешкова. Музы не молчали.....	46
С. А. Алёхина. Каждому пристанище и кров.....	50
Е. И. Тюшина. Чтобы город жил и развивался.....	59
Т. Н. Жидкова. Спорт для жизни и победы.....	69

КЕДРЫ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Геннадий Юров. О человеке, который слышит.....	73
Анатолий Терехов. Исповедь солдата.....	75
Леонид Гержидович. Кедр. Стихи.....	87
Владимир Иванов. Тайга-кормилица.....	88
Лидия Леоненко. Мы предъявляем счет войне.....	90
Свидетельства из первых уст. Воспоминания ветеранов тыла.....	94
Василий Попок. Во имя правды о войне.....	100
Фёдор Ягунов. Послесловие к подвигу.....	108
Татьяна Рысаева. Рисунки с поля брани.....	114
Виктор Арнаутов. Поэт, вернувшийся с войны.....	125
Михаил Небогатов. Стихи разных лет.....	135
Фёдор Ягунов. Поэт, не вернувшийся с войны.....	137
Владимир Чугунов. Стихи разных лет.....	139
Юрий Скударнов. Дети войны.....	147
Игорь Усков. Мой учитель Белозёров.....	154
Анатолий Лопатин. Пять орденов Коломейцева.....	155

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

Владимир и Ольга Сухацкие. Клумбы под картошку.....	157
Ирина Васильева. Врач Божьей милостью.....	166
Елена Фукс, Нелли Маметьева. Был кочегар на Красной Горке.....	172
Мария Абрамова. Не женское дело.....	174
Никита Анульев. Фотоповествование о Красной Горке.....	176

Материалы раздела «Уроки города» организовала Наталья Сергеевна Бледнова, заместитель начальника Управления культуры, спорта и молодежной политики администрации города Кемерово, кандидат исторических наук.

Воспоминания тружеников тыла собрала Галина Николаевна Латышенко, заместитель председателя Кемеровского городского совета ветеранов войны и труда.

В оформлении одиннадцатого выпуска альманаха «Свет Победы» использованы рисунки заслуженного художника России Василия Петровича Кравчука.

Литературно-художественное издание

КРАСНАЯ ГОРКА

Редакторы: **Т. А. Козяева, Т. А. Сапова, Т. В. Тулупова**

Технический редактор **В. И. Труханова**

Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**

Подписано к печати 19.04.2010. Формат 60х84¹/₈. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 999 экз. Заказ № 75

Издательство «Кузбассвуиздат». 650099, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б. Тел. 58-29-34